

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

**Известия
Юго-Западного
государственного
университета
Серия: Лингвистика и педагогика**

Научный журнал

Том 14 № 2 / 2024

**Proceedings
of the Southwest
State University
Series: Linguistics and Pedagogics**

Scientific Journal

Vol. 14 № 2 / 2024

**Известия Юго-Западного
государственного университета.
Серия: Лингвистика и педагогика**

**(Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta.
Seriya: Lingvistika i Pedagogika)**

Научный рецензируемый журнал

Основан в 2011 г.

Цель издания – публичное представление научной общественности научных результатов фундаментальных, прикладных, проблемно-ориентированных научных исследований в таких отраслях, как русский язык, теория языка, сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание, теория и методика профессионального образования, общая психология, психология личности, история психологии, социальная психология.

В журнале публикуются оригинальные работы, обзорные статьи, рецензии и обсуждения, соответствующие тематике издания.

Публикация статей в журнале для авторов бесплатна.

Целевая аудитория: научные работники, профессорско-преподавательский состав образовательных учреждений, экспертное сообщество, молодые ученые, аспиранты, заинтересованные представители широкой общественности.

Журнал придерживается политики открытого доступа. Полнотекстовые версии статей доступны на сайте журнала, научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

Журнал включен в перечень ведущих научных журналов и изданий ВАК Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора наук, кандидата наук по следующим научным специальностям:

Филологические науки: 5.9.5; 5.9.8

Педагогические науки: 5.8.7

Психологические науки: 5.3.1

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Емельянов Сергей Геннадьевич, д-р технических наук, профессор, ректор, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск, Российская Федерация)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Степыкин Николай Иванович, доктор филологических наук, доцент; Национальный исследовательский университет "МЭИ" (г. Москва, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Абрамов Валерий Петрович, академик Академии педагогических и социальных наук, академик Российской академии естественных наук, доктор филологических наук, профессор; Кубанский государственный университет (г. Краснодар, Российская Федерация)

Боженкова Раиса Константиновна, доктор филологических наук, профессор; МГТУ им. Н.Э. Баумана (г. Москва, Российская Федерация)

Боженкова Наталья Александровна, доктор филологических наук, профессор; Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (г. Москва, Российская Федерация)

Василенко Татьяна Дмитриевна, доктор психологических наук, профессор; Курский государственный медицинский университет (г. Курск, Российская Федерация)

Криволапова Елена Михайловна, доктор филологических наук, профессор; Курский государственный университет (г. Курск, Российская Федерация)

Молчанова Людмила Николаевна, доктор психологических наук, профессор; Курский государственный медицинский университет (г. Курск, Российская Федерация)

Никишина Вера Борисовна, доктор психологических наук, профессор; Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова (г. Москва, Российская Федерация)

Пищальникова Вера Анатольевна, доктор филологических наук, профессор; Московский государственный лингвистический университет (г. Москва, Российская Федерация)

Подымова Людмила Степановна, доктор педагогических наук, профессор; Московский педагогический государственный университет (г. Москва, Российская Федерация)

Попова Нина Васильевна, доктор педагогических наук, профессор; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Скобликова Татьяна Владимировна, д-р педагогических наук, профессор; Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Российская Федерация)

Степанова Надежда Сергеевна, доктор филологических наук, доцент; Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Российская Федерация)

Томаков Владимир Иванович, доктор педагогических наук, профессор; Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Российская Федерация)

Шаклеин Виктор Михайлович, академик РАН, доктор филологических наук, профессор; Российский университет дружбы народов (г. Москва, Российская Федерация)

Якушкина Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, доцент; Российский государственный гидрометеорологический университет (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Учредитель и издатель:

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

Адрес учредителя, издателя и редакции

305040, г.Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94

Телефон: +7(4712) 22-25-26,

Факс: +7(4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:

Журнал зарегистрирован Федеральной службой

по надзору в сфере связи, информационных

технологий и массовых коммуникаций

(ПИ №ФС77-80884 от 21.04.21).

ISSN 2223-151X (Print)

Сайт журнала: <https://swsu.ru/izvestiya/serieslingva/>

© Юго-Западный государственный университет, 2024

Материалы журнала доступны
под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

Типография:

Полиграфический центр
Юго-Западного государственного
университета, 305040, г. Курск,
ул. 50 лет Октября, д. 94

Подписка и распространение:

журнал распространяется
по подписке.

Подписной индекс журнала 44292
в объединенном каталоге
«Пресса России».

Периодичность: четыре выпуска в год

Свободная цена

Оригинал-макет подготовлен Е.Г. Анохиной

Подписано в печать 28.06.2024

Дата выхода в свет 19.07.2024. Формат 60x84/8.

Бумага офсетная. Усл.печ.л. 19,0.

Тираж 1000 экз. Заказ 24.

16+

Proceedings of the Southwest State University

Series: Linguistics and Pedagogics

Peer-reviewed scientific journal

Published since 2011

The purpose of the publication is to publicly present to the scientific community the scientific results of fundamental, applied, problem-oriented research in such fields as the Russian language, language theory, comparative historical typological and comparative language knowledge, theory and methodology of vocational education, general psychology, personality psychology, history of psychology, social psychology.

The journal publishes scientific articles, critical reviews, reports and discussions in the above mentioned areas.

All papers are published free of charge.

Target readers are scientists, university professors and teachers, experts, young scholars, graduate and post-graduate students, stakeholders and interested public.

The Editorial Board of the journal pursues open access policy. Complete text of the articles are available at the journal web-site and at eLIBRARY.RU.

The journal is included into the Register of the Top Scientific Journals of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation as a journal recommended for the publication of the findings made by the scientists working on a doctoral or candidate thesis in the following areas:

Philological Sciences: 5.9.5; 5.9.8

Pedagogical Sciences: 5.8.7

Psychological Sciences: 5.3.1

EDITOR-IN-CHIEF

Sergey G. Yemelyanov, Doctor of Engineering, Rector of the Southwest State University
(Kursk, Russian Federation)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Nikolay I. Stepykin, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor;
National Research University "Moscow Power Engineering Institute" (Moscow, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD

Valery P. Abramov, Doctor of Philological Sciences, Professor; Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Raisa K. Bozhenkova, Doctor of Philological Sciences, Professor; Bauman Moscow State Technical University (Moscow, Russian Federation)

Natalia A. Bozhenkova, Doctor of Philological Sciences, Professor; Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russian Federation)

Tatyana D. Vasilenko, Doctor of Psychological Sciences, Professor; Kursk State Medical University (Kursk, Russian Federation)

Elena M. Krivolapova, Doctor of Philological Sciences, Professor; Kursk State University (Kursk, Russian Federation)

Lyudmila N. Molchanova, Doctor of Psychological Sciences, Professor; Kursk State Medical University (Kursk, Russian Federation)

Vera B. Nikishina, Doctor of Psychological Sciences, Professor; Pirogov Russian National Research Medical University (Moscow, Russian Federation)

Vera A. Pischalnikova, Doctor of Philological Sciences, Professor; Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation)

Lyudmila S. Podymova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor; Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russian Federation)

Nina V. Popova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor; Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation)

Tatiana V. Skoblikova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor; Southwest State University (Kursk, Russian Federation)

Nadezhda S. Stepanova, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor; Southwest State University (Kursk, Russian Federation)

Vladimir I. Tomakov, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor; Southwest State University (Kursk, Russian Federation)

Victor M. Shaklein Doctor of Philological Sciences, Professor; RUDN University (Moscow, Russian Federation)

Tatiana V. Yakushkina, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor; Russian State Hydrometeorological University (Saint Petersburg, Russian Federation)

Founder and Publisher :
“Southwest State University”

**Official address of the Founder, Publisher
and Editorial Office**

50 Let Oktyabrya str., 94, Kursk 305040,
Russian Federation

Phone: +7(4712) 22-25-26,

Fax: +7(4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

The Journal is officially registered by:

The Federal Supervising Authority in the Field
of Communication, Information Technology and Mass media
(PI №FS77-80884 of 21.04.21).

ISSN 2223-151X (Print)

Web-site: <https://swsu.ru/izvestiya/serieslingva/>

Printing office:

Printing Center

of the Southwest State University,
50 Let Oktyabrya str., 94, Kursk 305040,
Russian Federation

Subscription and distribution:

the journal is distributed by subscription.
Subscription index 44292 in the General
Catalogue “Pressa Rossii”

Frequency: Quarterly

Free-of-control price

Original lay-out design Elena G. Anohina

16+

© Southwest State University, 2024

Publications are available in accordance with
the Creative Commons Attribution 4.0 License

Sent to the printing 28.06.2024.

Release date 19.07.2024. Format 60x84/8.

Offset paper. Printer's sheets: 19,0.

Circulation 1000 copies. Order 24.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	8
Оригинальные статьи	
Гендерные психологические характеристики во фразеологии: динамика значений в газетном корпусе	8
Беспалова Е. А.	
Сопоставительный анализ понятия и видов каламбура в русском и арабском языках	20
Аль Мугаммай Аззам Ахмад	
Лингвокогнитивные механизмы в продвигающем дискурсе (на примере продажи инфопродуктов блогерами).....	30
Кириллова Е. А.	
Структурно-семантические особенности этно-стереотипизации пространственно-временных отношений в различных лингвокультурах (на материале кабардино-черкесского, русского и английского языков)	42
Маремукова Э.В.	
Лингвофилософский и социолингвистический анализ французских слов “globalisation” и “mondialisation” применительно к понятию глобализации.....	53
Андреева О. А.	
Актуальные тенденции в процессе заимствования англицизмов в современном немецком языке (на примере тематической группы «здоровое питание» в немецких социальных сетях).....	62
Шатохина О.А.	
Переключение языкового кода в образовательной среде Афганистана.....	69
Каримулла Рашиди	
Экспериментальное исследование образа цветообозначения <i>белый</i> в языковом сознании носителей русской культуры.....	77
Таныгина Е. А.	
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	94
Оригинальные статьи	
Адаптация содержания образования при подготовке специалистов по охране труда к требованиям профессионального стандарта и запросам работодателей.....	94
Томаков В. И.	
Лингвострановедческий аспект обучения китайскому языку бакалавров (на примере гастрономической культуры).....	106
Карташова В.Н., Вэйхань Чжан	
Современный подход к понятию учебной мотивации в обучении РКИ: критерии формирования	115
Лешутина И. А., Лёвушкина А. М.	
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	127
Оригинальные статьи	
Психологические особенности личности медиатора.....	127
Тарасова Н.В.	
Особенности социальной идентичности волонтеров, занимающихся профессионально-ориентированной добровольческой деятельностью и подверженных эмоциональному выгоранию	144
Молчанова Л.Н., Королева С.И.	
РЕЦЕНЗИИ	158
Жанровая специфика англоязычной литературы. Рецензия на книгу: Г. И. Лушников, Т. Ю. Осадчая. Современная англоязычная литература: традиции и эксперимент: монография. М.: ИНФРА-М, 2023. 170 с. ISBN 978-5-16-017904-9.....	158
Федуленкова Т. Н.	
К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ	164

CONTENT

LINGUISTICS.....	8
Original articles	
Gender Psychological Characteristics in Phraseology: Dynamics of Meanings in the Newspaper Corpus.....	8
Ekaterina A. Bespalova	
Acomparative Analysis of the Concept and Types of Homonyms in Russian and Arabic.....	20
Al Mugammai Azzam Ahmad	
Linguacognitive Mechanisms in Promotional Discourse (based on the Example of Selling Information Products by Bloggers).....	30
Ekaterina A. Kirillova	
Structural and semantic features of ethno-stereotyping of space-time relations in different linguistic cultures.....	42
Elleonora V. Marenukova	
Linguophilosophical and sociolinguistic analysis of the french words "Globalisation" and "Mondialisation" in relation to the concept of globalization.....	53
Olga A. Andreeva	
Current trends in the process of borrowing anglicisms in modern german (using the example of the thematic group "healthy eating" in german social networks).....	62
Olga A. Shatokhina	
Code Switching in the educational environment of Afghanistan.....	69
Karimullah Rashidi	
The experimental study of the image of russian color term white in the consciousness of russian culture bearers.....	77
Elena A. Tanygina	
PEDAGOGICAL SCIENCE.....	94
Original articles	
Adaptation of the content of education in the training of occupational safety specialists to the requirements of the professional standard and the demands of employers.....	94
Vladimir I. Tomakov	
Linguistic and country studies aspect of teaching chinese language to bachelors (using the example of gastronomic culture).....	106
Valentina N. Kartashova, Weihan Zhang	
Modern Approach to the Concept of Educational Motivation in Teaching Russian as a Foreign Language: Criteria for Formation.....	115
Irina A. Leshutina, Anna M. Lyovushkina	
PSYCHOLOGY.....	127
Original articles	
Psychological characteristics of the mediator's personality.....	127
Nadezhda V. Tarasova	
Features of social identity of volunteers engaged in professionally oriented volunteer activities and subject to emotional burnout.....	144
Lyudmila N. Molchanova, Svetlana I. Koroleva	
REVIEWS.....	158
Genre specifics of English-language literature. Book review: G. I. Lushnikova, T. Yu. Osadchaya. Modern English-language literature: traditions and experiment: monograph. M.: INFRA-M, 2023. 170 p. ISBN 978-5-16-017904-9.....	158
Tatyana N. Fedulenkova	
К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ.....	164

Гендерные психологические характеристики во фразеологии: динамика значений в газетном корпусе

Е. А. Беспалова¹ ✉

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: kbespalova@yandex.ru

Резюме

Цель исследования состоит в описании особенностей функционирования в медиатекстах фразеологических оборотов, содержащих гендерно маркированный компонент и относящихся к группе психологических характеристик, для накопления данных о специфике оперирования фразеологическим значением и его развитии в речи современных носителей русского языка.

Методы. Для достижения поставленной цели использовались методы наблюдения над языковым материалом, сплошной выборки, лексикографического, лексико-семантического и контекстуального анализа, классификации, систематизации данных.

Результаты проведенного анализа свидетельствуют о том, что фразеологические ресурсы языка чаще используются авторами медиатекстов для номинации и положительной оценки волевых качеств мужчин и женщин, а также учености и высоких нравственных качеств мужчин; негативную же окраску несут фразеологические обозначения нерешительности и неготовности к практической жизни лиц женского пола и несамостоятельности и жадности – мужского. При этом меняется восприятие стереотипа храбрости и самоотверженности российской женщины как положительного необходимого качества: вхождение «в горящие избы» уже не прельщает.

Заключение. Популярность наиболее частотного фразеологизма «железная леди» обусловлена его медийной этимологией и интересом к персоне Маргарет Тэтчер, стиль поведения которой рождает у авторов медиатекстов ассоциации с современными женщинами-политиками и выдающимися представительницами других сфер деятельности. К тенденциям функционирования единиц анализируемой группы в медиаречи можно отнести актуализацию значений отдельных компонентов фразеологического оборота, структурно-содержательную трансформацию сочетаний, развитие значений вплоть до антонимичного, создание языковой игры и анекдота. Отмечены примеры изменения гендерной отнесенности фразеологизма.

Ключевые слова: фразеологическая единица; гендер; психологическая характеристика; прагматика; фразеологическое значение.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Беспалова Е. А. Гендерные психологические характеристики во фразеологии: динамика значений в газетном корпусе // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2024. Т. 14, № 2. С. 8-19. <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2024-14-2-8-19>.

Статья поступила в редакцию 10.02.2024 Статья подписана в печать 21.03.2024

Статья опубликована 28.06.2023

Gender Psychological Characteristics in Phraseology: Dynamics of Meanings in the Newspaper Corpus

Ekaterina A. Bespalova¹ ✉

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: kbespalova@yandex.ru

Abstract

Purpose of research is to describe the features of the functioning of phraseological phrases in media texts containing a gender-marked component and belonging to a group of psychological characteristics, in order to accumulate data on the specifics of operating with phraseological meaning and its development in the speech of modern native speakers of the Russian language.

Methods. To achieve this goal, the methods of observation of linguistic material, continuous sampling, lexicographic, lexico-semantic and contextual analysis, classification, and systematization of data were used.

Results of the analysis indicate that the phraseological resources of the language are more often used by the authors of media texts to nominate and positively evaluate the volitional qualities of men and women, as well as scholarship and high moral qualities of men; phraseological designations of indecision and unpreparedness for the practical life of women and lack of independence and greed of men bear a negative connotation. At the same time, the perception of the stereotype of bravery and dedication of a Russian woman as a positive necessary quality is changing: entering burning huts is no longer tempting.

Conclusion. The popularity of the most frequent phraseology "iron lady" is due to its media etymology and interest in the person of Margaret Thatcher, whose style of behavior gives rise to associations among the authors of media texts with modern women politicians and prominent representatives of other fields of activity. The trends in the functioning of the units of the analyzed group in the media language include the actualization of the meanings of individual components of phraseological turnover, the structural and meaningful transformation of combinations, the development of meanings up to the antonymous, the creation of a language game and anecdote. Examples of changes in the gender attribution of phraseology are noted.

Keywords: phraseological unit; gender; psychological characteristics; pragmatics; phraseological meaning.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Bespalova E. A. Gender Psychological Characteristics in Phraseology: Dynamics of Meanings in the Newspaper Corpus. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2024; 14(2): 8–19 (In Russ.). <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2024-14-2-8-19>.

Received 10.02.2024

Accepted 21.03.2024

Published 28.06.2024

Введение

В настоящее время на стыке языкознания и других областей знания активно развивается такое направление, как гендерология. Современная лингвистика рассматривает гендер как меняющийся «социальный конструкт» [1, с. 109], приписывающий индивиду определенные нормы поведения [2, с. 60] и «качества, атрибуты» [3, с. 344], важной характери-

стикой которого является динамичность [4, с. 74].

Идиоматика представляет богатый и культурно-специфичный материал для изучения гендера, проявлений оппозиции «маскулинность – феминность» в языке [5, с. 199]. Замечено, что во фразеологии отражается менталитет и образ жизни данного общества [6, р. 58]. В работах последнего времени гендер во фразеоло-

гии исследуется в различных аспектах: Л. Ю. Буянова, К. С. Волошина рассматривают фразеологизм как гендерный «гендерный репрезентант и цивилизационно-культурный феномен» [7, с. 118]; И. Е. Дьячкова освещает вопросы когнитивного моделирования гендерного аспекта семантики английских фразеологических единиц [8, с. 66]; М. Чжан дает сравнительный анализ образа мужчины в русской и китайской фразеологии [9], а Е. А. Середа – образа женщины в русской и английской [10]; Е. А. Редкозубова изучает функционирование фразеологизмов в английском сленге, демонстрирующее гендерную асимметрию [11, с. 138].

Целью данной работы является выявление специфики употребления в газетном корпусе фразеологических единиц (далее – ФЕ), содержащих гендерно маркированный компонент и относящихся к группе психологических характеристик, для уточнения данных об особенностях оперирования фразеологическим значением и его развитии в речи современных носителей русского языка. Гендерно обусловленная направленность исследования, которое выполнено на основе лингвопрагматического анализа единиц, «способных аккумулировать культурные смыслы» [12, с. 31], делает его актуальным.

Исследователь Д. В. Семенова предлагает классификацию фразеологизмов с гендерно маркированным компонентом, состоящую из трех блоков-концептов: фразеологизмы, называющие социологические особенности женщин и мужчин (социально значимая деятельность, социальный статус), физиологические (возраст, особенности внешности) и психологические характеристики (характер, ум, способности)¹.

¹ Семенова Д. В. Гендерный аспект концептуального анализа лексем «мужчина» и «женщина» (на материале фразеологии английского, русского и кабардинского языков): автореф. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2006. С. 5.

Основываясь на данной семантической классификации, мы выделили тематические группы ФЕ «с компонентами значения «мужской» и «женский» [13, с. 15], которые употребляются в современных медиатекстах. Предметом рассмотрения в данной работе является последняя тематическая группа. При этом необходимо заметить, что в русской фразеологии отдельные таксоны представлены значительно шире: так, согласно «Словарю-тезаурусу современной русской идиоматики», в составе таксона «мышление, сознание» только одна из его подгрупп «хитрость, ловкость» включает большое количество оборотов (*мелким бесом, ложку мимо рта не пронесет, держать нос по ветру, финт ушами, рвать на ходу подметки* и др.) [14, с. 68-69], однако они не содержат указания на лицо мужского или женского пола, что обусловило сужение языкового материала при его отборе.

Выбор медиатекстов из газетного корпуса Национального корпуса русского языка в качестве эмпирического материала объясняется актуальностью представленных в нем данных (в него входят материалы СМИ до 2021 г. включительно) [15]. Замечено, что публицистическая сфера является «одной из наиболее значимых площадок реконструкции аксиологической картины мира» [16, с. 112], т.е. на примере газетных текстов можно проследить развитие взглядов социума на место в нем мужчины и женщины, а в нашем случае – на приписываемые им психологические свойства. Именно отраженное в нем живое слово- и фразеопотребление позволяет отследить языковые изменения, развитие фразеологического значения (по сравнению с лексикографическим описанием), т.к. «публицистика быстро реагирует на изменения в употреблении идиом» [17, с. 1115]. С другой стороны, фразеологические, метафорические и иные образные средства языка наполняют публицистику глубиной, поз-

воля «привлечь широкие культурные параллели и ассоциации» [18, с. 53].

Не отмечены в газетных текстах ФЕ, которые относятся к группе психологических характеристик, *хитрый Митрий, упрямая как валаамова ослица, Евина дочка (внучка), сорока короткохвостая, Арина бесполденная, рязанская баба*, они не актуальны для авторов современных газетных текстов и не стали предметом анализа.

Результаты и обсуждение

Представленные в газетном корпусе ФЕ, которые содержат гендерные психологические характеристики, можно описать в составе нескольких подгрупп.

1. Группа фразеологических оборотов, раскрывающих характер, качества личности, включает две подгруппы.

А. Свойства характера, выражающие отношение к людям (доброта, злобность, высокие нравственные достоинства), отражены в ФЕ *баба Яга, добрый молодец, рыцарь без страха и упрека*.

Баба-Яга [костяная нога] (437 – в скобках дается индекс употреблений в газетном корпусе) – известный фольклорный персонаж, который (в сочетании с его актерским воплощением) часто упоминается в медиатекстах: «*Ежибаба (так чехи зовут Бабу Ягу)*» (Ведомости, 2019.03.10) [15] (далее все примеры даются из газетного корпуса).

Фразеологическое значение «о злой, сварливой и безобразной старой женщине» [19, с. 36] реализуется в газетном корпусе редко: «*съемочный процесс ... вынуждает ее [Сурикову] превращаться в Бабу Ягу*» (Труд-7, 30.10.2000).

Интересное развитие образ *бабы Яги* получил после выпуска к летней олимпиаде 1980 г. цикла мультфильмов «*Баба Яга против*», где она сначала заявляет, что она против того, чтобы символом Олимпиады стал мишка, потом – чтобы победители получали призы (сувениры), строит козни в компании с Кощеем и трехглавым змеем. Мультфильм имел по-

литическую подоплеку: Америка (которую, видимо, символизирует Яга), Канада, ФРГ и другие страны (всего более 60) бойкотировали Олимпиаду-80 после ввода советских войск в Афганистан. После этого в медиадискурсе за *бабой Ягой* закрепилось обозначение «того, кто против».

В газетных текстах упоминается сама прецедентная ситуация, отраженная в мультфильме: «... с *Бабой Ягой, которая всячески мешала олимпийскому мишке*» (Советский спорт, 28.02.2011). В остальных случаях так обозначен «тот, кто против»: это могут быть журналист Андрей Максимов в составе жюри конкурса, фракция коммунистов в Госдуме, Минздрав, представители прогрессивной общественности или конкретный политик: «*Баба Яга против, то бишь израильский премьер-министр Нетаньяху*» (Комсомольская правда, 01.10.2013).

На основе созвучия лексем *Яга* – *ЕГЭ* в медиатекстах возникает языковая игра, где единый государственный экзамен предстает в негативном свете, становясь олицетворением зла: «*ЕГЭ. Эта "баба яга" превращает страну в безграмотных людей*» (РИА Новости, 15.09.2015). В газетном корпусе зафиксирован факт литературного творчества, о котором рассказывает ученица 9 класса Анна Корсунова: «*На литкружке разговаривали о том, что баба Яга живет одна, ей нужен дед Егэ*» (Vesti.ru, 03.12.2012); в нескольких контекстах содержится отсылка к этой сказке.

Выражение *добрый молодец* (191) также имеет фольклорное происхождение, там герои наделялись статичным характером и символизировали какое-то качество. В газетном корпусе оно встречается изолированно и в составе прецедентного высказывания: «*Сказка – ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок*» (Известия, 17.01.2003).

В медиатекстах может актуализироваться значение компонента *молодец*: подчеркивается *молодость* героя («ста-

рец прыгает в кипящее молоко и выскакивает добрым молодцем» (Комсомольская правда, 06.12.2012)), но чаще – крепкое сложение: «дюжие добры молодцы» (Советский спорт, 27.02.2008).

Свойство характера *добрый* во фразеологическом значении не отражается (так говорят вообще о молодом человеке) и в газетных текстах не актуализируется. Чаще наоборот подчеркиваются *не добрые* намерения героя публикации: «наезды добрых молодцев в камуфляже и масках» (Труд-7, 27.12.2005). По этому же принципу на основе антонимии строится игра слов: «двое добрых молодцев с недобрыми взглядами» (Комсомольская правда, 04.05.2011).

ФЕ *рыцарь без страха и упрека* (63) толкуется в словарях как «человек высоких нравственных достоинств, качеств» [20, с. 552]. В медиатекстах отражена тенденция употребления оборота не в этом целостном значении (такие примеры единичны), а с актуализацией значений отдельных компонентов: с акцентом на компонент *рыцарь* («*рыцарь без страха и упрека в сияющих доспехах*» (lenta.ru, 15.08.2017)), *без страха* («*Она была бойцом, рыцарем без страха и упрека*» (Советский спорт, 15.06.2013)), *без упрека* («*стал Эраст Петрович таким Рыцарем без страха и упрека, что даже подступить страшно*» (Аргументы и факты, 2002.06.27)). Отмечаем пример структурно-содержательной трансформации оборота – создания антонимичной конструкции с новым набором компонентов: «*рыцарь со страхами, упреками, самокопанием!*» (Труд-7, 21.10.2006).

Б. Отличительные качества личности названы оборотами *рыцарь печального образа*, *скупой рыцарь*, *тургеневская девушка*.

ФЕ *рыцарь печального образа* (49) развивает в медиатекстах разные значения. Закрепленное в узусе обозначение бесплодного мечтателя реализуется редко. Многочисленны упоминания романа Сервантеса и отсылки к его герою Дон

Кихоту, отдельным его качествам (непрактичность – «*Дали в отличие от «рыцаря печального образа» сумел коммерциализировать свою экстравагантность*» (Известия, 28.11.2017)), благородному происхождению («*Рыцарь печального образа в толпе простоллюдинов*» (Аргументы и факты, 2007.03.29)). Без прямой отсылки к герою актуализируются семы, называющие его качества и особенности поведения, которые составляют его образ в романе: «ничего не имеющий» («*пособрал котомку и рыцарем печального образа ушел*» (Комсомольская правда, 06.09.2013)), «действующий, не боясь последствий» («*лезть на рожон, как рыцарь печального образа*» (Известия, 20.07.2001)). Значение компонента *печальный* гиперболизируется в одном из контекстов до «*печального зрелища*»: «*из одежды выбрав халат, я окончательно превратилась в Рыцаря Печального Образа*» (Аргументы и факты, 2001.01.29).

Устойчивое сочетание *скупой рыцарь* (107) образовано от названия одной из маленьких трагедий А. С. Пушкина и служит для обозначения скряги [21]. В контекстах газетного корпуса встречаются упоминания самого произведения, а также его героя: «*если ты пенсионер ... Гобсек и Скупой Рыцарь отдыхают*» (Известия, 03.11.2015). В обобщенном фразеологическом значении оборот используется для обозначения как конкретных лиц («*Скупые рыцари во власти*» (Парламентская газета, 2016.01.03)), так и организаций («*Минфин ... проводит политику скупого рыцаря*» (Комсомольская правда, 13.03.2006)). Отмечен контекст, в котором выражение содержит положительную оценку, там речь идет о накоплении актерских впечатлений Е. Мироновым для последующей их реализации в работе: «*Подобно скупому рыцарю он складывает свои жизненные наблюдения в ... копилку*» (Труд-7, 16.02.2006). Примечательно, что выражение может употребляться и в отношении женщин: «*портрет современного "скупого рыца-*

ря" выглядит так – это мужчина (женщина) лет 35» (Известия, 28.05.2004).

Другой оборот литературного происхождения *тургеневская барышня* (девушка) (71) в переносном значении стал использоваться для обозначения далеких от практической жизни девушек романтического склада. В контекстах его употребления подчеркиваются отдельные черты, связанные с образами И. С. Тургенева: застенчивость девушек («*тургеневские барышни, ... заливавшиеся румянцем*» (Комсомольская правда, 08.11.2009), принадлежность прошлому («*Раньше девушки перед балом ставили пивок... – доктор выдала тайну тургеневских барышень*» (Комсомольская правда, 06.06.2008)), внешнее сходство («*манекеницы старались копировать повадки «тургеневских барышень»... сорочки, комбинации, корсеты*» (Комсомольская правда, 28.02.2005)). Отрицательная конструкция с ФЕ встречается при самохарактеристике мужчины: «*Я ... не похож на тургеневских барышень, но Кох меня смутил*» (Новая газета, 01.04.2018).

2. Группа ФЕ, номинирующих интеллектуальные способности и кругозор мужчин и женщин, немногочисленна, к ней относятся сочетания *ученый муж*, *муж совета*, *кисейная барышня* [22].

Частотный оборот *ученый муж* (290) употребляется в медиатекстах для обозначения ученого, т.е. используется не как характеристика интеллекта, а как указание на род деятельности: «*учёные мужи объясняют все ... потеплением*» (Парламентская газета, 2018.01.10). Показательно, что при этом всегда имеются в виду мужчины (получается, научная деятельность – их прерогатива), за исключением специально оговоренных случаев: «*Из-за научных теорий наши ученые мужи и дамы так не ссорятся*» (Комсомольская правда, 30.12.2009). Встречается пример конкретизации научной сферы: «*ученый муж от литературы*» (Комсомольская правда, 10.03.2004).

Устаревший оборот *муж совета* (2), указывающий на мудрость носителя такого звания, малочастотен в газетном корпусе: «*Он и его ставленники выступали как "мужи совета"*» (Независимая газета, 18.11.1997).

Другое устаревшее выражение *кисейная барышня* (25) более востребовано в газетных текстах, возможно, в связи с синкретичностью семантики, т.к. сочетает семы беспомощности и ограниченного кругозора: «*энергичные родители не хотят ...делать из нее "кисейную барышню"*» (Аргументы и факты, 2001.03.15). Показательно, что сочетание используется в отношении мужчин, но через сравнение («*обижаются, словно кисейные барышни*» (Советский спорт, 10.09.2005)) или отрицание («*Президент ... – не кисейная барышня*» (lenta.ru, 15.02.2017)).

3. Воля и ее проявления (самостоятельность / несамостоятельность, решительность / нерешительность и т.д.) обозначены фразеологическими оборотами *железная леди*, *маменькин сынок*, *маменькина дочка*, *папенькин сынок*, *сам себе хозяин* / *сама себе хозяйка*, *сама себе госпожа*, *в горящую избу войдет, мужская рука*, *сатана в юбке*.

Наиболее частотный фразеологизм всего анализируемого материала – *железная леди* (767). Выражение возникло как обозначение конкретного политического деятеля: «*прозвище «железная леди» премьер-министр получила после статьи в ... The Sunday Times*» (Парламентская газета, 2021.05.04). Большинство контекстов в газетном корпусе отсылают читателей к Маргарет Тэтчер. Помимо этого значения, в словаре зафиксировано вторичное – «о любой женщине, отличающейся решительностью, бескомпромиссностью и высоким профессионализмом» [19, с. 379], оно раскрывается в медиатекстах: «*быть железной леди и ... очаровательной армянской мамой*» (Московский комсомолец, 19.10.2019).

Будучи этимологически связанным с политической коммуникацией, выражение продолжает активно употребляться в отношении женщин-политиков: *железной леди* называют Терезу Мэй, Иром Шармиле, Валентину Матвиенко, Юлию Тимошенко, Майявати Прабху Дас, Хиллари Клинтон, Ангелу Меркель, Дилму Роуссефф, Кондолизу Райс, Ципи Ливни. Помимо них, такое обозначение получают выдающиеся женщины с твердым характером Ирина Антонова (*«железная леди русского искусства»* (Известия, 01.07.2013)), Татьяна Лиознова – (*«железная леди российского кинематографа»* (Vesti.ru, 20.07.2009)), Анна Политковская.

Компонент *сын* входит в состав устойчивых сочетаний *маменькин сынок* (208) и *папенькин (папин) сынок* (33). Во втором из них, помимо семы избалованности и изнеженности, содержится указание на то, что отец обычно занимает высокое положение в обществе, а сын незаслуженно этим пользуется [19, с. 683]; сема 'финансовое благополучие' может актуализироваться в контексте: *«команда состояла из шведов. Богатеньких папенькиных сынков»* (Советский спорт, 17.06.2013).

Отношение общества к типу мужчин, получивших обозначение *маменькин сынок*, однозначно отрицательное: *«инфантилы, маменькины сынки кругом»* (Комсомольская правда, 08.12.2011). В медиатекстах отражен стереотип, связывающий формирование такого мужчины с женским воспитанием: *«Воспитываешь одна – «плодишь маменькиных сынков»* (Комсомольская правда, 09.03.2013). Аналогичное значение и пренебрежительную коннотацию имеет ФЕ *маменькина дочка* (15), контексты употребления которой подчеркивают неподготовленность к жизни такой девушки.

Независимость и самостоятельность героев публикации, способность поступать в соответствии со своей волей отра-

жены во ФЕ *сам себе хозяин / сама себе хозяйка* (118). Чаще встречается указание на лицо мужского пола (*«Сам себе хозяин, ... никому не подчинен»* (Новая газета, 27.11.2015)) или в целом на человека, хотя и при этом сохраняется грамматически мужской род (*«человек сам себе хозяин»* (Труд-7, 10.06.2008)). Форма женского рода встречается редко (*«Хочу – отдыхаю. Сама себе хозяйка»* (Комсомольская правда, 21.01.2013)). Синонимична предыдущей фразеологической паре оппозиция, представленная малочастотными ФЕ *сам себе господин* (3) – *сама себе госпожа* (1).

Прецедентная фраза *в горящую избу войдет* (95) из поэмы Н. А. Некрасова «Мороз, красный нос» стала устойчивой характеристикой русской женщины. В медиатекстах многократно цитируются известные строки поэта, дословно и с перефразированием. Выражение приобрело фразеологическое значение «о храбрых, решительных и самоотверженных женщинах» [19, с. 268]: *«образ ... советских женщин, ежедневно входящих в горящую избу, защищающих семью»* (Vesti.ru, 18.04.2012). Медиатексты свидетельствуют, что такое поведение русской женщины типично, ей не от кого ждать помощи (что коррелирует с представлениями об инфантильных мужчинах, *маменькиных сынках*): *«нет на свете рыцаря, который за меня ... в горящую избу войдет»* (Аргументы и факты, 2003.06.02).

Интересны примеры развития образного основания оборота при трансформации его формы (*«Тяжелыми вопросами защиты прав человека у нас ... занимается женщина. Синдром "горящей избы"»* (Труд-7, 18.02.2003)) и переосмысления ценности такого активного поведения женщины (*«Вхождение в горящие избы уже никого не прельщает»* (Феминизм наоборот // Известия, 12.10.2001)).

ФЕ имеет в словаре стилистическую помету *шутливое*, что подчеркивается посредством создания иронического кон-

текста («в горящую избу войдет, слона на скаку остановит и хобот ему оторвет») (Комсомольская правда, 20.05.2006)) или анекдота, основанного на сочетании стереотипов («женское троеборье: коня на скаку остановить, в горящую избу войти, посмотреть – рублем подарить») (Аргументы и факты, 2000.07.18)).

Отмечен контекст, в котором выражение употреблено в речи мужчины-актера, но он касается человека в целом, его готовности ко всему: «в горящую избу войти – пожалуйста» (Vesti.ru, 01.02.2013).

Устойчивое сочетание *девушка с характером* (78) обязано своим происхождением одноименному советскому фильму, и многие медиатексты отсылают читателя к нему. Отличительные качества героини Валентины Серовой отразились во фразеологическом значении оборота: «Анна... девушка с характером, строит свою жизнь и карьеру вопреки всему» (Известия, 31.10.2003). Встречается контекст, в котором так обозначена компьютерная программа.

ФЕ *мужская рука* (53) встречается в газетных текстах при обозначении мужской твердости и силы («подтекающие краны и неработающая техника ждут мужской руки» (Аргументы и факты, 2006.04.22)), а также в более узких значениях – при обозначении мужского воспитания («приемному сыну не будет хватать мужской руки» («Пензенская правда», 08.12.2015)), дела, которым обычно занимается мужчина («образцы репортажной фотографии являются делом исключительно мужских рук» (lenta.ru, 18.07.2019)), самих мужчин («Власти... не без труда нашли применение мужским рукам» (Труд-7, 14.06.2005)).

Малочастотная ФЕ *сатана в юбке* (1), во фразеологическом значении указывающая на неприятную и непоседливую женщину, в газетных текстах используется с акцентом на компоненте *сатана*: «эта "сатана в юбке" [Маргарет Тэтчер] ... командует "все утопить!"» (Коммерсант, 24.02.2012).

Выводы

Среди фразеологических оборотов, номинирующих гендерные психологические характеристики, в газетном корпусе наиболее частотны *железная леди*, *баба Яга*, *ученый муж*, *маменькин сынок*, *добрый молодец*, *сам себе хозяин*, *скупой рыцарь*, *в горящую избу войдет*, *девушка с характером* и др., среди них выделяется наиболее частотный фразеологизм *железная леди*, что обусловлено интересом к персоне Маргарет Тэтчер. К наименее частотным сочетаниям относятся *сатана в юбке*, *сама себе госпожа*, *муж совета*, *сам себе господин*, что можно объяснить наличием устаревших компонентов в их составе.

В количественном отношении группы фразеологических обозначений мужчин и женщин сопоставимы, кроме того, в составе каждой из групп соразмерно количество позитивных и негативных психологических характеристик.

В женском образе для авторов медиатекстов интересны черты *железной леди*, их внимание привлекают женщины, которые *в горящую избу войдут*, *девушки с характером*, *тургеневские девушки*, а отталкивают *кисейные барышни* и *маменькины дочери*. Средствами фразеологии среди мужчин чаще обозначаются в положительном ключе – *ученые мужи*, *добрые молодцы*, *сами себе хозяева*, *рыцари без страха и упрека*, чьей *мужской руки* не хватает, а с негативной оценкой – *маменькины* или *папенькины сынки*, *скупые рыцари*. Названные единицы подчеркивают норму и антинорму в поведении мужчин и женщин.

Типичным для публицистического дискурса является положительная оценка волевых качеств российской женщины, однако фиксируем некоторый сдвиг в такой стереотипизации поведения: оказывается, феминизм уже не так актуален, и «вхождение в горящие избы уже никого не прельщает». Кроме того, прослеживается шутливое отношение к этой теме в ироничных контекстах и анекдоте.

Наибольший интерес из представленных устойчивых сочетаний представляет выражение *железная леди*, порожденное медийным дискурсом и активно в нем функционирующее. Его популярность можно объяснить значимостью для медиасферы образа Маргарет Тэтчер, что побуждает авторов медиатекстов проводить аналогии ее стиля и особенностей политической деятельности с поведением современных женщин-политиков. Отличительные особенности ее характера легли в основу вторичного фразеологического значения, которое раскрывается во многих газетных текстах, где речь идет о решительных и бескомпромиссных женщинах.

Тенденцией использования фразеологических единиц анализируемой группы можно считать актуализацию значений отдельных их компонентов в контексте (акцент на значениях компонентов *рыцарь*, *без страха*, *без упрека*), а также случаи их гиперболизации. При этом часто фразеологическое значение оборота, отраженное в словарях, в медиатекстах не реализуется (*рыцарь печального образа*, *рыцарь без страха и упрека*). При употреблении фразеологизмов литературного происхождения делается акцент на отдельных характеристиках или качествах персонажа (например, благородное происхождение *рыцаря печального образа*, застенчивость *тургеневской девушки*, финансовое благополучие *папенькиных сынков*).

В отдельных контекстах развиваются значения, противоположные заложенным в семантике компонента («*наезды добрых молодцев*»). Отмечен пример игры слов, основанной на антонимии («*добрые молодцы с недобрыми взглядами*»). Кроме того, фразеологические единицы могут менять оценочность на противоположную (*скупой рыцарь*).

Структурно-содержательная трансформация единиц может быть основана на развитии внутреннего образа фразеологического оборота (*рыцарь со страхами, упреками, самокопанием; синдром горящей избы*). В медийном дискурсе получают распространение производные фразеологические формулы (*баба Яга против*), возникают и приживаются индивидуально-авторские образы (*баба Яга и дед ЕГЭ*).

Обороты с гендерно закрепленными компонентами выходят за рамки такой маркированности: *баба Яга*, *тургеневская девушка* (в отрицательной конструкции), *кисейная барышня* (в сравнении), *в горящую избы войдет* употребляются в отношении мужчин, а *скупой рыцарь* – женщин.

Проведенный анализ позволяет аккумулировать данные о специфике оперирования культурно-специфичным знанием, особенностях функционирования фразеологических единиц с гендерно маркированным компонентом в медиаречи, векторах развития фразеологического значения.

Список литературы

1. Кирилина А. В. Гендер и гендерная лингвистика на рубеже третьего тысячелетия // Вопросы психолингвистики. 2021. № 3(49). С. 109-147. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2021-49-3-109-147>.
2. Прудникова Е. С. Категория гендера как объект изучения лингвистики // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2014. № 1(23). С. 59-61.
3. Кобелева Е. А. Гендерные стереотипы во фразеологии русского и китайского языков // Труды Института востоковедения РАН. 2018. № 19. С. 344-353.
4. Зиновьева Е. С. Современные аспекты изучения гендера в языкознании // Вестник Вятского государственного университета. 2016. № 1. С. 74-78.

5. Смирнова Г. В. Выражение гендера во фразеологизмах французского и русского языков // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. № 12 (723). С. 197-204.
6. Marabini A., Mezzina Anna A. Categorization of phraseological units through the comparison of some Russian/Italian expressions // Research Result. Theoretical and Applied Linguistics. 2020. Vol. 6 (3). P. 58-71. <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2020-6-3-0-5>
7. Буянова Л. Ю., Волошина К. С. Фразеологизм как гендерный экспликат: культурно-цивилизационный аспект // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. № 2 (26). С. 117-124.
8. Дьячкова И. Е. Гендерный аспект в семантике английских фразеологизмов с компонентом-антропонимом: вопросы моделирования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. № 654. С. 66-76.
9. Чжан М. Сопоставительный анализ образа мужчины в китайской и русской фразеологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 10-3(76). С. 182-188.
10. Середа Е. А. Реализация образа женщины в английской и русской фразеологии // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. 2022. № 4 (80). С. 289-298. <https://doi.org/10.35854/2541-8106-2022-4-289-298>.
11. Редкозубова Е. А. Функционирование гендерно маркированных фразеологизмов в английском сленге // Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 5. С. 137-144. <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2017-64-5-137-144>.
12. Беспалова Е. А., Ельникова А. В. Библейские фразеологизмы с антропонимическим компонентом в современных медиатекстах // Научный диалог. 2021. № 6. С. 29-42. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-6-29-42>.
13. Беспалова Е. А. Репрезентация образов мужчины и женщины в русской фразеологии: общая характеристика (на материале медиатекстов) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, № 2. С. 8-19.
14. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики: около 8 000 идиом современного русского языка / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский, К. Л. Киселева [и др.]. М.: Аванта+, 2007. 1135 с.
15. Газетный корпус Национального корпуса русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/corpus/paper> (дата обращения 05.02.2024)
16. Дружина Н. Л., Лавицкий А. А. Аксиологический диапазон публицистического дискурса: ценность «семья» (на материале немецкой периодической печати) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 1. С. 108-119. <https://doi.org/10.29025/1994-7720-2021-1-108-119>.
17. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Теоретическая концепция словаря-тезауруса современной русской идиоматики // Словарь-тезаурус современной русской идиоматики. М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2007. С. 1112-1125.
18. Попова Г. В., Клименко А. Н. Библейские метафоры в экономике (на материале современных публицистических текстов) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2017. Т. 7, № 2 (23). С. 52-61.
19. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / под ред. В. М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. 926 с.
20. Фразеологический словарь русского литературного языка / сост. А.И. Федоров. М.: АСТ, 2001. 720 с.

21. Скупой рыцарь // Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. М.: Олма Медиа Групп. 2007. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/proverbs/> (дата обращения: 05.02.2024).

22. Зыкова И. В. Кисейная барышня // Большой фразеологический словарь русского языка / под ред. Е. Н. Телия. 2006. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-dictionary/articles/1647/kisejnaya-baryshnya.htm> (дата обращения: 05.02.2024).

References

1. Kirilina A. V. Gender and gender linguistics at the turn of the third millennium. *Voprosy psiholingvistiki = Questions of psycholinguistics*. 2021;(3):109-147. (In Russ.) <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2021-49-3-109-147>

2. Prudnikova E. S. The category of gender as an object of linguistic study. *Vestnik KRAUNC. Gumanitarnye nauki = Herald of KRAUNTS. Humanities*. 2014;(1):59-61 (In Russ.).

3. Kobeleva E. A. Gender stereotypes in the phraseology of the Russian and Chinese languages. *Trudy Instituta vostokovedeniya RAN = Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences*. 2018;(19):344-353 (In Russ.).

4. Zinov'eva E. S. Modern aspects of gender studies in linguistics. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Vyatka State University*. 2016;(1):74-78 (In Russ.).

5. Smirnova G. V. Gender expression in phraseological units of French and Russian languages. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta = Bulletin of the Moscow State Linguistic University*. 2015;(12):197-204 (In Russ.).

6. Marabini A., Mezzina Anna A. Categorization of phraseological units through the comparison of some Russian/Italian expressions. Research Result. *Theoretical and Applied Linguistics*. 2020; 6 (3): 58-71. <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2020-6-3-0-5>.

7. Buyanova L. Yu., Voloshina K. S. Phraseology as a gender explicator: cultural and civilizational aspect. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki = Actual problems of philology and pedagogical linguistics*. 2017;(2):117-124 (In Russ.).

8. D'yachkova I. E. Gender aspect in the semantics of English phraseological units with an anthroponym component: modeling issues. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta = Bulletin of the Moscow State Linguistic University*. 2012;(654):66-76 (In Russ.).

9. Chzhan M. Comparative analysis of the image of a man in Chinese and Russian phraseology. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological sciences. Questions of theory and practice*. 2017;(10-3):182-188 (In Russ.).

10. Sereda E. A. The realization of the image of a woman in English and Russian phraseology. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo universiteta tekhnologii upravleniya i ekonomiki = Scientific Notes of the St. Petersburg University of Management Technologies and Economics*. 2022;(4):289-298. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2541-8106-2022-4-289-298>

11. Redkozubova E. A. The functioning of gender-marked phraseological units in English slang. *Gumanitarnye i social'nye nauki = Humanities and Social Sciences*. 2017;(5):137-144. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2017-64-5-137-144>

12. Bespalova E. A., El'nikova A. V. Biblical phraseological units with an anthroponymic component in modern media texts. *Nauchnyj dialog = Scientific dialogue*. 2021;(6):29-42. (In Russ.). <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-6-29-42>.

13. Bespalova E. A. Representation of images of men and women in Russian phraseology: general characteristics (based on media texts). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2022;12(2):8-19 (In Russ.).

14. Baranov A. N., Dobrovol'skij D. O., Kiseleva K. L. (eds.). Russian Dictionary-thesaurus of modern idioms: about 8,000 idioms of the modern Russian language. Moscow: Avanta+; 2007. 1135 p. (In Russ.)
15. Newspaper building of the National Corpus of the Russian Language. (In Russ.) Available at: <https://ruscorpora.ru/corpus/paper> (accessed 05.02.2024)
16. Druzhina N. L., Lavickij A. A. The axiological range of journalistic discourse: the value of "family" (based on the material of the German periodical press). *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki = Actual problems of philology and pedagogical linguistics*. 2021;(1):108-119. (In Russ.). <https://doi.org/10.29025/1994-7720-2021-1-108-119>
17. Baranov A. N., Dobrovol'skij D. O. The theoretical concept of the thesaurus dictionary of modern Russian idiomatics. In: *Slovar'-tezaurus sovremennoj russkoj idiomatiki*. Moscow: Mir enciklopedij Avanta+; 2007. P. 1112-1125 (In Russ.).
18. Popova G. V., Klimenko A. N. Biblical metaphors in economics (based on the material of modern journalistic texts). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2017; 7(2):52-61 (In Russ.).
19. Birih A. K., Mokienko V. M., Stepanova L. I. (eds.). Russian phraseology. Historical and etymological dictionary: about 6000 phraseological units. 3rd. ed. Moscow: Astrel': AST: Lyuks; 2005. 926 p. (In Russ.)
20. Fedorov A.I. (ed.) Phraseological dictionary of the Russian literary language. Moscow: AST, 2001. 720 p. (In Russ.)
21. Mokienko V. M., Nikitina T. G. The Miserly Knight. In: *A large dictionary of Russian sayings*. Moscow: Olma Media Grupp; 2007. (In Russ.) Available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/proverbs/> (accessed 05.02.2024)
22. Zyкова I. V. Muslin lady. In: Teliya E. N. (ed.) Big phraseological dictionary of the Russian language. 2006. (In Russ.) Available at: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-dictionary/articles/1647/kisejnaya-baryshnya.htm> (accessed 05.02.2024)

Информация об авторе / Information about the Author

Беспалова Екатерина Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: kbespalova@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-7218-0635, Researcher ID: ABG-7397-2021

Ekaterina A. Bespalova, Candidate of Sciences (Philological), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: kbespalova@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-7218-0635, Researcher ID: ABG-7397-2021

Оригинальная статья / Original article

УДК 811.161.1'37

<https://doi.org/10.21869/2223-151X-2024-14-2-20-29>

Сопоставительный анализ понятия и видов каламбура в русском и арабском языках

Аль Мугаммай Аззам Ахмад¹ ✉

¹Багдадский университет
г. Багдад, Республика Ирак,

✉ e-mail: mostafamohamed@colang.uobaghdad.edu.iq

Резюме

Цель. Целью статьи является проведение сопоставительного анализа понятия и видов каламбура в русском и арабском языках. Основное внимание уделяется выявлению сходств и различий в определении каламбура, а также анализу его разнообразных видов в обоих языках. Цель исследования заключается в понимании того, каким образом каламбур используется для достижения комического или смыслового эффекта в различных культурных контекстах.

Методы. Исследование включает в себя анализ литературы, предоставляющей информацию о каламбуре в русском и арабском языках. Для сопоставительного анализа использованы методы сравнения понятий, определений и видов каламбура в обоих языках. Рассматриваются фонетический, семантический и синтаксический аспекты каламбура, а также учитываются культурные особенности.

Результаты. В ходе исследования выявлены сходства и различия в понимании каламбура в русском и арабском языках. Проанализированы различные виды каламбура, выявлены особенности их использования в обоих языках. Особое внимание уделено фонетическим, семантическим и синтаксическим аспектам данной стилистической фигуры.

Заключение. В заключении подводятся итоги проведенного исследования. Освещаются основные выводы по сопоставительному анализу каламбура в русском и арабском языках, выделяются ключевые различия и сходства. Подчеркивается значение культурных особенностей для восприятия и использования каламбура в каждом из языковых сообществ. Подчеркивается важность исследований подобного рода для лингвистики и межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: каламбур; виды каламбуров; возникновение каламбура; арабский и русский языки; сопоставительный анализ.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Аль Мугаммай Аззам Ахмад Сопоставительный анализ понятия и видов каламбура в русском и арабском языках // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2024. Т. 14, № 2. С. 20-29. <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2024-14-2-20-29>.

Статья поступила в редакцию 22.01.2024

Статья подписана в печать 11.03.2024

Статья опубликована 28.06.2024

Acomparative Analysis of the Concept and Types of Homonyms in Russian and Arabic

Al Mugammai Azzam Ahmad¹ ✉

¹University of Baghdad,
Republic of Iraq, Baghdad

✉ e-mail: mostafamohamed@colang.uobaghdad.edu.iq

Abstract

Purpose of research: The purpose of the article is to conduct a comparative analysis of the concept and types of puns in the Russian and Arabic languages. The main focus is on identifying similarities and differences in the definition of a pun, as well as analyzing its various types in both languages. The purpose of the study is to understand how puns are used to achieve comic or semantic effect in different cultural contexts.

Methods: The study includes an analysis of literature providing information about puns in Russian and Arabic. For comparative analysis, methods were used to compare concepts, definitions and types of puns in both languages. The phonetic, semantic and syntactic aspects of the pun are considered, and cultural features are also taken into account.

Results: The study revealed similarities and differences in the understanding of puns in Russian and Arabic. Various types of puns are analyzed and the peculiarities of their use in both languages are revealed. Particular attention is paid to the phonetic, semantic and syntactic aspects of this stylistic figure.

Conclusion: The conclusion summarizes the results of the study. The main conclusions from the comparative analysis of puns in Russian and Arabic are highlighted, and key differences and similarities are highlighted. The importance of cultural characteristics for the perception and use of puns in each of the linguistic communities is emphasized. The conclusion also emphasizes the importance of research of this kind for linguistics and intercultural communication

Keywords: pun; types of pun; occurrence of pun; Arabic and Russian languages; comparative analysis.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Al Mugammai Azzam Ahmad Acomparative Analysis of the Concept and Types of Homonyms in Russian and Arabic. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2024; 14(2): 20–29 (In Russ.). <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2024-14-2-20-29>.

Received 22.01.2024

Accepted 11.03.2024

Published 28.06.2024

Каламбур – это особый вид языковой игры, заключающейся в использовании слов и фраз с множественными значениями, что позволяет создавать забавные и неожиданные игры слов. Этот стилистический прием является универсальным и обнаруживается в различных языках и культурах. В данной статье мы сосредоточимся на сопоставительном анализе понятия и видов каламбура в русском и арабском языках.

Изучение и сравнительный анализ языковых явлений имеет важное значение

для лингвистики и межкультурной коммуникации. Каламбур как одна из форм языковой игры представляет собой уникальный объект исследования, так как он позволяет увидеть взаимодействие языка, культуры и креативности в каждом из языковых сообществ.

Понимание каламбура в русском и арабском языках поможет выявить общие особенности чувства юмора и креативности, а также различия в мышлении и восприятии мира между двумя языковыми и культурными традициями. Это исследо-

вание способствует развитию межкультурной коммуникации и повышению языковой компетенции, что важно в условиях современного мирового общения и межкультурных взаимодействий.

Итак, перейдём к рассмотрению научного определения термина. Такие лингвисты, как О.С. Ахманова, Т.Ф. Ефремова, Д.Н. Ушаков, В.И. Даль, С.И. Ожегов определяют понятие каламбура как «игра слов».

О.С. Ахманова дает такое определение каламбура: «Каламбур (игра слов) – фигура речи, состоящая в юмористическом (пародийном) использовании разных значений одного и того же слова или двух сходно звучащих слов» [1, с. 69].

Ефремова Т. Ф. отмечает, что каламбур это – «остроумное выражение, шутка, основанные на использовании сходно звучащих, но различных по значению слов или разных значений одного слова; игра слов». [2, с. 46]. Д.Н. Ушаков определил каламбур так: «...игра слов, использование разных значений одного и того же слова (или двух сходно звучащих слов) с целью произвести комическое впечатление» [3, с. 645.].

В.И. Даль определил каламбур как: «игра слов, по двоямыслию их, двоякому значенью» [4, с. 76.].

С другой стороны, есть и другие учёные, отмечавшие, что «каламбур» является разновидностью значения «игра слов».

С. Флорин и С. Влахов отмечали, что «каламбур не считается синонимом игры слов, а является ее вариантом» [5, с. 127].

Арабские учёные уделяют большое внимание изучению каламбура как одному из риторических приемов.

Аль-Хамави (837 г.х.) утверждает, что «оно заключается в использовании одного слова с двумя значениями, одни денудационные и другие метафорические. Первое — близкое значение, второе — отдаленное» [6, с. 177]

М. Аш-Шамали утверждает, что «он состоит в использовании одного слова с двумя значениями, одно денотативное, а

другое метафорическое. Первое является более близким значением, а второе – отдаленным» [7, с. 135].

Аль-Мурагхи фокусирует свое внимание на том, что «он называет «ближним» и «дальним» значениями одного единственного слова, используемого для каламбура» [7, с. 140].

Одним из известных исследователей арабского каламбура был Абу Гаффар аль-Багдади, живший в 11 веке. Он написал труды, посвященные анализу и классификации каламбуров, а также дал рекомендации по созданию собственных каламбуров.

Другой известный арабский исследователь, аль-Джахиз, живший в 9 веке, также изучал каламбур и его влияние на язык и литературу. В своих трудах он обращался к различным стилям и формам каламбура, проводил анализ их эффективности и рекомендовал использовать каламбур в литературе для создания комического эффекта.

Современные арабские исследователи продолжают изучение каламбура и его роли в арабской литературе и культуре. Они исследуют различные аспекты каламбура, включая его семантическую структуру, влияние на коммуникацию и использование в качестве стилистического приема.

По-нашему каламбур – это языковой прием, используемый как в устной, так и в письменной речи. Это сознательная игра слов, цель которой – произвести комический или иронический эффект.

Как мы видим, определение каламбура включает в себя следующие основные характеристики:

– Многозначность: Каламбур использует слова или фразы, которые имеют более одного значения или толкования. Путем игры с этими многозначными словами или выражениями создается новый смысл или смешное выражение.

– Двусмысленность: Каламбур основан на использовании слов или выраже-

ний, которые могут интерпретироваться буквально и в переносном смысле.

– Звуковое сходство: Каламбур может использовать слова или выражения, которые звучат похоже или имеют одинаковое звучание, но имеют разные значения.

– Юмор и остроумие: Основная цель каламбура – вызвать улыбку или смех у аудитории. Остроумие и неожиданный смысл добавляют выразительность и привлекательность этой лингвистической фигуре.

По-нашему каламбур – это не только риторическая фигура, но и проявление креативности и находчивости в использовании языка. Он широко применяется в разговорной речи, литературе, рекламе, юмористических произведениях и других областях коммуникации. Каламбур способствует обогащению языка и созданию уникальных, запоминающихся высказываний.

Результаты и обсуждения

Типы каламбура в русском языке

В теоретических исследованиях приводятся различные классификации каламбуров. Одна из самых распространённых приведена в Большой советской энциклопедии [8]:

1) сопоставление омонимов: – *У вас есть заключение? Просительница: – Нет, батюшка, нельзя ему заключение давать...* [9, с. 44];

2) созвучие слов в узком контексте: – *На всякого заведующего есть свой завидующий* [9, с. 45];

3) столкновение омофонов: *приятно поласкать дитя или собаку, но всего необходимее полоскать рот* [10, с. 34];

4) сопоставление омографов: *Я приехал в Москву, плачу и плачу*¹;

¹ Салихова Н.К. Языковая природа и функциональная характеристика стилистического приёма иронии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 24 с.

5) разрушение и переосмысление устойчивых словосочетаний и фразеологизмов: Он нёс вздор, но нёс его в журналы [11, с. 35];

6) разные значения слова или словосочетания: *есть пьесы настолько слабые, что не могут сойти со сцены* [12, с. 28];

7) шуточная этимологизация: *хочешь чаю, Никанор? – предложил хозяин. – Нет, спасибо, я уже отчаялся* [10, с. 46].

А.П. Сковородников выделяет следующие основные типы каламбуров в соответствии с их «базовым» лексическим явлением:

– **полисемические**: *если история повторяется, значит у неё склероз*; [13, с. 149];

– **омонимические**: *Народ был, народ есть, народ будет есть* [13, с. 149];

– **антонимические**, основанные на сопоставлении или противопоставлении псевдо антонимов: *была бы жизнь дешёвее – цены бы ей не было!* [13, с. 150];

– **паронимические**: *В спорах рождается истина* [13, с. 150].

По нашему мнению каламбур можно разделить на следующие виды:

1. Семантический каламбур: Вид каламбура, основанный на многозначности слов или выражений. Здесь игра слов происходит на уровне смыслов, когда слово или фраза используется в двух или более различных значениях, например: "Умный мужик на вокзале сумку не потеряет, а женщина - украдет. Мама: Как ты провел вечер, сынок? Сын: Да так, лежал на кровати. Мама: Как лежал? Сын: По-перек."

2. Фонетический каламбур: Вид каламбура, основанный на созвучии слов или звуков. Здесь игра слов происходит на уровне звучания слов, а не их значения, например: "Живет дед на берегу, а стоит, гребет.", На горе моя дача, а на даче моя гора."

3. Морфологический каламбур: Вид каламбура, основанный на использовании однокоренных слов с разными приставками или суффиксами, что приводит к

разным значениям, например: "Зачем пчеле под крыльями бреют?" Мужчина: У вас есть фотография вашего мужа в паспорте? Женщина: Да, у меня есть его фото и с фасада и с профиля."

4. Синтаксический каламбур: Вид каламбура, в котором изменение порядка слов в предложении приводит к изменению смысла, например: "Съешь еще этих мягких французских булок" и "Съешь еще этих мягких, французских булок. "Ушел муж с работы и жена плачет" и "Ушел муж с работы и жена плачет."

5. Лексический каламбур: Вид каламбура, основанный на использовании слов с похожими звучаниями, но разными значениями, например "Кошка ходит на газоне и котят мяукают у дома" и "Кошка ходит на газоне и котят мяукают у дома."

Каламбур в арабском языке

Каламбур является одним из видов риторических приемов в арабском языке и относится к красноречию. Что касается его идиоматического значения, то, согласно словарю значений, это «придумать слово, имеющее два значения, близкое, видимое значение, не являющееся подразумеваемый, и отдаленный, скрытый смысл, который подразумевается». Секрет его красоты в том, что он вызывает чувство создания ловкого мыслительного движения посредством перехода ума от близкого значения к отдаленному смыслу и использует богатство языка в семантике слов.

В арабской литературе и устной традиции каламбуры часто использовались для создания забавных загадок, игр слов, иронии и юмористических выражений.

Каламбур является одной из характерных черт арабской поэзии и литературы. Старинные арабские поэты часто использовали каламбуры, чтобы украсить свои стихи и выразить сложные мысли и идеи. В Коране: Арабский язык играет особую роль в исламе, и среди мусульманского сообщества существует уважение к каламбуру, используемому в Ко-

ране. Коран содержит примеры каламбуров, которые воспринимаются как свидетельства высшего мастерства языка. В Фольклоре и народные традиции: Каламбур также широко распространен в арабском фольклоре и народных традициях, включая народные рассказы, песни и поговорки.

Ученые-риторики упоминали, что у каламбура много названий, как в книге *التورية البلاغة العربية* упоминает и некоторые другие названия для слова (каламбур-*التورية*), такие как ((воображение-*التخييل*) и (заблуждение — *المغالطة*)), но у всех этих названий есть одно определение – (это слово имеет два значения, один близко к уму слушателя, но не предназначено, а другой далеко, скрыто и намеренно. Говорящий обманывает слушателя, во-первых, что он имеет в виду ближайший смысл, а после предположение, кажется, что он имеет в виду далекое значение). [6, с. 300].

Это также лингвистическая фигура речи, которая основана на игре слов и многозначности. Как и в других языках, каламбур в арабском языке использует созвучие, многозначность и семантические противопоставления для создания остроумных и забавных эффектов.

Например, говоря человеку: «У тебя рука длинная», и слушателю кажется, что ты описываешь руку формально, когда ты имеешь в виду, что он (вор); и также в ситхи арабского поэта Исмаила **Сабри**

طرفت الباب حتى كلمتني فلما كلمتني كلمتني

Я стучал в дверь, пока мое **плечо устало**(*كل متني*) , а когда мое **плечо устало**(*كل متني*) , она **разговаривает со мной**(*كلمتني*).

Она сказала мне:(*О Исмаил*(اسماعيل), потерпи). А я отвечаю (*о ассама мое терпение кончилось*)(*اسماعيل صبري*)

Каламбур (мое **плечо устало** (*كل*) **метни** , «имея в виду, что его плечо устало от частого стука в дверь», она **разговаривает с мной**(*كلمتني*) .

Всевышний Аллах сказал: *Он - Тот, Кто забирает ваши души ночью и знает, что вы делаете днем.*

وهو الذي يتوفاكم بالليل ويعلم ما جرحتم قال تعالى:
بالتَّهَار

Близкое значение слова (جرحتم) - рана в теле

далекое значение слова (جرحتم) - Совершение грехов и грехов.

Типы арабского каламбура

1 Абстрактный каламбур. (التورية المجردة)

Абстрактный каламбур — это каламбур, который не содержит ничего подходящего или совместимого ни с одним из близких или далеких значений.

Слова Пророка, да благословит его Аллах и приветствует, во время битвы при Бадре, когда его спросили: «От кого ты?» Спрашивающий ответил: «Из воды». близкое значение воды - название арабского племени и далёкое значение воды - человек создан из воды, а презумпции нет. [16, 1977:126].

Другой пример следующей строки стиха:

Оставьте меня Я ем хлеб с сыром

Слово «сыр» имеет два значения, Близкое - съеденный сыр, а далекое — трусость против мужества.

2. Отфильтрованный каламбур (التورية المرشحة)

Это каламбур, связанный с тем, что подходит для ближайшего значения, и он может стоять до или после него, и причина его названия связана с тем, что он работает на его усиление. [7, с. 127].

Например: Мое сердце - *их сосед* в тот день, когда они ушли, и мои слезы текли.

Всевышний Аллах сказал: Мы Своим могуществом воздвигли совершенным образом небо

والسما بنيناها بأبيد قوله تعالى:

Близкое значение слова (بأبيد) - означает часть тела, которая не предназначена.

далекое значение слова (بأبيد) — способность

فقلبي جارهم والدمع جاري

Слово (их сосед- جارهم) это значение — близкое, а оно не предназначено. При созерцании мы находим, что под (мой сосед- جاري) подразумевается *течет* означает, что мои слезы текут, что является отдаленным значением, что имеется в виду, потому что поэт говорит о слезах его глаз.

3. Показанный каламбур (التورية المبينة)

Это каламбур, в котором упоминается свойство далёкого значения слова, и после упоминания его свойство стал ясным. например:

Я упомянул ваших ночей и бокал в моей ладони,

Бокал в *спокойствии* и сердце в усталости.

ذكرت والأس في كفي لياليكم
فالكأس في راحة والقلب في تعب

Слово (راحة)- близкое значение этого слова (рука-يد), а далёкое значение — это слово (спокойствие- راحة) [7, с. 128].

4 Подготовленный каламбур (التورية المهيأة)

Обязательно в этом роде есть подготовительное слово: слово, которое подготавливает и без которого нет каламбура.

Всевышний Аллах сказал: и введет их в Рай, с которым Он их ознакомил

قال تعالى: ويدخلهم الجنة عرفها لهم

Слово (рай- الجنة) близкое значение этого слово(рай- الجنة)

Но далёкий смысл подготовленного слова Рай — это дома и жилища верующих в Раю. [7, с. 129].

Сравнительный анализ видов каламбура в русском и арабском языках

Сравнительный анализ видов каламбура позволяет выявить различия и сходства между разными типами этого литературно-художественного приема. Вот обзор основных видов каламбура и их сравнительный анализ:

1. Семантический каламбур.

Сходство: Как в русском, в арабском семантический каламбур основан на дву-

смысленности слов и игре на различных значениях. В обоих случаях используются слова с близкими и далекими значениями, что создает остроумный и комический эффект.

Различие: В арабском семантическом каламбуре примеры основаны на арабских словах, которые обладают специфическими значениями, свойственными этому языку и его культуре.

Например, русский: "Стаканы плакали, когда их наполнили вином." Здесь слово "стаканы" играет на разных значениях – близком (предмет) и далеком (множественное число от слова "стакан", что можно воспринять как "кричать"). Арабский: В арабском примере, который вы привели, есть семантический каламбур на слове "воды" – близкое значение (название племени) и далекое значение (человек создан из воды).

2. Фонетический каламбур.

Сходство: Как и в русском, в арабском фонетическом каламбуре играет на звучании слов и созвучности звуков. Оба языка используют подобные приемы для создания комических и лингвистических эффектов.

Различие: В арабском языке звучание и звуковая структура слов может отличаться от русского, что приводит к различным возможностям для фонетического каламбура.

Например, русский: "Идет медленно по мокрому мосту." Здесь играет на созвучии слов "мокрому" и "мосту". Арабский: "فقلبي جارهم والدمع جاري". Здесь играет на звучании слов "جارهم" (их сосед) и "جاري" (течет).

3. Морфологический каламбур.

Сходство: Оба языка используют морфологические особенности слов для создания каламбура. В русском и арабском морфология играет важную роль в образовании слов и их различных форм.

Различие: Арабский и русский имеют различные морфологические правила и структуры, поэтому примеры морфологического каламбура могут отличаться.

Например, русский: "Ведущий ведет программу." Здесь играет на морфологии слов "ведущий" и "ведет". Арабский: "ذكرت والأس في كفي لياليكم فالكأس في راحة والقلب في تعب". Здесь играет на морфологическом свойстве слова "راحة" – близкое значение (рука-يد) и далекое значение (спокойствие).

4. Синтаксический каламбур.

Сходство: Оба языка используют синтаксис, порядок слов и структуру предложений для создания смешных и двусмысленных высказываний.

Различие: В синтаксическом каламбуре могут отличаться различия в построении предложений и синтаксических особенностях каждого языка.

Например, русский: "Дайте вина, мы хотим выпить." Здесь играет на синтаксической структуре предложения, что меняет смысл фразы с "дайте вина" на "дайте нам вина". Арабский: "ويدخلهم الجنة عرفها لهم". Здесь играет на синтаксической структуре предложения, что меняет смысл фразы с "и введет их в Рай" на "Рай, который Он им ознакомил".

5. Лексический каламбур.

Сходство: И в арабском, и в русском лексическом каламбуре используются многозначные слова, которые позволяют играть на различных значениях.

Различие: В лексике русского и арабского языков присутствуют свои уникальные слова и фразы, что приводит к различиям в примерах лексического каламбура.

Например, русский: "Дерево деревянного дома росло." Здесь играет на звучании слов "дерево" (расти) и "деревянного" (от слова "дерево"). Арабский: "فالكأس في راحة والقلب في تعب". Здесь играет на звучании слов "راحة" (рука-يد) и "تعب" (усталость).

Таким образом, хотя арабский и русский каламбуры имеют много общих черт, они также отражают особенности каждого языка и его культурного контекста.

Использование каламбура в русском и арабском языке

Каламбур в литературе был и остаётся стандартным риторическим или поэтическим приёмом и в русской, и в арабской литературе. Каламбур очень часто стимулирует мысли и чувства, создавая блестящее умственное движение посредством перехода от близкого смысла к отдалённому смыслу, способность проявлять доброту и скрытность, а также доступ писателя к желаемой цели. Каламбур улучшает экспрессию, указывает на изобретательность писателя.

В религиозных текстах, как в Коране так и в Библии, каламбуры употребляются часто. Например, в Коране: *Всевышний Аллах сказал: – И введёт их в Рай, с которыми Он их ознакомил (وقال تعالى: ويدخلهم الجنة عرفها لهم)*, а в Библии Иисус говорит фарисеям: – *Вожди слепые, оцеживающие комара, а верблюда поглощающие* [От Матфея, 23: 23].

В загадках часто используется многозначный каламбур. Например: *Кто без кисти и белил Крыши города белил?* Шутки также содержат очень много типов каламбуров, включая шутки, в которых манипулируют элементами структуры слова, а также шутки, в которых фокусируются альтернативные значения слова или фразы, или те, что являются результатом звукового сходства некоторых различных групп слов (слуховые шутки). Например: – *Каким озером восхищаются в театре? – «Лебединым озером»! В хорошем чае души не чаем!*

Реклама. Поскольку основная цель рекламы – не только информировать, но и убеждать, использование риторических фигур в рекламном процессе играет ключевую роль, так как цель рекламы заключается в том, чтобы стимулировать стремление людей к покупкам. Например: Реклама магазина пиротехники: *Мы работаем с огоньком!*

Выводы

1. Каламбур является универсальным языковым явлением, которое при-

сутствует как в русском, так и в арабском языках. Однако, хотя оба языка используют каламбур как стилистический приём, существуют различия в его употреблении и трактовке в каждой из культур.

2. В русском языке каламбур часто основан на фонетических и лексических играх слов, используя многозначность и омонимию. В то время как в арабском языке, каламбур может также базироваться на фонетике и лексике, дополнительно включая синтаксические и семантические элементы.

3. Культурные особенности играют важную роль в восприятии и использовании каламбура. В русской культуре каламбур часто связан с юмором и игрой слов, в то время как в арабской культуре он может быть использован для передачи сложных и мудрых мыслей.

4. Исследование различных видов каламбура в обоих языках показывает, что они отражают особенности языковой структуры и специфику каждой культуры. Это подтверждает важность изучения языкового контекста для полного понимания и интерпретации каламбура.

5. Сопоставительный анализ также раскрывает, что каламбур является важным средством выражения креативности и интеллектуальных способностей языковых сообществ. Он позволяет выделить языковые навыки и способности к игре слов, что способствует развитию лингвистической компетенции.

6. Взаимодействие между языками и культурами через каламбур обогащает мировую коммуникацию и способствует пониманию и толерантности между различными культурными группами.

И так сопоставительный анализ понятия и видов каламбура в русском и арабском языках позволяет лучше понять особенности каждой культурной традиции и ее влияние на языковые явления. Исследование раскрывает значимость каламбура как формы языковой игры и его важную роль в культурном и языковом взаимодействии. Данные выводы могут

способствовать развитию более глубокого понимания межкультурных коммуни-

каций и способов обогащения языковой креативности.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1968. 607 с.
2. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2007. URL: <http://www.efremova.info/>
3. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка. М.: Астрель, 2011. URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ushakov.htm>
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Олма-Пресс, 2002. URL: <http://slovardalja.net/about.php>
5. Влахов С.И., Флорин С.К. Непере译имое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 342 с.
6. Ахмед Матлуб Ахмед Аль-Насери. Арабская риторика: значения, утверждение и красота, первое издание. Багдад: Издательство Иракской научной академии, 1980.
7. Абд аль-Азиз Атик, Ильм аль-Бади, часть издателя: Дар аль-Нахда аль-Арабия для печати, публикации и распространения. Бейрут – Ливан, 1977. 248 с.
8. Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. М.: Сов. энцикл., 2015. 672 с. URL: <http://bse.sci-lib.com/>
9. Щербина А.А. Сущность и искусство словесной остроты (каламбура): к вопросу о специфике языкового мастерства в русской советской комедии. Киев: Изд-во Акад. наук УССР, 1958. 68 с.
10. Прутков К. Мысли и афоризмы. М.: Худож. лит., 2003. 381 с.
11. Крылов И.А. в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 2015. 503 с.
12. Станислав Ежи Лец. Непричесанные мысли. М.: Изд-во «Прогресс», 2014.
13. Сковородников А.П. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты: энциклопедический словарь-справочник. 3-е изд., стереотип. М.: Флинта, 2011. 480 с.
14. Юран (на араб. яз.). Медина: Издательский центр имени Короля Фахда, 2000. 604 с. Сура Аль-Анам 60 Сура Аль-Зарият 47 Сура Мухаммад 6.
15. Культура русской речи: энцикл. слов.-справ / Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева [и др.]. М.: Флинта; Наука, 2003. 840 с.
16. Зубкова О.С. Метафора в профессиональной семиотике. Курск, 2011. 334 с.
17. Журналисты.ру. URL: <http://journalisti.ru/>

References

1. Akhmanova O.S. Dictionary of linguistic terms. Moscow; 1968. 607 p. (In Russ.)
2. Efremova T. F. New Dictionary of the Russian Language. Explanatory- word-formation. Moscow: Russian language; 2007. (In Russ.) Available at: <http://www.efremova.info/>
3. Ushakov D. N. Big explanatory dictionary of the Russian language. Moscow: Astrel'; 2011. (In Russ.) Available at: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ushakov.htm>
4. Dal V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language. Moscow: Olma-Press; 2002. (In Russ.) Available at: <http://slovardalja.net/about.php>
5. Vlahov S.I., Florin S.K. The untranslatable in translation. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya; 1980. 342 p. (In Russ.)
6. Ahmed Matlub Ahmed Al-Naseri. Arabic Rhetoric: Meanings, Statement and Beauty, First Edition. Bagdad: Izdatel'stvo Irakskoy nauchnoy akademii; 1980.

7. Abd al-Aziz Atik. *Ilm al-Badi, chast' izdatelya: Dar al'-Nakhda al'-Arabiya dlya pechati, publikatsii i rasprostraneniya*. Beyrut – Livan; 1977. 248 p.
8. Great Soviet Encyclopedia. 3rd. ed. Moscow: Sov. entsikl.; 2015. 672 p. (In Russ.) Available at: <http://bse.sci-lib.com/>.
9. Shcherbina A.A. The essence and art of verbal wit (pun): On the question of the specifics of linguistic mastery in Russian Soviet comedy. Kiyev: Izd-vo Akad. nauk USSR; 1958. 68 p. (In Russ.)
10. Prutkov K. Thoughts and aphorisms. Moscow: Khudozh. lit.; 2003. 381 p. (In Russ.)
11. Krylov I.A. in the memoirs of contemporaries. Moscow: Khudozh. lit.; 2015. 503 p. (In Russ.)
12. Stanislav Jerzy Lec. Uncombed thoughts. Moscow: Progress; 2014. (In Russ.)
13. Skovorodnikov A.P. Encyclopedic dictionary-reference book expressive means of the Russian language and speech errors and shortcomings. 3rd. ed. Moscow: Flinta; 2011. 480 p. (In Russ.)
14. Quran (in Arabic). Koran (na arab. yaz.). Medina: Izdatel'skiy tsentr imeni Korolya Fakhda; 2000. 604 p. Sura Al'-Anam 60 Sura Al'-Zariyat 47 Sura Mukhammad 6. (In Arabic)
15. Ivanova L.Yu., Skovorodnikova A.P., Shiryayeva E.N. Culture of Russian speech: encyclopedia. words. Moscow: Flinta; Nauka; 2003. 840 p. (In Russ.)
16. Zubkova O.S. Metaphor in professional semiotics. Kursk: Izd-vo KGU; 2011. 334 p. (In Russ.)
17. Journalists.ru. (In Russ.). Available at: <http://journalisti.ru/>

Информация об авторе / Information about the Author

Аль Мугаммай Аззам Ахмад, преподаватель кафедры русского языка и литературы, Багдадский университет, г. Багдад, Республика Ирак, e-mail: mostafamohamed@colang.uobaghdad.edu.iq, ORCID: 0000-0001-7796-0892

AL Mogami Azzam al Ahmad, Lecturer, Department of Russian Language and Literature, University of Baghdad, Republic of Iraq, Baghdad, e-mail: mostafamohamed@colang.uobaghdad.edu.iq, ORCID: 0000-0001-7796 0892

Оригинальная статья / Original article

УДК 811.161.1'37

<https://doi.org/10.21869/2223-151X-2024-14-2-30-41>

Лингвокогнитивные механизмы в продвигающем дискурсе (на примере продажи инфопродуктов блогерами)

Е. А. Кириллова¹ ✉

¹Байкальский государственный университет
ул. Ленина, д. 11, г. Иркутск 664003, Российская Федерация
e-mail: fery_rullez@mail.ru

Резюме

Актуальность исследования заключается в том, что интернет-дискурс играет важную ориентирующую роль в функционировании современного общества как когнитивной системы, а аудитория блогеров достигает значительного количества человек. В последнее время деятельность интернет-авторов, которые продвигают свои товары и услуги, стала серьезной проблемой для социума. Блогеры пропагандируют свои информационные продукты (курсы, марафоны, гайды, чек-листы), эффективность которых измерить практически невозможно. Спрос на инфопродукты объясняется желанием аудитории изменить свою жизнь в лучшую сторону, не предпринимая никаких реальных действий. Цель исследования – выявить, какие лингвокогнитивные механизмы воздействия использует автор марафонов Елена Блиновская для создания своего продвигающего дискурса в сети Интернет. Эмпирический материал исследования – 150 постов блогера в социальных сетях. Объект – интернет-среда, предмет – лингвокогнитивные механизмы и их использование интернет-автором для оптимизации продвигающего дискурса. Методы исследования: контент-анализ, с помощью которого были выявлены и подсчитаны фрагменты дискурса, которые реализуют лингвокогнитивные механизмы; когнитивная интерпретация языковых фактов, которая позволила выявить и описать когнитивные признаки, передаваемые языковыми единицами, а затем обобщить полученные данные. Результаты исследования позволяют утверждать, что один из самых популярных блогеров активно использует лингвокогнитивные механизмы воздействия. В найденных фрагментах дискурса присутствуют языковые средства воздействия, которые проявляются на всех уровнях языка: лексическом, фонетическом, синтаксическом, графическом. Исследование позволило установить когнитивные механизмы, которые вербализируются при помощи выявленных языковых средств: диалогичность и псевдодискуссия, визуализация, позиционирование (единение), персонализация, фокусирование и дефокусирование. Также было заключено, что продвигающий дискурс блогера обладает признаками волшебного мышления для вовлечения аудитории в свой мир, интернет-автор прибегает к диалогу со Вселенной (диалогичность), гиперсемиотизации и подчеркиванию важности красивых дат (визуализация, фокусирование). В перспективе исследования планируем обратить внимание на невербальные суггестивные механизмы воздействия, которые используют интернет-авторы при создании своего продвигающего дискурса.

Ключевые слова: лингвокогнитивные механизмы; продвигающий дискурс; блогеры.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Кириллова Е. А. Лингвокогнитивные механизмы в продвигающем дискурсе (на примере продажи инфопродуктов блогерами) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2024. Т. 14, № 2. С. 30-41. <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2024-14-2-30-41>.

Статья поступила в редакцию 24.01.2024

Статья подписана в печать 11.03.2024

Статья опубликована 28.06.2024

© Кириллова Е. А., 2024

Linguacognitive Mechanisms in Promotional Discourse (based on the Example of Selling Information Products by Bloggers)

Ekaterina A. Kirillova¹ ✉

¹Baikal State University

11, Lenina Str. Irkutsk 664003, Russian Federation

e-mail: fery_rullez@mail.ru

Abstract

The relevance of the study lies in the fact that Internet discourse plays an important guiding role in the functioning of modern society as a cognitive system; At the same time, the audience of bloggers reaches a significant number of people. Recently, the activities of Internet authors who promote their goods and services have become a serious problem for society. Bloggers promote their information products (courses, marathons, guides, checklists), the effectiveness of which is almost impossible to measure. The demand for information products is explained by the audience's desire to change their lives for the better without taking any real action. The purpose of the study is to identify what linguocognitive mechanisms of influence are used by the author of marathons, Elena Blinovskaya, to create her promoting discourse on the Internet. Empirical research material – 150 blogger posts on social networks. The object is the Internet environment, the subject is linguocognitive mechanisms and their use by the Internet author to optimize promoting discourse. Research methods: content analysis, with the help of which fragments of discourse that contain linguocognitive mechanisms were identified and counted; linguocognitive analysis, which made it possible to clarify the content of cognitive language experience by establishing the relationship between knowledge and the method of its presentation. The results of the study suggest that one of the most popular bloggers actively uses linguocognitive mechanisms of influence. The found fragments of discourse contain linguistic tools of influence that manifest themselves at all levels of language (lexical, phonetic, syntactic, graphic). As a result of the study, cognitive mechanisms were also found: appeals to different levels of authority; the use of pseudo-statistics, affirmations, storytelling and many other mechanisms. It was concluded that the blogger's promoting discourse has signs of magical thinking, as evidenced by the blogger's dialogues with the Universe; hypersemiotization; emphasizing the importance of beautiful dates. The research perspective is to pay attention to the non-verbal suggestive mechanisms of influence that Internet authors use when creating their promoting discourse.

Keywords: linguistic and cognitive mechanisms; promoting discourse; bloggers.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Kirillova E. A. Linguacognitive Mechanisms in Promotional Discourse (based on the Example of Selling Information Products by Bloggers). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2024; 14(2): 30–41 (In Russ.). <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2024-14-2-30-41>.

Received 24.01.2024

Accepted 11.03.2024

Published 28.06.2024

Введение

В последнее время в социальных сетях появляются различные инфопродукты (курсы, марафоны, гайды, чек-листы), которые производят интернет-авторы. Как правило, задачи инфопродуктов – научить аудиторию (подписчиков) быть финансово независимыми, счастливыми, помочь избавиться от различных психологических установок, которые мешают

развиваться. Задачи звучат оптимистично и привлекательно, блогеру остается только применить ряд суггестивных приемов воздействия, чтобы покупатель окончательно поверил в магический эффект инфопродуктов.

Сложность в определении эффективности продуктов блогеров связана с тем, что адресаты сами принимают решения и сами несут ответственность за их

оценку. Как правило, интернет-аудитория, приняв систему аргументов блогера, начинает пользоваться инфопродуктами, у которых нет никакой практической значимости. Однако интернет-аудитория убеждена, что после оплаты марафона жизнь без каких-либо усилий изменится в лучшую сторону.

В рамках лингвокогнитивного подхода предполагается рассмотрение языковых средств и когнитивных механизмов воздействия, которые используются в процессе коммуникации блогеров со своей интернет-аудиторией. Данный подход предполагает рассмотрение лингвокогнитивных механизмов с опорой на контекст и на знания и методы из разных областей наук (лингвистики, психологии, философии, культурологии, маркетинга). Лингвокогнитивный подход стремится к комплексному и всестороннему изучению языка и его связи с познавательными процессами.

Цель работы – выявить, какими лингвокогнитивными механизмами пользуется популярная создательница марафонов Елена Блиновская для продвижения своих инфопродуктов в социальных сетях. Предполагается, что интернет-автор активно использует когнитивные механизмы, которые вербализуются при помощи языковых средств.

Теоретическое обоснование

Согласно структурной парадигме в языкознании, создателем которой является Ф. де Соссюр, язык – это система символов, благодаря которым люди обмениваются информацией [1]. В настоящее время активно развиваются иные подходы к языку. Например, биологический подход предлагает рассматривать язык как вид поведения, который присущ только живому человеку, а языковую

среду считает целесообразным исследовать в системе «организм – среда» [2, с. 4]. А.В. Колмогорова отмечает: «живой организм и его среда не только взаимосвязаны – они взаимно детерминируют друг друга» [3, с. 25–28]. В рамках биологического подхода в исследовании языка нами изучается языковое взаимодействие, которое происходит между адресантом (блогером) и адресатами (интернет-аудиторией) в сети Интернет. Для того чтобы осуществлять когнитивную связь между блогером и его подписчиками, первому необходимо отбирать и использовать специальные когнитивные механизмы, которые вербализуются в продвигающем дискурсе при помощи языковых средств. Данный процесс находится сегодня в фокусе лингвокогнитивного подхода.

В статье используется термин «продвигающий дискурс», где под дискурсом понимается «незаконченное глобально длящееся описательное явление, предполагающее постоянное генерирование текстов, объединенных общим топи́ком» [4, с. 136]. Продвигающий дискурс состоит из множества элементов интернет-дискурса блогеров, а общий топик данных фрагментов – сам информационный продукт (в данной статье – марафон).

В последнее время блогинг расширяет сферы своего влияния и воздействия; все чаще он направлен на коммерциализацию информационных продуктов и услуг, производимых интернет-авторами. Аттрактивность блогеров и их услуг, степень вовлеченности потенциальной аудитории профессионально подготавливаются и разрабатываются узкими специалистами, маркетологами и PR-менеджерами.

Инфопродукт – это разнообразные обучающие материалы, основанные на опыте, знаниях и навыках, которые создаются блогерами. В современном мире

выделяют различные формы инфопродуктов: марафоны, курсы, гайды, вебинары, семинары, тренинги, интенсивы и иные¹. Информационные продукты обладают рядом преимуществ: позволяют получить знания в определенной области; такие продукты не подвержены физическому износу; позволяют освоить новые технологии; продуктами можно пользоваться в любой точке мира. Однако с точки зрения манипулятивного воздействия можно столкнуться с рядом психологических угроз, среди которых разрушение психических структур индивида и социально-психологических основ общества; сужение возможностей самореализации; снижение самоуважения, «сбои» механизмов самооценки [5, с. 71].

В настоящее время недобросовестных продавцов инфопродуктов называют «инфоцыгане». Впервые данный термин был использован в телесериале «Миллионер из Балашихи»². Исторически этнические цыгане считались колдунами, которые могут предсказывать будущее. Подобный термин применяется по отношению к блогерам, аргументация которых основана на суггестивных приемах убеждения, воздействующих на эмоции, снижающих критическое восприятие и усиливающих доверие к адресату. Популярность подобных продавцов породила некоторые социальные проблемы и потребовала вмешательства государства. Впервые, в Госдуме рассматривается проект создания реестра продавцов ин-

фопродуктов³; во-вторых, Надежда Деметер, глава Национально-культурной автономии цыган России, обратила внимание, что набирающий популярность термин «инфоцыгане» выставляет цыганский этнос в дурном свете, В.В. Путин пообещал решить данный вопрос в ближайшем будущем⁴.

Для продвижения инфопродуктов интернет-авторы используют различные суггестивные механизмы воздействия на всех языковых уровнях: графическом, фонетическом, лексическом, грамматическом и синтаксическом. Например, на лексическом уровне П.Б. Паршин выделяет использование эвфемизмов и дисфемизмов; на синтаксическом уровне – использование пассивного залога вместо активного, средства диалогизации и интимизации изложения; на фонетическом уровне – аллитерационные средства языка, рифмы; на графическом – использование метаграфемы, в частности супраграфемы (выбор шрифтовых гарнитур, средств шрифтового выделения) [6, с. 55–75].

Также в качестве приемов речевого воздействия выделяют: использование стереотипов, апелляций к социальным нормам и авторитетам, опору на количественные данные, псевдостатистики, подачи материала по принципу «плюс-минус» [7]. Использование художественно-выразительных средств также является приемом речевого воздействия, например, метафора способна достичь «прагматической интенции автора» [8].

А. Мегентесов полагает, что любое речевое высказывание напрямую связано с воздействием, внушением [9]. Интер-

¹ Акулова Е. Инфопродукты: как монетизировать свою экспертность // Акцион диджитал. 2021. URL: <https://www.gd.ru/articles/12038-infoprodukt> (дата обращения: 22.02.2024).

² Новичкова Д. Миллионы россиян становятся жертвами инфоцыган. Кто это такие и как не дать им себя обмануть? // Лента.ру. 2022. URL: <https://lenta.ru/articles/2022/11/18/infozigan/> (дата обращения: 22.02.2024).

³ Сиднев Д. В Госдуме предложили создать реестр «инфоцыган» // Обозрение. 2022. URL: <https://oboz.info/v-gosdume-predlozhili-sozdat-reestr-infotsygan/> (дата обращения: 17.02.2024).

⁴ Давыдов О. Путина попросили запретить слово «инфоцыгане» // Лента.ру. 2023. URL: https://lenta.ru/news/2023/05/19/info_gypsies/ (дата обращения: 19.02.2024).

нет-авторы прибегают к манипуляции, под которой понимается вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, которые не совпадают с его реальными желаниями [10, с. 59]. Х. Йылмаз считает, что манипуляция является психологическим и социальным воздействием, которое направлено на изменение восприятия или поведения других людей с помощью неадекватных, обманчивых и даже оскорбительных стратегий [11]. Т.А. Ван Дейк определяет манипуляцию как коммуникативную и интеракционную практику, в основе которой лежит осуществление контроля манипулятора над другими людьми, как правило, против их воли и вопреки их интересам [12, с. 360].

Выделяются следующие признаки манипуляции: психологическое воздействие; отношение манипулятора к другому как средству достижения собственных целей; стремление получить односторонний выигрыш; скрытый характер воздействия; использование (психологической) силы, игра на слабостях; побуждение, мотивационное привнесение; мастерство и сноровка в осуществлении манипулятивных действий [13]. Ноам Хомский, почетный профессор лингвистики Массачусетского технологического института, выделил десять стратегий манипулирования сознанием, среди которых к продвигающему дискурсу блогеров применимы: создание проблем и предложение путей их решения; усиление самообвинения; преобладание использования эмоций над рефлексией; стратегия «знать о людях больше, чем они сами о себе знают» [14]. Также лингвисты предлагают в качестве способов манипуляции широкое использование оценочной лексики; искажение верного смысла слов и утверждений; замаскированное выражение смысла; однобокая интерпретация фактов; предвзятые категорические формулировки и иные [15].

Предполагаем, что за каждым приемом речевого воздействия стоит когни-

тивный механизм, который направлен на работу с бессознательным. И.А. Якоба выделяет шесть групп когнитивных механизмов, называя их «инструменты по целеполаганию»: визуализация (имажинеринг и метафоризация); эпидейктические инструменты (персонализация, диалогичность/псевдодискуссия, инспирация); продвигающие инструменты (вовлечение); персуазивные инструменты (фреймирование, фокусирование, имажинеринг в подвиде интенсификации); оценивающие инструменты (позиционирование); инструменты управления вниманием (дефокусирование, рефреймирование, спин-докторинг, имажинеринг в подвидах искривления и редукции)¹.

Рассмотрение лингвистических и когнитивных аспектов коммуникации находится в фокусе лингвокогнитивного подхода. Подход находит свое активное применение в сфере образования, например, ученые акцентируют внимание на проблеме интеграции когнитивной лингвистики в теорию и методологию преподавания иностранных языков [16, с. 297]. Подход применяется в имиджологии, например, ученые, опираясь на лингвокогнитивный подход, рассматривают социальный феномен имиджа высшего учебного заведения [17, с. 43–44]. Лингвокогнитивные механизмы также изучаются применительно к литературе, например, при анализе индивидуально-авторского начала в поэтическом дискурсе [18, с. 252]. В рамках данной статьи лингвокогнитивный подход актуализирован на примере создания продвигающего дискурса в блогосфере.

Когда языковая единица интегрирована с системой знаний, которую она отражает, она приобретает статус когнитивного концепта (ментальной единицы описания картины мира, которая содержит языковые и культурные оценки, зна-

¹ Якоба И.А. Когнитивно-коммуникативная параметризация медийного дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Улан-Удэ, 2020. 399 с.

ния и представления) [19, с. 36]. Лингвокогнитивному подходу присущи следующие принципы: когнитивная ориентация (как люди воспринимают, обрабатывают и интерпретируют языковую информацию); семантическая направленность (значение и смысл языковых единиц); контекстуальная зависимость (языковые единицы и их значения зависят от контекста, в котором они употребляются); интердисциплинарность (объединяет знания и методы из различных областей, таких как лингвистика, психология, философия и культурология)¹. Таким образом, лингвокогнитивный подход рассматривает и языковые средства, и когнитивные механизмы, а также позволяет исследовать дискурс с опорой на его контекст и объединять знания и методы из разных областей наук.

Материалы и методы

Одними из самых популярных инфопродуктов являются марафоны: «Марафон желаний» Елены Блиновской, «Стратегии на миллион» Оксаны Самойловой, «Денежный марафон» Валерии Чекалиной, «Я выбираю тебя» Надин Серовской и т. д.

Лидером среди продавцов инфопродуктов стала Елена Блиновская. На протяжении последних двух лет СМИ пестрят заголовками: «41-летняя Елена Блиновская сделала состояние, продавая через соцсети «курсы личностного роста для женщин»². О популярности инфопродукта свидетельствуют сайты с отзывами

о марафоне³, большое количество подписчиков в социальных сетях⁴, внимание СМИ к марафонам блогера, информация о высоких доходах Елены Блиновской⁵.

В качестве эмпирического материала для исследования послужили продвигающие дискурсы Елены Блиновской. В ходе исследования были проанализированы более 150 постов блогера в социальной сети ВКонтакте^{6,7}. Мы ставили перед собой цель – выявить, какие лингвокогнитивные механизмы использовала Елена Блиновская при создании продвигающего дискурса в сети Интернет.

Методами исследования послужили контент-анализ и когнитивная интерпретация. Контент-анализ позволил обнаружить и подсчитать фрагменты дискурса, которые реализуют лингвокогнитивные механизмы, применяемые блогером для создания дискурса. Далее была использована когнитивная интерпретация, которая подразумевает под собой мыслительное обобщение результатов описания значений языковых единиц в соотношении с передаваемым ими концептуальным содержанием. Благодаря такого рода интерпретации удастся описать языковые средства, выделить их когнитивные признаки, а затем обобщить данные [20, 21].

³ Тренинг «Марафон желаний Елены Блиновской» – отзывы. URL: https://otzovik.com/reviews/trening_marafon_zhelaniy_eleni_blinovskoy/ (дата обращения: 20.02.2024).

⁴ Елена Блиновская: офиц. аккаунт // ВКонтакте. URL: https://vk.com/elena_blinovskaya (дата обращения: 13.06.2023).

⁵ Рогоза А. Машины по цене квартир, комната с драгоценностями: Сколько на самом деле зарабатывала Елена Блиновская, продавая мечты // KP.RU. 2023. URL: <https://www.kp.ru/daily/27498.3/4757020/> (дата обращения: 11.02.2024).

⁶ Путь к себе | Марафоны личностного роста // ВКонтакте. URL: https://vk.com/the-wayto_yourself (дата обращения: 13.06.2023).

⁷ Полумарафоны | Полумарафоны личностного роста // ВКонтакте. URL: https://vk.com/intensive_blinovskaya (дата обращения: 13.06.2023).

¹ Понятно и просто: что такое лингвокогнитивный подход к изучению речевого жанра? 2023. URL: <https://nauchniestati.ru/spravka/lingvokognitivnyj-podhod-k-izucheniyu-rechevogo-zhanra/> (дата обращения: 22.02.2024).

² Митина В. Сколько зарабатывает Елена Блиновская. Давайте посчитаем // Секрет фирмы. 2023. URL: <https://secretmag.ru/zhizn/skolko-zarabatyvaet-elena-blinovskaya-davaite-poschitaem-27-04-2023.htm> (дата обращения: 20.02.2024).

Результаты и обсуждение

В ходе проведенного исследования нами было выявлено, что в 95% исследуемых фрагментов продвигающего дискурса используются лингвокогнитивные механизмы воздействия. Анализ проводился с опорой на шесть групп когнитивных механизмов, разработанных И.А. Якобой. Заметим, что в ходе анализа было выявлено, что некоторые языковые средства могут содержать сразу несколько когнитивных признаков, однако, на наш взгляд, в большей степени проявляется какой-то один конкретный когнитивный механизм. Были найдены следующие когнитивные механизмы.

1. Диалогичность и псевдодискуссия:

– вербализуется при помощи вопросительных и восклицательных конструкций с имплицитной семантикой. Как правило, у блогеров такие конструкции идут в тандеме друг с другом. Пример: *«Остановись и прислушайся к себе! Твоя жизнь, со всеми успехами и ростом во всех сферах не проходит мимо тебя?»*;

– блогером используется односторонняя вопросно-ответная форма изложения. У блогеров чаще всего прописаны ответы на ими же заданные вопросы. Пример: *«Каково это – быть уверенным в себе? Идти вперед к своим целям, не глядя на насмешки, упрёки или непонимание окружающих?»*;

– семантические пресуппозиции, которые преподносятся в виде риторических вопросов и заставляют заглянуть вглубь себя (внутренняя диалогичность). Примеры: *«Что скрывается за твоей завистью?»*; *«Почему тебе выгодно зависть от других?»*.

2. Визуализация:

– проявляется через литературные тропы. Примеры использования метафор: *«Отправь за борт свои страхи»*; *«Настрой компас души на спокойную погоду»*; *«Отправить в нокаут все то, что мешало получать тебе истинное удовольствие от отношений и тянуло на дно негативных чувств»*, *«Развяжи клубок претензий к своему партнёру»*. Пример использования антитезы: *«Быть в этом замке Королевой или же закрепить за собой роль вечно недовольной, ворчливой старухи, оставшейся у разбитого корыта – выбирать тебе»*. Примеры использования сравнений: *«Отношения – это замок, которые строят двое»*, *«Отношения – как карточный домик»*;

– также визуализация вербализуется через семантические поля слов, связанных с успехом и богатством. Например, прилагательные, которые предполагают большой размер или силу: *«Тяжелая премия #отСловаВесомая у нас выходит. Сильная. Статусная»*;

– визуализация может происходить через сторителлинг. Пример (марафон про отношения): *««Девушка, возьми», – на улице раздавали листовки, и Катя машинально протянула руку. «5 признаков, что ваши отношения могут продлиться всю жизнь», – Катя встречалась с парнем уже два года, и ей было интересно, какие из пунктов она сможет назвать [...] Но если сейчас вы не можете сказать, что всё это о вашей паре, не огорчайтесь. Работа над отношениями сможет помочь...»*, – дочитав до конца, девушка загрустила. В её отношениях было не всё гладко»;

– использование междометий, рифм, растягивания слов для оживления высказывания: *«Бррр... От этой фразы холодок внутри, как будто начинается конфликт»*; *«Подходи-и-и, налета-а-ай, счастье в паре разбирай!»*; *«Она продолжает заряжать нас праздничным настроением и радовать подарками, а их у неё мно-о-о-ого...»*; *«Дзинькнуть» должно именно там 2*»;

– использование фразеологизмов (в том числе их искажённых форм): *«Я связан по рукам и ногам»*; *««Готовь сани летом»*. *Распланируй бюджет заранее – покажи миру свою осознанность»*;

– художественный дискурс, а именно цитирование известных писателей, предполагает когнитивный переход через ви-

зуализацию к сути высказывания. Пример: *«Я не для всех. Живу для себя, одеваюсь для себя, играю музыку для себя, до тех пор, пока мне это нравится, всё отлично. Тейлор Момсен ©»; «Счастье охотнее заходит в дом, где всегда царит хорошее настроение. © Лев Толстой».*

3. Позиционирование (единение).

Апелляция к авторитетам. При анализе дискурсов было выявлено несколько «уровней» авторитетов:

– одним из самых актуальных авторитетов является сам блогер. Пример: *«После прохождения этого гайда, я гарантирую! Твое мышление изменится навсегда и сумка «Шанель» перестанет быть недостижимой»; «СО МНОЙ ты узнаешь правду О СЕБЕ!».*

– апелляция к известным личностям. Пример: *«Читай примеры реальных людей и вдохновляйся. Моника Белуччи – возраст может быть расцветом твоей красоты, если ты примешь его и позволишь проявиться. Это доказала итальянская модель и актриса, которая отказывается от жестких косметологических вмешательств и хирургии в своей внешности. Сейчас Монике 58 лет, и она вдохновляет миллионы женщин по всему миру принимать свою красоту и любить себя»;*

– апелляция к отзывам реальных покупателей. Пример: *«Спасибо вам огромное [...] Первое, что я сделала это нашла доярку... Я больше не буду доить коз сама [...] Еще у меня родилась новая идея! А еще мне за время марафона отправили деньги просто так!»; «Более 300 000 отзывов в соцсетях можно почитать по тэгу».*

4. Персонализация:

– персонализация через интимизацию изложения (сближение с аудиторией с помощью местоимения «ты»): *«Возможно, ты ходил в поход или летел в другую страну понежиться под пальмами и вдохнуть солёного морского воздуха...»; «Ты представляла в детстве, какой будет твоя первая любовь?»;*

– персонализация через признание блогера о личном недостатке, от которого он планирует избавиться в ходе собственного марафона. Пример: *«Я столкнулась с одной трудностью... когда человек растёт быстрее, чем он внутренне готов... его распирает гордыня...И это отвратительно. Но гордыня есть и во мне. Даже в том, что я искренне считаю, что от моего света заряжаются люди [...] Летом разберемся с гордыней окончательно».* Заметим, автор использует многоточие, этот факт можно рассматривать как отсылку к задумчивости, неуверенности адресанта.

5. Фокусирование:

– фокус на аффирмации (краткие фразы, создающие правильный психологический настрой): *«Все события складываются для меня самым благоприятным образом»; «Внутри меня живут гармония и покой, и мир отражает это снаружи»;*

– фокус на негативные жизненные установки с целью их последующей замены на позитивные в ходе марафона: *«Материальная зависимость от партнёра: декретный отпуск, страх освоить новую профессию, боязнь потерять близость с партнёром из-за смены фокуса внимания на свою деятельность»;*

– фокус на одиночество проявляется посредством отсылки к статистическим данным. Пример: *«По данным источника Worldometer, 15 ноября 2022 года население Земли достигло 8 млрд. А ты все еще один»; «По данным ЕМИСС, в 2022 году с января по октябрь в России создано более 800 тысяч браков, а разводов зафиксировано более 500 тысяч! Если ты не хочешь оказаться в списке расставаний, лови последний шанс»;*

– фокус внимания вербализуется при помощи графической манипуляции: использование смайлов; изменение размера и цвета шрифта (*«А с этого года можно пройти марафон в РАССРОЧКУ»*); применение знаков (*«Старайся выбирать сторону со знаком плюс +»*; *«Поделись в*

комментариях *!*»; «*Х Обрати внимание*»; «*Ждём тебя на бесплатном вступительном эфире ♥*»).

6. Дефокусирование:

– смещение фокуса ответственности через использование пассивного залога вместо активного: «*Все практики, которые даются в марафоне, очень мягкие и бережные*»;

– смещение фокуса с неудобных условий на удобные при помощи обеспечения условий успешности речевого акта. Пример: «*Тебе не нужно перечитывать тонну литературы для поиска ценной информации, она собрана и проверена на личном опыте Елены Блиновской здесь*».

7. Вовлечение.

При описании части языковых средств были выявлены признаки волшебного мышления, благодаря которым интернет-автору удастся вовлечь свою аудиторию в определенный мир, в котором он создает и продвигает свои инфопродукты (в том числе «Марафон желаний»). Известно, что у анализируемого блогера есть специальный сайт, на котором продаются воздушные шары, которые надо отпускать в небо вместе со своими проблемами¹. Особенность вовлечения заключается в том, что данный когнитивный механизм включает в себя элементы диалогичности, визуализации, фокусирования. Примеры: «*Прямо сейчас Вселенная тебя спрашивает: «Какой уровень дохода даст тебе взлететь и ощутить себя в жизни, наполненной изобилием? Помни, что я люблю конкретику»*»; «*Делись [...] за что бы хотел поблагодарить Вселенную ?*»; «*Представь себе место, где живёт волшебство. Место, где осуществляются желания, и каждый предмет обладает особой силой*»; «*Сегодня красивая дата – 22/11/22!*».

Выводы

Результаты исследования позволяют утверждать, что один из самых популярных блогеров, который продвигает инфопродукты посредством сети Интернет, активно использует лингвокогнитивные механизмы воздействия.

В рассмотренных фрагментах дискурса присутствуют следующие языковые средства: на лексическом уровне (семантический поля слов, связанных с успехом; литературные тропы; фразеологизмы); на фонетическом уровне (рифмы); на синтаксическом уровне (интимизация изложения, использование пассивного залога вместо активного); на графическом уровне (использование увеличенного шрифта, смайлов, знаков).

В результате исследования были выявлены когнитивные механизмы, которые вербализируются при помощи найденных языковых средств:

– диалогичность и псевдодискуссия (вербализуется при помощи вопросительных и восклицательных конструкций с имплицитной семантикой; односторонней вопросно-ответной формой изложения; семантических пресуппозиций);

– визуализация (вербализуется при помощи литературных тропов; семантических полей слов, связанных с успехом и богатством; сторителлинга; использование междометий, рифм; использования фразеологизмов; цитирования известных писателей);

– позиционирование (единение) (вербализуется при помощи апелляций к авторитетам: самому блогеру, известным личностям, довольным покупателям);

– персонализация (вербализуется при помощи интимизации изложения с помощью местоимения «ты»; признания, которое выражено при помощи описания личного недостатка блогера, от которого он планирует избавиться в ходе собственного марафона);

– фокусирование (вербализуется при помощи фокуса на аффирмации; фокуса на негативные жизненные установки; фо-

¹ Шары // Blinovskaya.shop URL: <https://blinovskaya.shop/shop/products/category/shary> (дата обращения: 01.03.2024).

куса на одиночество через отсылку к статистическим данным; фокуса внимания, который выражается при помощи графической манипуляции);

– дефокусирование (вербализуется при помощи смещения фокуса ответственности через использование пассивного залога вместо активного; смещения фокуса при помощи обеспечения условий успешности речевого акта).

Продвигающий дискурс блогера также обладает признаками волшебного мышления, которое предполагает убеждение о возможности влияния на действительность посредством символических психических или физических действий или мыслей [21]. Для передачи магического мышления интернет-автор прибегает к использованию когнитивного

механизма «вовлечение», который содержит элементы диалогичности (например, диалоги блогера со Вселенной); фокусирования (например, фокус на гиперсемиотизацию, на важность красивых дат), визуализации (например, активное применение литературных тропов).

Интернет-среда с каждым годом расширяет сферы своих возможностей, функционал социальных сетей развивается, это способствует появлению новых вариаций лингвокогнитивных механизмов. В перспективах исследования планируем обратить внимание на невербальные суггестивные механизмы воздействия, которые применяют интернет-авторы в процессе создания своего продвигающего дискурса в сети Интернет.

Список литературы

1. Saussure F. de. Cours de linguistique générale. 1-st ed. Paris: Payot, 1916. 337 p.
2. Кравченко А.В. «Экология языка» или «экология человека»? Экологический подход в исследованиях языка. Иркутск: Байкальский гос. ун-т, 2021. С. 1-14.
3. Колмогорова А.В. Лингвистика когнитивная и экологичная: к вопросу о перспективах применения концепции когнитивной экологии в лингвистических исследованиях // Экология языка и коммуникативная практика. 2019. № 3. С. 19-28. <https://doi.org/10.17516/2311-3499-065>.
4. Фролова А.А. Понятие дискурса в современных лингвистических исследованиях // Современные исследования в области преподавания иностранных языков в неязыковом вузе. 2018. № 7. С. 134-140.
5. Алексеев А.П. Теория аргументации в эпоху манипуляций // Вестник Московского ун-та. 2013. № 5. С. 67-76.
6. Рекламный текст: Семиотика и лингвистика / Ю.К. Пирогова, А.Н. Баранов, П.Б. Паршин [и др.]. М., 2000. 268 с.
7. Ковешникова М.Н. Речевая манипуляция и приемы речевого манипулирования // Царскосельские чтения. 2014. Вып. 1, № 18. С. 387-394.
8. Будаев Э.В. Становление когнитивной теории метафоры // Лингвокультурология. 2007. Вып. 1. С. 16-32.
9. Мегентесов С.А. Лингвистические аспекты психического воздействия и приемов манипуляции. Краснодар : Изд-во Кубанского гос. ун-та, 1997. 278 с.
10. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: Речь, 2003. 293 с.
11. Yılmaz H. İnsan İlişkilerinde Manipülasyon Ölçeği // MANAS Sosyal Araştırmalar Dergisi. 2018. № 7(4). P. 1-19.
12. Van Dijk T.A. Discourse and Manipulation // Discourse and Society. 2006. № 17 (3). P. 359-383.

13. Чернова А.Д. Понятие манипуляции в общении // Молодой ученый. 2019. № 23 (261). С. 200-202.
14. Herman E., Chomsky N. *Manufacturing Consent. The Political Economy of the Mass Media*. London : Bodley, 2008. 582 p.
15. Петрова Н.Е., Рацибурская Л.В. Язык современных СМИ : средства речевой агрессии. 6-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2022. 160 с.
16. Saidova Z.Kh. The Linguocognitive Approach As the Implementation of the Cognitive Direction in Teaching a Foreign Language // *Best Journal of Innovation in Science, Research and Development*. 2024. Vol. 3, № 1. P. 296-303.
17. Лемзекова Д., Малышева Н.В. Лингвокогнитивные механизмы формирования имиджа вуза // *Международный студенческий научный вестник*. 2015. № 5-1. С. 43-44.
18. Яновская И.В., Чижикова О.В., Золотых Н.В. Лингвокогнитивные механизмы индивидуально-авторского начала в поэтическом дискурсе // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание*. 2019. Т. 18, № 3. С. 251-261. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.21>.
19. Abdumuratova S. Conceptualization – methods of linguocognitive approach // *Emergent: Journal of Educational Discoveries and Lifelong Learning*. 2022. Vol. 3, № 11. P. 32-37. <https://doi.org/10.17605/OSF.IO/U2TGR>.
20. Попова З.Д., Стернин И.А. *Когнитивная лингвистика*. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 314 с.
21. Моргун А.Я., Фомина Н.А. Феномен магического мышления // *Студенческий вестник*. 2020. № 18-2(116). С. 33-35.

References

1. Saussure F. de. *Cours de linguistique générale*. 1-st ed. Paris: Payot; 1916. 337 p.
2. Kravchenko A.V. «Ecology of language» or «ecology of man»? Ecological approach in language research. Irkutsk: Bajkal'skij gos. un-t; 2021. P. 1-14. (In Russ.).
3. Kolmogorova A.V. Cognitive and ecological linguistics: on the prospects of applying the concept of cognitive ecology in linguistic research. *Ehkologiya yazyka i kommunikativnaya praktika = Ecology of Language and Communicative Practice*. 2019;(3):19-28. (In Russ.). <https://doi.org/10.17516/2311-3499-065>.
4. Frolova A.A. The concept of discourse in modern linguistic research. *Sovremennye issledovaniya v oblasti prepodavaniya inostrannykh yazykov v neyazykovom vuze = Modern research in the field of teaching foreign languages at non-linguistic universities*. 2018;(7):134-140. (In Russ.).
5. Alekseev A.P. Theory of argumentation in the era of manipulation. *Vestn. Mosk. un-ta = Bulletin of Moscow University*. 2013;(5):67-76. (In Russ.).
6. Pirogova Yu.K., Baranov A.N., Parshin P.B. (et. al.) *Advertising text: Semiotics and linguistics*. Moscow; 2000. 268 p. (In Russ.).
7. Koveshnikova M.N. Speech manipulation and techniques of speech manipulation. *Tsar-skosel'skie chteniya = Tsarskoye Selo Readings*. 2014;1(18):387-394. (In Russ.).
8. Budaev Eh.V. Formation of the cognitive theory of metaphor. *Lingvokul'turologiya = Linguoculturology*. 2007;1:16-32. (In Russ.).
9. Megentesov S.A. Linguistic aspects of mental influence and manipulation techniques. Krasnodar : Izd-vo Kubanskogo gos. un-ta; 1997. 278 p. (In Russ.).
10. Dotsenko E.L. *Psychology of manipulation: phenomena, mechanisms and defense*. Moscow: Rech'; 2003. 293 p. (In Russ.).

11. Yılmaz H. İnsan İlişkilerinde Manipülasyon Ölçeği. *MANAS Sosyal Araştırmalar Dergisi*. 2018;(7):1-19.
12. Van Dijk T.A. Discourse and Manipulation. *Discourse and Society*. 2006;(17):359-383.
13. Chernova A.D. The concept of manipulation in communication. *Molodoi uchenyi = Young scientist*. 2019;(23):200-202. (In Russ.).
14. Herman E., Chomsky N. Manufacturing Consent. The Political Economy of the Mass Media. London: Bodley; 2008. 582 p.
15. Petrova N.E., Ratsiburskaya L.V. The language of modern media: means of verbal aggression. 6 th ed. Moscow: FLINTA; 2022. 160 p. (In Russ.).
16. Saidova Z. Kh. The Linguocognitive Approach As the Implementation of the Cognitive Direction in Teaching a Foreign Language. *Best Journal of Innovation in Science, Research and Development*. 2024;3(1):296-303.
17. Lemzekova D., Malysheva N.V. Linguistic and cognitive mechanisms of forming the image of a university. *Mezhdunarodnyi studentcheskii nauchnyi vestnik = International Student Scientific Bulletin*. 2015;(5-1):43-44. (In Russ.).
18. Yanovskaya I.V., Chizhikova O.V., Zolotykh N.V. Linguocognitive mechanisms of individual authorship in poetic discourse. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie = Bulletin of Volgograd State University. Series 2, Linguistics*. 2019;18(3):251-261. (In Russ.). <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.21>.
19. Abdumuratova S. Conceptualization – methods of linguocognitive approach. *Emergent: Journal of Educational Discoveries and Lifelong Learning*. 2022;3(11):32-37. <https://doi.org/10.17605/OSF.IO/U2TGR>.
20. Popova Z.D., Sternin I.A. Cognitive linguistics. Moscow: AST: Vostok-Zapad; 2007. 314 p. (In Russ.).
21. Morgun A.Ya., Fomina N.A. The phenomenon of magical thinking. *Studentcheskii vestnik = Student Bulletin*. 2020;(18-2):33-35. (In Russ.).

Информация об авторе / Information about the Author

Кириллова Екатерина Алексеевна, аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики Байкальского государственного университета, г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: fery_rullez@mail.ru, ORCID: 0009-0000-9028-9546

Ekaterina A. Kirillova, Post-Graduate Student of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: fery_rullez@mail.ru, ORCID: 0009-0000-9028-9546

Оригинальная статья / Original article

УДК 81'2

<https://doi.org/10.21869/2223-151X-2024-14-2-42-52>

Структурно-семантические особенности этно-стереотипизации пространственно-временных отношений в различных лингвокультурах (на материале кабардино-черкесского, русского и английского языков)

Э.В. Маремукова¹ ✉¹Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

ул. Чернышевского, д. 173, г. Нальчик 360004, Кабардино-Балкарская Республика, Российская Федерация

✉ e-mail: eleonora16@mail.ru

Резюме

Цель. Статья нацелена на определение особенностей языковой фиксации пространственно-временных отношений в языках с различной структурой, выявление уникальных характеристик, составляющих неотъемлемую часть культуры народа, специфику национальной ментальности, репрезентированную в языке. На материале разноструктурных кабардино-черкесского, русского и английского языков в компаративном аспекте проанализировано языковое обозначение понятий пространства и времени.

Методы. Использование комплекса общенаучных и лингвистических методов, в числе которых методы компаративного, лексико-семантического, этимологического и концептуального анализа, позволило выявить особенности языковой объективации этнокультурной информации в исследуемых языках, учесть специфику национального мышления в процессе языковой проекции культурно значимой информации, установить различия в восприятии и интерпретации разными народами деталей окружающего мира, а также роль языка в формировании национально-культурной идентичности.

Результаты исследования выявили лингвокультурные различия в перцепции и языковой объективации времени у разных народов, в частности структурно-семантические особенности фиксации в языке темпоральных концептов, а также языковой проекции использования определенной референциальной системы. Введение в научный оборот нового языкового материала содействует дальнейшим исследованиям в лингвокультурологии, поскольку, как отмечено многими исследователями, ни одна лингвокультура не способна дать исчерпывающей информации.

Заключение. Компаративный анализ используемых стратегий пространственного кодирования (абсолютной и относительной систем референции) выявляет репрезентацию в родном языке способа мышления его носителей, а также влияние языка на восприятие окружающего мира. Темпоральная категоризация действительности эксплицирует особенности национального мировидения. Наличие в языке большого количества уточняющих время деталей можно рассматривать как показатель значения, которое придается этническим сообществом времени.

Ключевые слова: язык; культура; лингвокультура; стереотипизация; пространство-временные отношения; системы референции; темпоральная категоризация.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Маремукова Э.В. Структурно-семантические особенности этно-стереотипизации пространственно-временных отношений в различных лингвокультурах (на материале кабардино-черкесского, русского и английского языков) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2024. Т. 14, № 2. С. 42-52. <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2024-14-2-42-52>.

Статья поступила в редакцию 29.01.2024

Статья подписана в печать 11.03.2024

Статья опубликована 28.06.2024

Structural and semantic features of ethno-stereotyping of space-time relations in different linguistic cultures

Elleonora V. Maremukova¹ ✉

¹Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov
173, Chernyshevsky str., Nalchik 360004, Kabardino-Balkarian Republic, Russian Federation

✉ e-mail: eleonora16@mail.ru

Abstract

Purpose of research. The article is aimed at determining the features of the linguistic fixation of space-time relations in languages with different structures, identifying unique characteristics that form an integral part of the culture of the people, the specifics of the national mentality represented in the language. Based on the material of differently structured Kabardian-Circassian, Russian and English languages terms of space and time are analyzed in a comparative aspect.

Methods. The use of a complex of general scientific and linguistic methods, including methods of comparative, lexical-semantic, etymological and conceptual analysis, made it possible to identify the features of linguistic objectification of ethnocultural information in the languages under study, to explore the features of national thinking in the process of linguistic projection of culturally significant information, to establish differences in the perception and interpretations of details of the surrounding world by different peoples, as well as the role of language in the formation of national and cultural identity.

The results of the study revealed linguocultural differences in the perception and linguistic objectification of time among different peoples, in particular, structural and semantic features of fixation of temporal concepts in the language, as well as the projection of the use of a certain referential system in the language and at the cognitive level. The introduction of new language material into scientific use promotes further research in linguoculturology, since, as noted by many researchers, not a single linguoculture is capable of providing comprehensive information.

Conclusion. A comparative analysis of the spatial coding strategies used (absolute and relative systems of reference) reveals the representation in the native language of the way of thinking of its speakers, as well as the influence of language on the perception of the surrounding world. The temporal categorization of reality explicates the peculiarities of national worldview. The presence in a language of a large number of time-specifying details can be seen as an indicator of the meaning that an ethnic community attaches to time.

Keywords: language; culture; linguoculture; stereotyping; space-time relations; reference systems; temporal categorization.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Maremukova E.V. Structural and semantic features of ethno-stereotyping of space-time relations in different linguistic cultures. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2024; 14(2): 42–52 (In Russ.). <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2024-14-2-42-52>.

Received 29.01.2024

Accepted 11.03.2024

Published 28.06.2024

Введение

В условиях глобализации и взаимопроникновения культур и языков развитие у представителей различных культур необходимой концептуальной компетентности выступает условием обеспечения

эффективной международной и межкультурной коммуникации.

Пространство и время – две наиболее важные базовые концептуальные области человеческого мышления, не являющиеся частью другой более фундаментальной области, и ни одно из них не может быть сведено к другому.

В теоретических рамках Р. Лангакер обозначил время и пространство как набор базовых областей, а А. Вежицкая – семантическими примитивами [1; 2].

Представления о времени и пространстве выступают в числе ориентиров при формировании картины мира. Антропоцентричность языка предполагает, что человек видит мир таким, каким он представлен в его языковой культуре [3].

Исследование языкового выражения пространства и времени обычно предполагает взаимозависимость между этими двумя связанными концептуальными областями, что приводит к квазиметафорическим отношениям, в которых время вторично по отношению к пространству. При этом некоторыми исследователями отмечено, что в применении этих понятий взаимозависимость не прослеживается, поскольку они сильно различаются по контекстуальной среде и моделям, в которых они встречаются в естественном дискурсе, и с точки зрения использования языковое обозначение понятия времени не предполагается вторичным по отношению к обозначению пространства [4].

В соответствии с типологией С. Левинсона [5], языки мира проецируют абсолютную, относительную и внутреннюю системы ориентации: «север/юг/восток/запад», «влево/вправо/вперед/назад», «перед/за». Каждая система имеет подтипы. Абсолютная и относительная системы исследуются в противопоставлении. Относительная система широко распространена в индоевропейских языках, при этом во многих океанических, папуасских и австралийских языках при кодировании пространственного значения используется абсолютная система. Доминирование одной системы приводит к специфическому кодированию информации [6, с. 229].

Привычная индоевропейцам система координат, две оси которой зависят от тела человека, эгоцентрична и включает ось «налево-направо» и ось «назад-вперед», ортогональную ей. Эта система ко-

ординат движется вместе с человеком, куда бы он ни повернулся. Оси смещаются вместе с полем зрения человека таким образом, что то, что впереди, при повороте оказывается позади, или то, что справа, меняет свое положение налево. При этом язык австралийского народа гуугу йимитирр на Крайнем Севере Квинсленда использует фиксированные географические направления, основанные на направлениях компаса на север, юг, восток и запад, не меняющиеся с движениями человека – то, что находится на севере от человеческого тела, остается на севере, независимо от телодвижений и поворотов [7].

Н. Эванс отметил лингвокультурные особенности языка кайадилт – аборигенного австралийского народа группы Южного Уэллсли в заливе Карпентария, Квинсленд: доминирующая абсолютная система ориентации обязывает обращать внимание на пространственные положения и использовать абсолютное исчисление координат. К примеру, отмечается отсутствие в этом языке слова, эквивалентного английскому «Hello» (привет): используемое в языке приветственное выражение заключает в себе вопрос о направлении движения и требует соответствующего ответа в рамках абсолютной системы координат: к примеру, со значением «я иду на север» [8]. Таким образом, язык предопределяет культурную необходимость ориентироваться по сторонам света.

Время лингвистически кодифицируется в рамках глагольной морфологии как абсолютное и относительное время, а также посредством локативных имен, пространственных наречий, превербов, послелогов, существительных и других лексико-грамматических единиц.

Существенный вклад в изучение проблемы концептуализации времени внесли неорелятивисты. Большинство распространенных моделей изучения времени основано на идее, что время – это движение. В европейских языках выделяют две основные формы времени – модель движущее-

гося эго и модель движущегося времени. В обоих случаях будущее видится как лежащее перед эго, а прошлое – позади него.

В представлении носителей английского языка «будущее» имеет эквивалент «впереди», а «прошлое» – «позади». В то же время для южноамериканских индейцев аймара будущее позади, а прошлое впереди. Юпно-папуасы считают, что прошлое находится у подножия холма, а будущее – на его вершине. Данные примеры подтверждают принципиальные когнитивные различия представителей разных культур и определяющий фактор языка в формировании данных дивергенций [6, с. 9].

В большинстве языков отмечается трехмерная система времени: прошедшее, настоящее и будущее. При этом исследователи отмечают, что многие языки ограничиваются системой с двумя глагольными временами, соотносимыми как «позже» и «раньше» [7, с. 2]. Существуют языки, в которых грамматически не выделяется будущее время.

Б. Уорф считал, что прошлое, настоящее и будущее время являются частями сложного целого, в котором «настоящее» представляет собой все воспринимаемое чувственно, «прошедшее» является воображаемой частью памяти, а «будущее» – сторона догадки, интуиции и неопределенности. Согласно Уорфу, данные сферы взаимосвязаны и неразделимы, при этом основное темпоральное различие между ними раскрывается в сравнении с моментом, находящимся в центре внимания. При этом Б. Уорф в своем исследовании языка индейцев хопи отмечал, что в этом языке время как «мера», «протяженность», «субстанция» или «содержимое» (time) лингвокультурно не объективируется, и единственной субъективной характеристикой времени является его «становление более поздним». Он пояснял, что язык хопи не содержит «слов, грамматических форм, конструкций или выражений, которые непосредственно

относятся к тому, что мы называем «временем», или к прошлому, настоящему или будущему», а также «общего представления или интуиции о времени как о плавно текущем континууме, в котором все во вселенной протекает с одинаковой скоростью». В этой связи он приходит к выводу о том, что носители индейского народа хопи не воспринимают время так же, как говорящие на европейских языках, поскольку их язык не имеет категории времени и демонстрирует понятие и отношение ко времени, отличающееся от западной культуры [9].

При сравнении позиции Уорфа с подходом неогумбольдтианцев, исследователи отмечают, что Уорф не утверждал об отсутствии у народа хопи способности воспринимать время, а демонстрировал их своеобразную концептуализацию времени, нашедшую отражение в структуре их языка, что в свою очередь становится источником этой концептуализации [10, с. 74].

Исследователи, выступающие в поддержку позиции Уорфа, отмечают нетемпоральность религиозного сознания народа хопи и восприятие хопи времени «становлением более поздним», нивелирование всего нового посредством соотношения к тому, что происходило ранее [6, с. 193].

В китайском языке нет грамматических глагольных времен, в индонезийском языке время выражается посредством наречия – в форме глагола изменения нет.

Компаративный анализ понятий пространства и времени на материале разнотипных языков нацелен на выявление лингвокультурных различий в восприятии и языковой актуализации систем референции и темпоральных концептов.

Результаты и обсуждение

Языковая объективация пространственно-временных отношений в разнотипных языках, в частности их грамматическое оформление, включает в

себе специфику национальной ментальности, репрезентированную в языке.

В кабардино-черкесской референциальной системе «юг» обозначается словом «ипщэ» (и (его) + пщэ (шея) – его шея), имеющим значение «верхний/яя/ее», расположенный/ая/ее ближе к шее (голове). В кабардино-черкесской лингвокультуре именно этой стороне отдается предпочтение, где понятие «выше» ассоциируется с представлением «главнее», «почетнее», а также соединяется с представлением о небе, солнце или божестве, началом вод, несущих живительную влагу на землю. Нижняя часть – «ищхэрэ» – менее почетная: «ИпщэкІэ фыдыхэ» – пройдите на почетную сторону (выше) [11, с. 25–26].

В русском, английском, кабардино-черкесском языках в основе встроенной референциальной системы находится куб, в связи с чем объекты проецируются как имеющие верхнюю, нижнюю, переднюю и заднюю стороны. В то же время для некоторых языков Центральной Америки, к примеру, в мезоамериканском языке цельталь референциальная система базируется на обозначениях частей тела человека и животных («ухо» стола, «рот» чайника или «губы» огня) [12].

Система координат каждой культуры зависит от ее окружающей среды, однако не может быть полностью под ее влиянием, что означает наличие выбора, предопределенного культурой [7, с. 190].

Эгоцентричные координаты доминируют при описании пространств малого масштаба, особенно внутри помещений, в связи с тем, что человек знает где находится «напротив него», «сзади», «справа», «слева от него». Эгоцентрическая система координат основывается на человеке, его теле и ближайшем визуальном поле.

В оппозициях «верх–низ» первое несет положительную коннотацию, второе – отрицательную. Именно поэтому низкий социальный статус, унылое состояние, плохое настроение описываются

во многих языках при помощи метафоры «низ», и наоборот, продвижение по службе, увеличение материального благосостояния, улучшение настроения передаются метафорой «верх»: в английском языке: «to be in high spirits» (быть в хорошем настроении), «to be in low spirits» (быть в плохом настроении), «to be on the rise» (идти в гору, улучшаться), «to feel low» (чувствовать себя подавленным); в русском языке: «птица высокого полета», «повышать по службе» / понижать по службе; «ниже своего достоинства», «голова поникла»; в кабардино-черкесском языке: «нэхыпщхэ» (начальник, руководитель); «дэкІуеин» (подняться, продвинуться (по службе, в делах); «щхэр лъагэ хъун» (быть в чести у кого-либо, возгордиться), «щхэр кыфІэхун» (отчаяться); «дунейр егъэзыхыгуэу хъын» (жить в трудностях) и другие.

Импликатура «низ» в английском языке нередко включает в себе положительную коннотацию: «low key» (сдержанно, неброско), «down to earth» (приземленный, реалистичный).

Во многих языках положительную коннотацию имеют устойчивые сочетания с лексемой «правый» и, наоборот, отрицательным значением отмечены обороты с лексемой «левый».

«Правый» в английском языке: «to be right» (быть правым), «to be all right» (чувствовать себя хорошо), «by right» (по справедливости), «to do the right thing» (поступать правильно), «to put right» (исправить), «that's right» (верно, справедливо), «to get something right» (правильно понять), «right-hand man» (верный помощник, правая рука), «be on the right track/way» (быть на правильном пути), в русском языке: «право», «быть правым», «правая рука», «правое дело», «справедливый», «правосудие» и другие; в кабардино-черкесском языке – «Іэ ижъ хуэ-хъун» (мастерски овладеть чем-либо).

«Левый» в английском языке: «to get up with someone's left foot» (быть в плохом настроении, встать не с той ноги),

«left-handed compliment» (сомнительный комплимент); в русском языке: «встать с левой ноги», «левый товар», «левый заработок»; в кабардино-черкесском языке: «Іэсэмэгу» (леворукий (неумелый), «жъэкІэ маисэ, ІэкІэ сэмэгу» (языком как меч, а в делах левша), «Іуэхум хуэсэмэгущ» (неумелый, нетрудолюбивый – досл.: он за дело берется левой рукой).

В культуре индейцев цельталь отсутствует символическая оппозиция между «правым» и «левым» («правое» не ассоциируется с «правильным», «истинным», «хорошим») [6, с. 246].

Эгоцентрическая и географическая системы не исчерпывают возможности говорить о пространстве и давать пространственные ориентиры. Указанные системы координат имеют свои преимущества и недостатки, и на практике в повседневной жизни используются обе системы в зависимости от их соответствия контексту. Естественнее использование сторон света на открытой местности, при ориентировании в крупном масштабе.

Эгоцентрические координаты доминируют при описании небольших пространств, особенно внутри зданий. Использование эгоцентрической системы легче и естественнее в связи с тем, что она основана непосредственно на собственном теле человека и находится в его непосредственном поле зрения. С другой стороны, система географических координат базируется на внешних понятиях, которые не приспособляются к ориентации человека и которые необходимо вычислять (или запоминать) с позиции солнца, звезд или особенностей ландшафта.

Проанализированный материал разноструктурных языков подтверждает определяющую роль языка в процессе концептуализации пространственных представлений.

Маркеры времени имеют тенденцию быть более грамматикализованными, чем пространственные [13].

Ключом к пониманию человеческой концептуализации времени полагаются когнитивная и языковая репрезентация событий и отношений между ними. Некоторыми исследователями отмечено, что именно событийность, а не время как таковое, делает время фундаментальным и универсальным для человеческого мышления [14].

В русском языке временные характеристики действия находят свое отражение, как известно, в трехмерной системе: настоящее время (совпадение с моментом речи – смотрю) – прошедшее время (предшествование моменту речи – смотрел(а)/посмотрел(а) – будущее время (следование за моментом речи – буду смотреть/посмотрю). Категория времени глагола тесно связана с категорией вида (несовершенного или совершенного вида). Глаголы несовершенного вида в изъявительном наклонении эксплицируют три формы времени – настоящего, прошедшего и будущего сложного (смотрю, смотрел(а), буду смотреть), глаголы совершенного вида – две формы – прошедшего и будущего простого (посмотрел(а), посмотрю).

Кабардино-черкесский язык имеет сложную систему времени глагола. В нем выделяются две группы времен: к первой группе относятся формы, выражающие отношение времени действия к моменту речи, ко второй – передающие отношение времени действия к определенному моменту в прошлом, девять временных форм (настоящее время (сокІуэ – я иду), будущее I (неопределенное) (сыкІуэнщ – я пойду), будущее II (определенное) (сыкІуэнуш – я пойду), перфект I (прошедшее завершённое) (сыкІуаш – я пошел (пошла)/ходил(а)), перфект II (предпрошедшее завершённое) (сыкІуат – я пошел (пошла)/ходил(а) (тогда, к тому моменту), имперфект (прошедшее незавершённое) (сыкІуэт – я шел (шла)/ходил(а) (тогда, в тот момент), плюсквамперфект I (прошедшее далёкое завершённое) (сыкІуэгъаш – я пошел (пошла)/ходил(а) (то-

гда), плюсквамперфект II (предпрошедшее далекое завершённое) (сыкIуэгъат – я ходил(а) (тогда, к тому моменту), аорист (прошедшее законченное, однократное, мгновенное) (сыкIуэщ аби (сыкIуэри) къэсхъащ – я пошел (пошла) и принес(ла). Элементы временной дистанции в кабардино-черкесском языке транслируют временную локализацию по степени удаленности действия, а также детализированность прошедшего времени по сравнению с будущим.

Темпоральная категоризация действительности в кабардино-черкесском языке проявляет сходные черты с английским языком, располагающим двенадцатью временными формами. В английском языке настоящее, прошедшее и будущее времена делятся на простое (*simple* – *I read* (я читаю) (часто, каждый год, вообще), *I read* (я (про)читал(а) (вчера, минуту назад), *I will read* (я прочитаю (потом, через минуту, когда-нибудь), прогрессивное, длительное (*progressive, continuous* – *I am reading* (я читаю (сейчас), *I was reading* (я читал(а) (тогда, в тот момент), *I will be reading* (я буду читать (в тот момент), завершённое, перфектное (*perfect* – *I have read* (я прочитал(а)/дочитал(а) (уже, только что), *I had read* (я прочитал(а) (к тому моменту), *I will have read* (я прочитаю (к тому моменту) и совершенное (перфектное) прогрессивное (*perfect progressive* – *I have been reading* (я читал(а) и еще продолжаю читать)), *I had been reading* (я читал(а) (на протяжении какого-то времени к тому моменту), *I will have been reading* (я буду читать (уже на протяжении некоторого времени к тому моменту)). В системе глагольных времен английского языка отражено предшествование какому-то моменту, факту или событию и соотносённость с ним в настоящем, прошедшем и будущем, передающиеся перфектными формами глагола.

Английский язык обязывает указывать в языке определенные части информации, которые могут быть оставлены на усмотрение контекста в некоторых дру-

гих языках. К примеру, в предложении об ужине с соседом английский язык не обязывает обозначать пол компаньона, однако заставляет указывать время мероприятия: «*We dined*» (мы обедали), «*We have been dining*» (мы обедали), «*We are dining*» (мы обедаем), «*We will be dining*» (мы будем обедать). Китайский, с другой стороны, не обязывает говорящих сообщать точное время действия каждый раз, когда они используют глагол в связи с тем, что одна и та же глагольная форма может использоваться для прошедших, настоящих или будущих действий. Это не означает, что носители китайского языка не могут указать время действия, если они считают его особенно важным. Однако в отличие от англоговорящих они не обязаны делать это каждый раз [7, с.152].

В русском, английском и кабардино-черкесском языках наблюдается некоторое лингвокультурное сходство в понимании настоящего времени, сопряженного с будущим временем, которое часто находит грамматическое выражение формами настоящего времени в русском и кабардино-черкесском языках, и настоящего длительного времени – в английском: «Я еду (лечу) в Париж на следующей неделе» / «*I am going (flying) to Paris next week*» / «Сэ тхьэмахуэ къагIуэм Париж сокIуэр (иду) / сольатэр (лечу)». Данные примеры свидетельствуют о значении, придаваемом будущему времени, которое неотделимо от настоящего, протекающего в будущее, а также о детерминирующей роли настоящего времени по отношению к будущему.

Г. Штайнер [15] утверждает, что будущее время имеет важные последствия для человеческой души и разума, поскольку оно формирует представление о времени и рациональности, даже сама суть человечности, давая надежду на будущее.

Приоритет времени над пространством для западной культуры (по сравнению с русской) исследователи видят в обозначении на пешеходных дорогах Ев-

ропы расстояния от пункта «А» до пункта «Б» не в метрах, а в минутах [16, с. 130].

Экспликация времени в разных языках некоторыми исследователями рассматривается как маркер темпоральной ориентации культуры.

В русском языке, к примеру, используется обозначение времени, ориентированное на будущее: 08:10 – десять минут девятого, 10:30 – половина одиннадцатого – в русском языке проявляется стремление к следующему часу.

В английском языке первые полчаса выражаются в направлении назад: 08:10 – ten past eight (десять после восьми), 10:30 – half past ten (половина после десяти), однако 07:45 – a quarter to eight (четверть до восьми).

В литературе данное обстоятельство рассматривается как ориентированность носителей русского языка в будущее, истоки которого связываются с историей и религией русских: Советский Союз – построение коммунизма, светлого будущего под лозунгами «Пятилетку в четыре года!», «Время, вперед!», в литературе – футуризм, отрекавшийся от прошлого, в религии – устремление в будущее с верой о жизни в раю, о вознаграждении после смерти [17, с. 182; 18, с. 372].

Английский язык воспринимается как язык культуры, ориентированной на прошлое: трепетное отношение к предметам старины, соблюдение традиций, обычаев, ритуалов – что самое страшное, что может случиться со страной и народом, – это великое шекспировское «Порвалась связь времен!» [17; 19].

Форма выражения в английском языке «I have done it» (Я это сделал(а) – досл. «Я имею это сделанным») проецирует ориентированность английской культуры на осуществление действия [20].

Нацеленность на результат и уверенность в наступлении будущего в русской и кабардино-черкесской лингвокультурах транслируется формой совершенного вида в русском языке и будущего II (определенного) в кабардино-

черкесском языке: «Я пойду» / «Сэ сых-Іуэнуш» (Я пойду – Я уверен, что это произойдет). При этом эквивалент в английском языке «I will go» (I am willing to go – Я хочу пойти) проявляет связь скорее с желанием (will – желание, воля), чем с уверенностью.

В этом отношении кабардино-черкесский язык, проявляющий безусловное почитание прошлого и традиционного, соответствующего кодексу чести «Адыгэ Хабзэ», в экспликации времени, возможно, испытывает влияние государства проживания его носителей, демонстрируя восприятие времени, характерное для россиян: 08:10 – сыхьэтибгъум дакыкь-ипщІкІэ ежъащ (десять минут девятого), 10:30 – сыхьэт пщыкІузым и ныкьуэщ (половина одиннадцатого). При этом стремлением соответствовать вызовам современности, развиваться в ногу со временем пронизано адыгское мировоззрение, в частности, народное словотворчество: «Зэманым декІур лЫфІщ» (досл. хорош соответствующий времени человек), «БлэкІам укІэлъымыджэ» (не зови прошлое), «Къэбублэ хабзэщ» (все новое может впоследствии стать традицией).

Эквивалентность русских слов «утро», «день», «вечер», «ночь» понятиям «morning», «day», «evening», «night» в английском языке в значительной степени полагается мнимой [21]. В английском языке в основе обозначения точного времени лежит «полдень»: «am» и «pm» в переводе с латинского означают «до полудня» (ante meridiem) и «после полудня» (post meridiem): 2 am (два часа до полудня), 2 pm (два часа после полудня). Момент полуночи наступает ровно через 12 часов после полудня предыдущего дня и за 12 часов до полудня следующего дня. Поскольку время до полудня концептуализируется как «утро», два часа ночи для русской лингвокультуры в английском языке соответствуют двум часам утра (до полудня).

Спецификация времени при темпоральной категоризации действительности

выявляет особенности национального мышления. Наличие в языке большого количества уточняющих время деталей можно рассматривать как показатель значения, которое придается этническим сообществом времени.

Выводы

Проанализированный в ходе исследования материал разноструктурных кабардино-черкесского, русского и английского языков подтверждает фундаментальную роль системы референции в оформлении культуры и когнитивности.

Пространственно-временные понятия в языках с различной структурой манифестируют различия в восприятии и интерпретации разными народами деталей окружающего мира.

Языки, обладающие более детальной системой видовременных форм глагола, проецируют ситуацию подробнее, без существенной зависимости от контекста: законченность, протяженность, повторяемость, конкретность, запланированность / спонтанность действия и т.д.

Таким образом, пространственно-временные отношения относятся к основным ориентирам в процессе формировании картины мира.

Изучение языка представителями иных сообществ сопряжено с постижением ментального устройства и мировидения другого этноса. Языковые данные выступают ключом к декодированию значимой информации для представителей различных народов.

Список литературы

1. Langacker R. Foundations of cognitive grammar. Vol. 1: Theoretical prerequisites. Stanford: Stanford University Press, 1987. 540 p.
2. Wierzbicka A. Semantics: Primes and Universals. New York: Oxford University Press, 1996. 500 p.
3. Лукьянченко Е.А. К вопросу выражения концепта времени в различных лингвокультурах // Вестник МГИМО. 2012. № 6. С. 328–329.
4. Tenbrink T. Space, time, and the use of language: An investigation of relationships. Researchgate.net; 2024. URL: https://www.researchgate.net/publication/228757191_Space_time_and_the_use_of_language_An_investigation_of_relationships
5. Levinson S. Space in language and cognition: Explorations in cognitive diversity. Cambridge, 2003. 389 p.
6. Бородай С.Ю. Язык и познание: Введение в пострелятивизм / отв. ред. В.А. Лекторский, А.В. Смирнов. М.: ООО «Садра»: Издательский Дом ЯСК, 2020. 800 с.
7. Deutscher G. Through the language glass: why the world looks different in other languages. New York: Henry Holt and Company, 2010. 320 p.
8. Evans N.D. A Grammar of Kayardild: With Historical-Comparative Notes on Tangkic, Berlin, New York: De Gruyter Mouton, 1995. 837 p.
9. Whorf B.L. Language, thought, and reality: Selected writings of Benjamin Lee Whorf. Technology Press of Massachusetts Institute of Technology, 1956. 278 p.
10. Leavitt J. Linguistic relativities // Language, culture and society / ed. by Ch. Jourdan, K. Tuitt. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 47–81.
11. Бгажноков Б.Х. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1983. 229 с.
12. Brown P., Levinson S.C. 'Uphill' and 'downhill' in Tzeltal // Journal of Linguistic Anthropology. 1993. 3. P. 46–74.
13. Haspelmath M. From Space to Time. Temporal Adverbials in the World's Languages. München – Newcastle: Lincom Europa, 1997. 188 p.

14. Sinha C., Gärdenfors P. Time, space and events in language and cognition. A comparative view // *Annals of the New York Academy of Science*. 2014. 1326(1). P. 72–81. <https://doi.org/10.1111/nyas.12491>
15. Steiner G. *After Babel: Aspects of Language and Translation*. Oxford University Press, 1998. 538 p.
16. Павловский И.В. Время и пространство в европейской и русской картине мира. // *Вестник Московского университета. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2013. № 2. С. 119–132.
17. Тер-Минасова С.Г. *Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики*. М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2007. 286 с.
18. Победаш Е.В. Категория времени в культурологическом аспекте и определение «текущего часа» как лингвокультурный маркер // *Вестник Иркутского государственного технического университета*. 2012. №10 (69). С. 370–373.
19. Сухина Е.И. Пространство и время в современном британском и русском самосознании сквозь призму прессы (по материалам «The Times», «The Daily Telegraph», «Независимой газеты» и «Аргументов и фактов»). М., 2004. 184 с.
20. Ларина Т.В. *Англичане и русские: язык, культура, коммуникация*. М.: Языки славянских культур, 2013. 360 с.
21. Зализняк А.А., Шмелев А.Д. *Время суток и виды деятельности* // *Логический анализ языка. Язык и время*. М.: Индрик, 1997. 352 с.

References

1. Langacker R. *Foundations of cognitive grammar*. Vol. 1: theoretical prerequisites. Stanford: Stanford University Press; 1987. 540 p.
2. Wierzbicka A. *Semantics: Primes and Universals*. New York: Oxford University Press; 1996. 500 p.
3. Luk'yanchenko E.A. On the issue of expressing the concept of time in various linguistic cultures. *MGIMO Bulletin = Vestnik MGIMO*. 2012;(6):328–329. (In Russ.).
4. Tenbrink T. Space, time, and the use of language: An investigation of relationships. Researchgate.net; 2024. Available at: https://www.researchgate.net/publication/228757191_Space_time_and_the_use_of_language_An_investigation_of_relationships
5. Levinson S. *Space in language and cognition: Explorations in cognitive diversity*. Cambridge; 2003. 389 p.
6. Borodai S.Yu. *Language and Cognition: An Introduction to Post-Relativism*. Moscow: Sadra: Izdatel'skii Dom YaSK; 2020. 800 p. (In Russ.).
7. Deutscher G. *Through the language glass: why the world looks different in other languages*. New York: Henry Holt and Company; 2010. 320 p.
8. Evans N.D. *A Grammar of Kayardild: With Historical-Comparative Notes on Tangkic*, Berlin, New York: De Gruyter Mouton; 1995. 837 p.
9. Whorf B.L. *Language, thought, and reality: Selected writings of Benjamin Lee Whorf*. Technology Press of Massachusetts Institute of Technology; 1956. 278 p.
10. Leavitt J. Linguistic relativities. In: Ch. Jourdan, K. Tuite (eds.) *Language, culture and society*. Cambridge: Cambridge University Press; 2006. P. 47–81.
11. Bgazhnokov B.Kh. *Essays on the ethnography of communication of Adyghes*. Nal'chik: El'brus; 1983. 229 p. (In Russ.).
12. Brown P., Levinson S.C. 'Uphill' and 'downhill' in Tzeltal. *Journal of Linguistic Anthropology*. 1993;(3):46–74. (In Russ.)

13. Haspelmath M. From Space to Time. Temporal Adverbials in the World's Languages. München – Newcastle: Lincom Europa; 1997. 188 p.
14. Sinha C., Gärdenfors P. Time, space and events in language and cognition. A comparative view. *Annals of the New York Academy of Science*. 2014;1326(1):72–81. <https://doi.org/10.1111/nyas.12491>
15. Steiner G. After Babel: Aspects of Language and Translation. Oxford University Press, 1998. 538 p.
16. Pavlovskii I.V. Time and space in the European and Russian picture of the world. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya = Bulletin of Moscow University. Linguistics and intercultural communication*. 2013;(2):119–132. (In Russ.).
17. Ter-Minasova S.G. War and peace of languages and cultures: issues of theory and practice. Moscow: AST: Astrel': Khranitel'; 2007. 286 p. (In Russ.).
18. Pobedash E.V. The category of time in the cultural aspect and the definition of the “current hour” as a linguocultural marker. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta = Bulletin of Irkutsk State Technical University*. 2012;(10):370–373. (In Russ.).
19. Sukhina E.I. Space and time in modern British and Russian self-awareness through the prism of the press (based on materials from The Times, The Daily Telegraph, Nezavisimaya Gazeta and Arguments and Facts). Moscow; 2004. 184 p. (In Russ.).
20. Larina T.V. English and Russians: language, culture, communication. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur; 2013. 360 p. (In Russ.).
21. Zaliznyak A.A., Shmelev A.D. Time of day and types of activities. In: *Logicheskij analiz yazyka. Yazyk i vremya = Logical analysis of the language. Language and time*. Moscow: Indrik; 1997. 352 p. (In Russ.).

Информация об авторе / Information about the Author

Маремукова Эллеонора Владимировна, кандидат филологических наук, главный специалист-эксперт, Министерство культуры Кабардино-Балкарской Республики, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Российская Федерация,
e-mail: eleonora16@mail.ru,
SPIN-код: 5605-7947,
ORCID: 0000-0003-3567-9693

Eleonora V. Maremukova, Candidate of Sciences (Philological), Chief Expert Specialist, Ministry of Culture of the Kabardino-Balkarian Republic, Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Nalchik Russian Federation,
e-mail: eleonora16@mail.ru,
SPIN-код: 5605-7947,
ORCID: 0000-0003-3567-9693

Оригинальная статья / Original article

УДК 801.7 + 130.2

<https://doi.org/10.21869/2223-151X-2024-14-2-53-61>

Лингвофилософский и социолингвистический анализ французских слов “globalisation” и “mondialisation” применительно к понятию глобализации

О. А. Андреева¹ ✉

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: olafranc@yandex.ru

Резюме

Цель. Целью статьи является исследование семантики французских слов “globalisation” и “mondialisation” в социально-историческом контексте феномена глобализации. Рассматривается происхождение феномена глобализации и раскрывается его многомерный характер в мировых процессах.

Методы. В ходе исследования применяются методы контекстуального, герменевтического, исторического и логического анализа теоретической деятельности и практических разработок по теме. В основу полагается социолингвистический и лингвофилософский подходы к рассмотрению феномена глобализации с учетом различий в следовании человеческим обществом пути становления сознания и цивилизации. При решении поставленных задач учитываются теоретические разработки отечественных и зарубежных исследователей в области философии, социологии, лингвистики, истории.

Результаты. В статье представлены основные этапы возникновения феномена глобализации в ходе общественно-исторического развития человеческой цивилизации. Установлено, что феномен глобализации затрагивает множество аспектов: экономический, политический, культурный, военный, экологический. Рассмотрены значения французских слов “globalisation” и “mondialisation”, обозначающих понятие глобализации, и выявлены специфические черты обозначаемых ими процессов. Установлено, что “Mondialisation” географически охватывает обозначенные сферы, а “globalisation” представляет собой продолжение процесса «мондиализации» путем создания мировых систем в сфере производства и цифровизации. Французское слово “mondialisation”, имеющее значение ‘глобализация’ происходит от слова “monde” – ‘мир’, ‘свет’ и означает многомерный процесс, затрагивающий различные аспекты жизни обществ и отдельных лиц, связан с географическим расширением.

Заключение. По итогам исследования определяется, что слова “globalisation” и “mondialisation”, обозначающие понятие глобализации во французской научной мысли и зачастую используемые как синонимы, на практике подразумевают разные, хотя и взаимосвязанные, процессы. “Mondialisation” является собой процесс эволюционирующих социальных явлений, связанных с возрастающей открытостью национальных экономик, расширением международной конкуренции среди стран, охваченных процессом глобализации. “Globalisation” относится не к представлению о мире, а освобождению от национальных рамок.

Ключевые слова: феномен глобализации; mondialisation; globalization; цивилизация; мир.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Андреева О. А. Лингвофилософский и социолингвистический анализ французских слов “globalisation” и “mondialisation” применительно к понятию глобализации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2024. Т. 14, № 2. С. 53-61. <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2024-14-2-53-61>.

Статья поступила в редакцию 06.02.2024 Статья подписана в печать 07.03.2024

Статья опубликована 28.06.2024

© Андреева О. А., 2024

Linguophilosophical and sociolinguistic analysis of the french words “Globalisation” and “Mondialisation” in relation to the concept of globalization

Olga A. Andreeva¹ ✉

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: olafranc@yandex.ru

Abstract

Purpose of research is to study the semantics of the French words “globalisation” and “mondialisation” in the socio-historical context of the phenomenon of globalization. The origin of the phenomenon of globalization is considered and its multidimensional nature in the context of global processes is revealed.

Methods. The research uses the method of contextual, hermeneutic, historical and logical analysis of theoretical activities and practical developments on the topic. It is based on a linguophilosophical approach to the consideration of the phenomenon of globalization, taking into account the differences between human society following the path of formation of consciousness and civilization. Theoretical developments of domestic and foreign researchers in the field of philosophy, sociology, linguistics, and history are taken into account when solving the tasks set.

Results. The article presents the main stages of the emergence of the phenomenon of globalization in the course of the socio-historical development of human civilization. It is determined that the phenomenon of globalization affects many aspects: economic, political, cultural, military, environmental. The meanings of the French words “globalisation” and “mondialisation”, denoting the concept of globalization, are considered, and the specific features of the processes designated by them are revealed. It is established that “Mondialization” geographically covers the designated areas, and “globalization” is a continuation of the process of “mondialization” by creating global systems in the field of production and digitalization.

Conclusion. Ultimately, it is determined that the words “globalisation” and “mondialisation”, which denote the concept of globalization in French scientific thought and are often used synonymously, in practice imply different, albeit interrelated, processes. The French word “mondialisation”, meaning “globalization”, comes from the word “monde” - “world” and means a multidimensional process affecting various aspects of the life of societies and individuals, associated with geographical expansion. “Globalisation” does not refer to a view of the world, but to liberation from national frameworks.

Keywords: language; artificial; natural; text, scientific discourse.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Andreeva O.A. Linguophilosophical and sociolinguistic analysis of the french words “Globalisation” and “Mondialisation” in relation to the concept of globalization. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2024; 14(2): 53–61 (In Russ.). <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2024-14-2-53-61>.

Received 06.02.2024

Accepted 07.03.2024

Published 28.06.2024

Введение

Глобализация в настоящее время является неизбежным явлением в международных отношениях, она представляет собой глобальный контекст, в котором осуществляются и осмысливаются различные тенденции на планете. В XXI ве-

ке глобализация представляет собой нечто необратимое, что подвергается большой критике и рассматривается с разных точек зрения. Ещё во Франции в 18 столетии фундаментальный смысл Просвещения заключался в «проявлении разумной активности личности, в заявлении

своих прав и в приведении к общедоступности, публичности результатов собственных мыслей» [1, с.7].

У носителей английского языка есть только одно слово – “globalization” - для обозначения того, что в русском языке называется «глобализацией», в то время как во французском языке с данным понятием соотносятся два слова – “mondialisation” и “globalisation”. *Globalisation* или *Mondialisation*? Имеет ли смысл это различие, если одно является французским переводом другого, выражением, используемым англосаксами? “Mondialisation” относится к возникновению мира как пространства, как общества и как соответствующей шкалы анализа во многих областях. Его история связывается с историей возникновения обмена и торговли людьми. “Globalisation” – об установлении отношений взаимосвязи разных уголков мира благодаря влиянию мегаполисов, глобальному распространению неолиберализма, финансиализации мировой экономики и мгновенной связи действующих лиц капитализма. Необходимо проанализировать оба слова, принимая во внимание условия глобальных процессов, влияние глобальных кризисов на общественно-политические процессы в обществе и учитывая различия в следовании обществом пути становления сознания и цивилизации.

Современная эпоха соответствует беспрецедентному циклу глобализации в связи с цифровой революцией, которая не является первой в истории человечества. В словарном значении глобализации подчеркивается ее «многомерный» характер и ее историчность. Возникает необходимость подчеркнуть богатство французского языка, в котором дифференцируются два термина “mondialisation” и “globalisation”, несмотря на часто безапелляционное утверждение о вторжении англицизмов.

На основании вышесказанного задачами исследования являются рассмотрение происхождения феномена глобализа-

ции, а также определение и анализ значения французских слов “mondialisation” и “globalisation”, переводимых как «глобализация».

Результаты и обсуждение

Возникновение понятия глобализации связано с определенными характеристиками многомерной эволюции человеческого общества и затрагивает следующие аспекты:

1. Экономический: свободная торговля имеет тенденцию навязывать себя в качестве доминирующей системы, экономические границы размыты.

2. Политический: глобализация характеризуется реконfigurацией роли государства, которое должно иметь дело с новыми игроками и противостоять новым вызовам.

3. Культурный: мы становимся свидетелями столкновения ценностей, моделей мышления и поведения.

4. Военный: доминирующей тенденцией является регионализация безопасности с переменными успехами и существование транснациональных угроз (преступность, терроризм).

5. Экологический: процесс глобализации разворачивается в планетарном контексте, отмеченном климатическими изменениями и размышлениями об окружающей среде.

Далее рассмотрим историю возникновения феномена глобализации. Существует гипотеза о том, что цикл глобализации, который переживают современные общества, не является первым в истории человечества. Некоторые исследователи ссылаются на древние времена, описывая каналы сухопутной и морской торговли, например, движение финикийских торговых судов по Средиземному морю. Многие, подобно Фернану Броделю [2], рассматривают пересечение европейцами Атлантики как «первую» современную глобализацию. Речь идет об открытии Нового Света, а также об утверждении мирового уровня как важной вехи в исто-

рии человечества. Европейцы хотели получить доступ к золотым рудникам и товарам, которые они не могли производить дома и которые они называли «специями». Стремление получить тропические продукты, самым важным из которых был сахар, побудило их создать в Северной и Южной Америке плантации, на которых выращивали рабов африканского происхождения. Европейцы вслед за англичанами стали пить чай с Антильским сахаром [3]. В XVI веке глобальное распространение болезней и крупных эпидемий уничтожило население коренных американцев.

Феномен глобализации можно рассматривать как в позитивном, так и в негативном ключе. «Сегодня глобализация не работает. Это не работает для бедных во всем мире. Это не работает для окружающей среды. Это не работает на стабильность мировой экономики» [4, р. 341]. С другой стороны, открытость другим культурам и связанный с ней обмен информацией можно охарактеризовать как позитивный элемент, связанный с глобализацией. Глобализация ускоряет урбанизацию человечества. Исследователи Организации Объединенных Наций уже указывали на конференции Хабитат II в 1996 году, что на рубеже XXI века население мира будет преимущественно городским. Теперь они говорят, что если в 1950 году треть человечества была городской, то к 2050 году этот процент составит 70%. Современная глобализация происходит в глобальном контексте, характеризующемся изменением климата и размышлением о конечности природной среды. По разным данным, число климатических беженцев во всем мире продолжает расти: по оценкам, в 2014 году 22 миллиона человек покинули свои дома, что в три раза больше, чем число людей, перемещенных в результате политических конфликтов. Кроме того, некоторые ставят под сомнение основы мирового порядка в связи с ростом числа политических и климатических беженцев. Прием

беженцев с Ближнего Востока и Африки в настоящее время является серьезной проблемой для европейских стран.

Англоязычные экономисты относят «первую» современную глобализацию (globalization) к периоду с 1880-х по 1914 год из-за приверженности многих политических лидеров тезису Адама Смита о свободной торговле. Но после двух мировых войн большая часть XX века была отмечена закрытием границ. Только в конце 1970-х годов французские слова *mondialisation* и *globalisation* появились в средствах массовой информации и научном языке, чтобы обозначить постепенное открытие границ в интересах торговли. Для некоторых исследователей *mondialisation* и *globalisation* соответствуют выбору, сделанному государствами в 1980-х годах после того, как правительства президента Соединенных Штатов Рональда Рейгана и премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер инициировали политику дерегулирования в пользу свободной торговли. В данном контексте речь идет о «Вашингтонском консенсусе», основанном на соглашениях ВТО (Всемирной торговой организации, пришедшей на смену ГАТТ), Всемирного банка и Международного валютного фонда, основной целью которых является обеспечение открытости торговли в «интересах всех». Некоторые уточняют, что настоящий «поворотный момент» в либерализации торговли начался с решения президента Никсона, отменившего возможность конвертации доллара в золото в 1971 году. Это привело к облегчению свободного движения капитала, которое затем усилилось в результате цифровой революции. Также финансиализация капитализма объясняет хроническую нестабильность глобализованного мира [5]. В контексте глобализованного (*mondialisé et globalisé*) мира географ Дольфус и экономист Вельц ссылались на образ «глобального архипелага», чтобы обратить внимание на «связь между мегаполисами» в глобальном масштабе. Речь идет о Всемирном столичном архипелаге

(WMA). Эта идея актуализирована Люссо [6], который настаивает на концепции «гиперпространств» как новой пространственной конфигурации глобализации.

Французское слово "mondialisation", имеющее значение 'глобализация', происходит от слова "monde" - 'мир', 'свет' и означает многомерный процесс, затрагивающий различные аспекты жизни обществ и отдельных лиц. Этот процесс выражается в интенсификации потоков обмена материальными и нематериальными благами и касается социальных, культурных, экологических и экономических регистров, затрагивая различные дисциплины. В условиях современной цивилизации с развитым техническим прогрессом и правосознанием речь идет о стремлении к «межкультурному диалогу» человека и общества в целом. [7, с.65]. Для франкоязычных географов глобализация - "mondialisation" в конечном итоге означает появление «территории-мира» и «общества-мира», учитывая сжатие пространства-времени. Эту гипотезу об изменении масштаба, которая в целом является частью исторической преемственности, разделяют многие географы, в том числе Горра-Гобен [8], Граталуп [9] и Леви [10]. Она совпадает с позицией политолога Бертрана Бади [11], который объявил о «конце» национальной территории с наступлением эпохи глобализации, что сближает его понимание с точкой зрения Дольфуса [12]. "Globalisation" относится не к представлению о мире, а к представлению этого нового масштаба [13]. Такое обозначение глобализации участвует в размышлениях, с одной стороны, о метаморфозе капитализма, а с другой – о преобразовании местного населения под влиянием идеи «транснационального» [14]. "Globalisation" относится к метаморфозе капитализма, освобожденного от национальных (или постфордистских) рамок и нацеленного на возрастание финансового сектора. Политика дерегулирования в соответствии с неолиберальной идеологией усилила влияние акционеров в директивных органах и существенно

изменила организацию бизнеса [5, 15, 16]).

Говоря о «глобальном», носители английского языка также имеют в виду цифровую революцию, которая позволяет субъектам (частным лицам, НПО, террористам, компаниям и т. д.) общаться в режиме реального времени независимо от их географического положения или даже «координировать свои действия» в режиме реального времени. Это представляет собой беспрецедентный факт, который, в свою очередь, приводит к ускорению движения товаров, в том числе капитала. Поскольку английский язык не выбрал для обозначения понятия глобализации слово "worldization", он не создал картины возникновения мира, в отличие от французского языка, оперирующего словом "mondialisation". Данный языковой выбор на самом деле не обсуждается в англоязычной литературе.

Французское слово "globalization" не позволяет увидеть мир: напротив, оно подчеркивает проблему привязки потоков к городам. Широкое распространение слово "globalisation" получило благодаря экономисту Теодору Левитту [17], который в статье, опубликованной в Harvard Business Review в 1983 году, объявил о появлении глобальной фирмы, структурированной по принципу *мультилокализации*. Эта глобальная фирма дифференцирует и включает в себя производственные, проектные, сборочные и потребительские площадки, связанные средствами коммуникации, включая Интернет, а затем и смартфон. Она выигрывает от более низких транспортных затрат (изобретение контейнера в 1956 году), низкой стоимости рабочей силы в развивающихся странах (что приводит к явлениям офшоринга и аутсорсинга) и ограниченности их экологического и социального законодательства. Ссылка на «глобальный» (global) позже была повторена социологом и экономистом Саскией Сассен [18], которая продемонстрировала, что глобализованная экономика (характеризующаяся потоками торговли) укорени-

лась в нескольких городах, включая Нью-Йорк, Лондон и Токио. Таким образом, она создала категорию «глобальный город», которая включает города - «супер-звезды» в глобализованной и финансируемой экономике. Саския Сассен подчеркнула принцип городской иерархии и глобального ранжирования городов, чтобы лучше понять глобализацию. С этого момента тема города, рассматриваемая с точки зрения глобализации, изучается с точки зрения концепции «метрополизации».

«Глобальное» (global) заставляет задуматься о взаимодействии с «локальным» (local). Если глобализация (globalisation) относится к метаморфозе капитализма, то использование прилагательного «глобальный» (global) позволяет рассматривать отношения с «локальным» (local). «Локальное» больше не представляет собой географический масштаб, теперь оно подчиняется принципу связности и взаимосвязи и больше не ограничивается принципом пространственной близости. Обмен и коммуникационные потоки, работающие в мгновенном режиме, осуществляются между различными точками/местами, и речь идет о «соединительной близости» [19]. В соотношении «локальный» - «глобальный» антрополог Арджуна Аппадурай в своей работе 1996 года разъясняет, насколько движение потоков (относящихся к движению товаров и связности отношений) отражается на людях с двойной привязкой, таких как иммигранты или беженцы, представители творческих классов и экспатрианты. Согласно исследователю, мы больше не можем думать о локальном как о территории или географическом масштабе, теперь это является постоянным «изобретением»: локальное становится «местностью» [14].

Интерес к взаимодействию между локальным и глобальным был ранее отмечен Роландом Робертсоном [20], предложившим говорить о «глокальном». Принцип взаимодействия построен на увеличении разнообразия (культурного и

социального) на глобальном и национальном уровнях за счет реконфигурации идентичностей. Эта точка зрения позволяет задуматься о гибридизации локального и глобального, как отмечает социолог Алехандро Портес [21]. Она бросает вызов традиционному противостоянию между глобальным капиталом и местным трудом, проводя различие между глобализацией сверху и глобализацией снизу. И в том, и в другом случае признается возникновение транснациональных сообществ в результате взаимопроникновения локального и глобального.

Процесс глобализации, называемый “globalisation”, включает в себя глобализацию, обозначаемую словом “mondialisation” во французской этимологии. На самом деле существуют разные трактовки употребления каждого из этих слов. Например, Эдгар Морен придерживается мнения, что *mondialisation* означает расширение и усиление процесса взаимосвязей, взаимозависимостей, и это усиление создает реальность глобального характера – включая термин *globalisation*, понимаемый в ту эпоху как высшая стадия глобализации, обозначаемой словом “mondialisation” [22, p. 68-97]. По крайней мере, такое различие проводят французы, в то время как во франкоязычной литературе в Америке термин *globalisation* используется очень редко. Например, в недавно вышедшей книге «Проблемы и вызовы международного развития», подготовленной при поддержке Школы международного развития и глобальных исследований (ISM) Оттавского университета, термин *globalisation* упоминается всего два раза (для 470-страничной книги). Несмотря на то, что европейский подход имеет преимущество в том, что он обогащает словарный запас и иногда уточняет сферу применения термина, факт остается фактом: на практике эти термины часто путают.

Выводы

Таким образом, слова “globalisation” и “mondialisation”, обозначающие поня-

тие глобализации во французской научной мысли и зачастую используемые как синонимы, на практике подразумевают разные, хотя и взаимосвязанные, процессы. "Mondialisation" географически охватывает экономику и политику, право, культуру, сферу потребления и пр., завершая процесс интернационализации, в то время как "globalisation" представляет собой продолжение процесса «мондиализации» путем создания мировых систем в сфере производства и цифровизации [23]. В сложном мире понятий, обозначающих процесс глобализации, французские эксперты исследуют различные аспекты феномена «мондиализации» (mondialisation), включая роль социальной политики и миграции, проблемы национального суверенитета, национальной идентичности в условиях цифровизации, влияние средств массовой информации, международного права и т.п. По мнению большинства аналитиков, глобализация – mondialisation являет собой процесс эволюционирующих социальных явлений, связанных с возрастающей открытостью национальных экономик, расширением международной конкуренции среди стран, охваченных процессом глобализации. Возрастающее усиление материальных и нематериальных потоков размывает границы государства, которое постепенно утрачивает главную роль в контроле над миграционными процессами, осуществляющимися в настоящее время на межгосударственном уровне. В свободном перемещении населения задействованы различные причины: политические, экономические, социальные, культурные. Мобильность человеческого общества обусловлена фактором реализации различных отраслей права. "Mondialisation" подразумевает буквально «расширение мира» без каких-либо других фундаментальных специфических характеристик. Это есте-

ственное географическое перемещение, которое не влечет за собой и, возможно, не препятствует каким-либо другим изменениям. Это открытие региона, сообщества, нации по отношению к остальному миру в соответствии с возможностями в измерениях, определяемых реалиями мира. Таким образом, можно сказать, что глобализация, обозначаемая во французском языке словом "mondialisation", характерна для всех времен и эпох, поскольку существует сообщество, естественной эволюцией которого является установление всевозможных внешних контактов: коммерческих, культурных, политических и т. д. Это движение истории в соответствии с географией. Глобализация, передаваемая словом "globalization", в конечном итоге отсылает к тезису о глобализме, а глобализм подразумевает нечто целое, нечто большее, чем совокупность составляющих его частей. При слиянии частей происходит изменение сущности, которое является императивной необходимостью концепции. Как отмечено выше, нынешнее движение за глобализацию, вопреки тому, что повторяют наши политики, в основном европейские, не является экономической неизбежностью, каким-то образом находящейся вне политической власти. Существует огромное количество вариаций толкования слова "globalization", а также слова "globalisme", от которого оно произошло. "Globalisation" как нечто составное целое фактически навязала своим результатом нечто иное, чего не было у ее компонентов. Она изменила всё, не только экономически, но и географически, политически, культурно и, самое главное, психологически.

Следует отметить специфическую роль государства и его интеграцию в процесс глобализации, что требует проведения отдельного исследования.

Список литературы

1. Андреева О. А. Природа и культура в философии французского Просвещения. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2011. 163 с.

2. Braudel Fernand. Civilisation matérielle, économie et capitalisme XVe-XVIIIe siècle, Colin. Compte-rendu dans Population, 1981.
3. Grataloup Christian. Le monde dans nos tasses. Trois siècles de petit-déjeuner, Colin. Compte-rendu de François Jarraud dans Le Café pédagogique, 2017.
4. Stiglitz Joseph. La grande désillusion, Le Livre de Poche (titre original: Globalization and Its Discontents). Voir la page wikipédia consacrée à cet ouvrage, 2003.
5. Aglietta Michel et Moatti Sandra. Le FMI: de l'ordre monétaire aux désordres financiers, Economica [Disponible sur Gallica], 2016.
6. Lussault Michel. Hyper-lieux. Les nouvelles géographies de la mondialisation, Seuil, coll. « La couleur des idées ». Présentation de l'ouvrage par l'auteur à l'occasion d'un café géographique à Lyon, 2017.
7. Андреева О. А., Рейнгарт Н. В. Изменение картины мира китайских студентов-филологов, проходящих языковую стажировку в России // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2013. №1. С. 65.
8. Ghorra-Gobin Cynthia (dir.). Dictionnaire critique de la mondialisation, Colin. Compte-rendu de Marie-Noëlle Carré dans Cahiers des Amériques latines, 2012.
9. Grataloup Christian. Géohistoire de la mondialisation, Armand Colin. Compte-rendu de Gilles Fumey dans les Cafés géographiques, 2007.
10. Lévy Jacques (dir.). L'invention du monde: Une géographie de la mondialisation, Presses de Sciences Po., 2008.
11. Badie Bertrand. La fin des territoires, CNRS, 2014.
12. Dollfus Olivier. La mondialisation, Presses de Sciences po, 1997.
13. Boucheron Patrick (dir.). Histoire du monde au XVème siècle, Fayard, 2009.
14. Appadurai Arjun. Modernity at Large. Cultural dimensions of globalization. University of Minnesota press (2015 pour la traduction française sous le titre Après le colonialisme : les conséquences culturelles de la globalisation), 1996.
15. Boyer Robert et Durand Jean-Pierre. L'après fordisme, Syros, 1993.
16. Veltz Pierre. Mondialisation, villes et territoires. L'économie d'archipel. PUF. Compte-rendu de l'édition de 1996 dans Politique étrangère, 2014.
17. Levitt Theodore. "The Globalization of Markets", Harvard Business Review, May-June, 1983.
18. Sassen Saskia. The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton university press, 2001.
19. Ghorra-Gobin Cynthia et Reghezza-Zitt Magali (dir.). Entre local et global. Les territoires dans la mondialisation, Le Manuscrit, coll. Fronts pionniers, 2016.
20. Robertson Roland. Globalization. Social Theory and Global Culture. Sage Publications, 1992.
21. Portes Alejandro. Globalization from Below: The Rise of Transnational Communities, working paper, University of Princeton, 1997. 27 p.
22. Morin E. Penser global. L'humain et son univers. Paris: Robert Laffont. 23. 2015.
23. Dictionnaire de la Mondialisation. Paris, 2001. P. 210.

References

1. Andreeva O. A. Nature and Culture in the Philosophy of the French Enlightenment. Kursk. 2011. 163 p. (In Russ.).
2. Braudel Fernand. Material civilization, economy and capitalism fifteenth-eighteenth century, Colin. Report in Population, 2017.
3. Grataloup Christian. The world in our cups. Three centuries of breakfast, Colin. Report by François Jarraud in the Pedagogical Café, 2017.

4. Stiglitz Joseph. The Great disillusion, The Paperback (original title: Globalization and Its Disagreements). See the wikipedia page dedicated to this work, 2003.
5. Aglietta Michel and Moatti Sandra. The IMF: From the monetary order to financial disorders, Economica [Available on Gallica], 2016.
6. Lussault Michel. Hyper-places. The new geographies of globalization, Seuil, coll. "The color of ideas". Presentation of the book by the author on the occasion of a geographical café in Lyon, 2017.
7. Andreeva O. A., Rejngardt N. V. Changing the Worldview of Chinese Philology Students undergoing Language Training in Russia. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2013:(1):65. (In Russ.)
8. Ghorra-Gobin Cynthia (ed.). Critical Dictionary of Globalization, Colin. Report by Marie-Noëlle Carré in Cahiers des Amériques latines, 2012.
9. Grataloup Christian. Geohistory of globalization, Armand Colin. Review of Gilles Fumey in geographical Cafes, 2007.
10. Lévy Jacques (ed.). The invention of the world: A geography of globalization, Sciences Po Press., 2008.
11. Badie Bertrand. The end of the territories, CNRS, 2014.
12. Dollfuss Olivier. Globalization, Sciences po Press, 1997.
13. Boucheron Patrick (dir.). History of the world in the fifteenth century, Fayard, 2009.
14. Appadurai Arjun. Modernity at Large. Cultural dimensions of globalization. University of Minnesota press (2015 for the French translation under the title After Colonialism: the cultural consequences of globalization), 1996.
15. Boyer Robert and Durand Jean-Pierre. After Fordism, Syros, 1993.
16. Veltz Stone. Globalization, cities and territories. The archipelago economy. PUF. Report of the 1996 edition in Foreign Policy, 2014.
17. Levitt Theodore. "The Globalization of Markets", Harvard Business Review, May-June, 1983.
18. Sassen Saskia. The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton university press, 2001.
19. Ghorra-Gobin Cynthia and Reghezza-Zitt Magali (eds.). Between local and global. The territories in globalization, The Manuscript, coll. Pioneer Fronts, 2016.
20. Robertson Roland. Globalization. Social Theory and Global Culture. Sage Publications, 1992.
21. Portes Alejandro. Globalization from Below: The Rise of Transnational Communities, working paper, University of Princeton, 1997. 27 p.
22. Morin E. Global Thinking. The human and his universe. Paris: Robert Laffont. 23. 2015.
23. Dictionary of Globalization. Paris, 2001. P. 210

Информация об авторе / Information about the Author

Андреева Ольга Александровна, кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: olafranc@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-6117-8895

Olga A. Andreeva, Candidate of Sciences (Philosophical) Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: olafranc@yandex.ru, ORCHID: 0000-0002-6117-8895

Оригинальная статья / Original article

УДК 811.111

<https://doi.org/10.21869/2223-151X-2024-14-2-62-68>**Актуальные тенденции в процессе заимствования англицизмов в современном немецком языке (на примере тематической группы «здоровое питание» в немецких социальных сетях)****О.А. Шатохина¹** ✉¹Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт

Бульвар мира, д. 17, Невинномысск 357108, Российская Федерация

✉ e-mail: yaginskaya26@bk.ru**Резюме**

В данной статье раскрываются некоторые особенности гибридизации заимствований как актуальной тенденции в процессе появления лексических новообразований в немецких социальных сетях. Проводится анализ гибридных лексических новообразований с компонентом-англицизмом в понятийном поле «Здоровое питание», выявляются особенности их использования в интернет-коммуникации и устанавливается их лингвостилистическая функция в процессе формирования нового лексического слоя немецкого языка.

В качестве материала исследования выступают оригинальные публикации в группах социальной сети Snapchat #gesundessen, ###@projekt_gesund_leben, ###@eatsleepgreen, из числа которых выделены и проанализированы наиболее активно используемые заимствования.

Актуальность темы данного исследования обуславливается тем, что новые слова возникают в языке постоянно, на всех этапах его существования, особенно в связи с быстрым развитием интернет-коммуникации в социальных сетях, и вопрос об их систематизации приобретает особую значимость. Процессу гибридизации с компонентом-англицизмом в немецких социальных сетях характерна определенная специфика, требующая тщательного изучения.

В результате исследования автор пришел к выводу, что активное использование англицизмов-гибридов обусловлено потребностью современного общества в интернациональной лексике, приводит к более успешному межкультурному диалогу в рамках интернет-коммуникации и является актуальной тенденцией развития современного немецкого языка социальных сетей. Наиболее часто используются слова-гибриды, которые образованы в процессе гибридизации путем заимствования англицизмов и добавления либо словообразовательных элементов из немецкого языка или немецких лексем.

Систематизированный материал, предложенный автором статьи, может быть использован в педагогической и научной деятельности в сфере таких отраслей языкознания, как неология, лингвистическое терминоведение, дериватология, контрастивная лингвистика.

Ключевые слова: гибридизация; новообразование; заимствование; англицизм; слово-гибрид; социальная сеть.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Шатохина О.А. Актуальные тенденции в процессе заимствования англицизмов в современном немецком языке (на примере тематической группы «здоровое питание» в немецких социальных сетях) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2024. Т. 14, № 2. С. 62-68. <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2024-14-2-62-68>.

Статья поступила в редакцию 08.02.2024 Статья подписана в печать 26.03.2024

Статья опубликована 28.06.2024

Current trends in the process of borrowing anglicisms in modern german (using the example of the thematic group "healthy eating" in german social networks)

Olga A. Shatokhina¹ ✉

¹Nevinnomyssk State Humanitarian and Technical Institute
17, Bulvar Mira Str., Nevinnomyssk 357108, Russian Federation

✉ e-mail: yaginskaya26@bk.ru

Abstract

This article reveals some features of the hybridization of borrowings as an actual trend in the process of the appearance of lexical neoplasms in German social networks. The analysis of hybrid lexical neoplasms with an Anglicism component in the conceptual field of "Healthy nutrition" is carried out, the features of their use in Internet communication are revealed and their linguistic and stylistic function is established in the process of forming a new lexical layer of the German language.

The research material is original publications in Snapchat social network groups #gesundessen, ###@projekt_gesund_leben, ###@eatsleepgreen, from among which the most actively used borrowings are highlighted and analyzed.

The relevance of the topic of this study is due to the fact that new words appear in the language constantly, at all stages of its existence, especially in connection with the rapid development of Internet communication in social networks, and the question of their systematization is of particular importance. The process of hybridization with the Anglicism component in German social networks is characterized by certain specifics that require careful study.

As a result of the research, the author came to the conclusion that the active use of Anglicisms-hybrids is due to the need of modern society for international vocabulary, leads to a more successful intercultural dialogue within the framework of Internet communication and is an urgent trend in the development of the modern German language of social networks. The most commonly used words are hybrids, which are formed in the process of hybridization by borrowing Anglicisms and adding either word-formation elements from the German language or German lexemes.

The systematized material proposed by the author of the article can be used in pedagogical and scientific activities in the field of such branches of linguistics as neology, linguistic terminology, derivatology, contrastive linguistics.

Keywords: hybridization; neoplasm; borrowing; Anglicism; hybrid word; social network.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Shatokhina O.A. Current trends in the process of borrowing anglicisms in modern german (using the example of the thematic group "healthy eating" in german social networks). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2024; 14(2): 62–68 (In Russ.). <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2024-14-2-62-68>.

Received 08.02.2024

Accepted 26.03.2024

Published 28.06.2024

Введение

Ключевым условием функционирования языка является его постоянное развитие, которое находит свое выражение в появлении новых лексем и новых значений. Большое количество лексических новообразований стало появляться во

всех языках в связи с развитием интернет-коммуникации в социальных сетях. Это связано с тем, что коммуникация в интернете быстрее других жанров речи отражает происходящие в обществе изменения и зачастую выступает первым источником, в котором фиксируются новые слова, выражения и значения [1]. В

лексикологии в качестве основных путей пополнения лексического состава языка выделяются словообразование, вторичная номинация и заимствование (В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, В.Д. Девкин, В.И. Заботкина, Е.С. Кубрякова, Т.В. Попова, М.Д. Степанова, К. Хеллер и др.). Однако в современных научных исследованиях к актуальным тенденциям и нестандартным способам появления лексических новообразований ученые относят гибридизацию, представляющую собой процесс возникновения гибридных новообразований с иноязычным компонентом-заимствованием (И.Б. Аккуратова, Е.С. Кубрякова) [2, с. 23]. При этом чаще всего в этих новых словах-гибридах в качестве компонента используются англицизмы.

Несмотря на то, что теоретические и практические аспекты функционирования заимствований-англицизмов в немецком языке достаточно подробно описаны, для процесса гибридизации с компонентом-англицизмом в немецких социальных сетях характерна определенная специфика, требующая тщательного изучения. Этим обусловлена *актуальность* данной работы, посвященной анализу тенденций в процессе заимствования англицизмов в современном немецком языке на примере тематической группы «Здоровое питание» в социальных сетях. Данный анализ выполнен на материале живого естественного языка, выявляя специфику проявления англицизмов в немецкой лингвокультуре, причём не литературного языка, а языка интернет-коммуникации [3, с. 55].

Цель исследования заключается в анализе гибридных новообразований с компонентом-англицизмом в рамках тематической группы «Здоровое питание», появившихся в немецких социальных сетях, и выявлении их особенностей. Для достижения этой цели последовательно решались следующие *задачи*: рассмотрены ключевые понятия «заимствование» и «гибридизация», выявлена классификация заимствований, проанализированы

примеры гибридизации с компонентом-англицизмом тематической группы «Здоровое питание» в немецких социальных сетях, установлена их лингвостилистическая функция в процессе формирования нового лексического слоя немецкого языка [4, с. 100].

Материалы и методы

В качестве материала исследования выступают оригинальные публикации в группах социальной сети Snapchat #gesundessen, ###@projekt_gesund_leben, ###@eatsleepgreen, из числа которых выделены и проанализированы наиболее активно используемые заимствования.

В ходе описания и анализа отобранных в результате сплошной выборки лексических единиц в данном исследовании использованы метод семантического анализа, метод лингвистического описания (интерпретация и обобщение анализируемого материала), сопоставительный анализ, лингвостатистический анализ.

Результаты и обсуждения

Заимствование относится к одному из продуктивных способов пополнения лексического состава языка. Оно является результатом лингвокультурных контактов между различными народами, в процессе которого заимствуются слова и понятия, отсутствующие в языке-реципиенте [5]. Под заимствованием понимается как процесс перехода иноязычного слова в язык-реципиент, так и само заимствованное слово [6, с. 34]. При попадании заимствования в заимствующий язык, оно может подвергнуться ассимиляции. Известные ученые-лингвисты А.М. Искоз и А.Ф. Ленкова выделяют фонетическую, морфологическую и орфографическую ассимиляцию [7, с.17]. Однако в последние годы заимствования все меньше подвержены ассимилирующим процессам при вхождении в немецкий язык.

Актуальной тенденцией в процессе заимствования в современном немецком языке является гибридизация, под кото-

рой И.Г. Аккуратова предлагает понимать «включение иноязычных компонентов в состав слов с целью выражения намерений участников коммуникации, в результате чего появляются гибридные лексемы – новые слова» [2, с. 125]. Анализируя этот процесс, И.Г. Аккуратова отмечает, что новые слова-гибриды не воспринимаются в немецком языке как что-то новое или чуждое, более того, все чаще встречаются случаи «детерминализации терминов-англицизмов и их вторичная номинация (метафоризация) в словах-гибридах» [2]. Особенно актуальны эти тенденции для интернет-коммуникации.

В современном мире интернет-коммуникация стала важной и неотъемлемой частью повседневной жизни. Если проанализировать статистику, то мы увидим, что 89% немецкой молодежи используют интернет ежедневно на постоянной основе, 93% используют свои смартфоны каждый день [8].

Тематика здорового питания является одной из популярных тем в немецких социальных сетях. Согласно Л. Нойманн, в современное научное знание даже вошел термин «коммуникация по питанию в социальных сетях» (*Ernährungskommunikation in Social Media*) [9, с. 113]. Как свидетельствуют исследования интернет-коммуникации в рамках данной сферы в социальных сетях, наиболее часто обсуждаются такие проблемы, как здоровое питание, избыток веса, похудение, нарушения питания (например, булемия), экологическое питание, гурманы, эстетика питания [9].

Об активной коммуникации по вопросам здорового питания свидетельствует большое количество пользователей, регулярно публикующих посты и активно обсуждающих эту тему. Подмечено, что под хештегом #food опубликовано более 409 миллионов сообщений. В социальных сетях пользователи чаще всего публикуют фотографии приготовленных блюд с ре-

цептами, рекомендации по здоровому питанию.

В рамках данного исследования автор проанализировал публикации в группах в социальной сети Snapchat #gesundessen, ####@projekt_gesund_leben, ####@eatsleepgreen и выделил наиболее часто используемые заимствования.

В социальных сетях нередко встречается лексическое новообразование *Lohas*. Слово *Lohas* появилось в процессе гибридизации: заимствованная англоязычная фраза *Lifestyle of Health and Sustainability* (здоровый и устойчивый образ жизни) претерпела сокращение, что привело к появлению новой лексики. Это слово означает группу людей, которые решили вести здоровый образ жизни с целью сохранения здоровья и хорошего самочувствия [10].

В группах здорового питания в социальной сети Snapchat также активно используются новые слова, образованные путем гибридизации и выражающие различные стили питания: *flexitarier* (флекситарный), *frutarier* (фруктарианец), *veganer* (веган), *vegetarier* (вегетарианец) [11].

Анализ этих слов показывает, что слово *flexitarier* (флекситарный) возникло от англицизма *flexible* (гибкий) с использованием словообразовательных элементов, характерных для немецкого языка. Это слово означает человека, который не отказался полностью от мяса, но употребляет его в пищу ограниченно.

Слово *frutarier* (фруктарианец) образовано от англицизма *fruits* (фрукты) путем гибридизации с использованием немецких словообразовательных элементов и используется для обозначения человека, который питается только фруктами и семенами.

Лексема *veganer* (веган) образовалась от англицизма *vegan* (веган) путем гибридизации с использованием немецких словообразовательных элементов и означает человека, который полностью отказался от любой растительной и жи-

вотной пищи. Активно используется слово *veganer* в качестве прилагательного.

Отдельную группу англицизмов представляют слова-гибриды, связанные с диетами. Например, слово-гибрид *glyxdiät* (*гликсовая диета*) возникло путем гибридизации: компонент *glyx* является сокращением от сочетания немецкого слова с англицизмом *glycemic index* (*гликемический индекс*), второй компонент – *diät*. Это лексическое новообразование означает диету, при которой не принимаются в пищу продукты, вызывающие быстрое повышение уровня сахара в крови [12].

Также часто встречается слово-гибрид *crash diät*, которое возникло путем соединения английского слова *crash* (*авария*) и немецкого слова *diät* (*диета*). Это слово означает срочную (экстренную) диету, которая позволяет сбросить вес за очень короткое время, но может быть опасной для организма. Образное использование англоязычного заимствования *crash* из иного профессионального поля способствует созданию выразительности и экспрессивности новому гибриднему словообразованию тематической группы «Здоровое питание». Данная метафоризация гибрида-англицизма обусловлена запросом немецкого языкового интернет-коллектива на необходимость номинации нового явления и эмоционально-экспрессивное обновление лексики [13].

В постах можно встретить слова-гибриды *low carb diät* и *high fat diät*, которые были образованы в процессе гибридизации путем добавления англицизмов *low carb* (*низкоуглеводный*), *high fat* (с высоким содержанием жира) и немецкого слова *diät* (*диета*). Под термином *low carb diät* понимается вид диеты, при которой из питания исключаются углеводсодержащие продукты, а под термином *high fat diät* – вид диеты, при которой употребляется богатая жирами пища [14].

Часто также используется слово-гибрид *Body-Mass-Index*, которое появилось в процессе гибридизации англицизма и словосложения. Под этим термином

понимается индекс массы – соотношение роста и веса, по которому судят о том, есть ли какие-то проблемы с избытком или недостатком веса. При этом часто в социальных сетях используется сокращение этого слова – BMI.

Популярной рубрикой в социальных сетях являются посты с рецептами, в которых тоже используются лексические новообразования. К примеру, в блоге *@projekt_gesund_leben* рецепты публикуются в рубрике *Clean Eating Rezepte* (Чистый пищевой рецептик). Это новообразование возникло путем гибридизации – компоненты *clean eating* (чистое питание) пришли из английского языка, компонент *rezepte* (рецепт) – немецкая лексема [12].

Выводы

Важные тенденции развития общества находят свое отражение в языке, и, прежде всего, языке современных социальных сетей. Согласно результатам проведенного анализа публикаций в группах немецкой социальной сети Snapchat *#gesundessen*, *###@projekt_gesund_leben*, *###@eatsleepgreen*, часто используются слова-гибриды, которые образованы в процессе гибридизации путем заимствования англицизмов и добавления либо словообразовательных элементов из немецкого языка или немецких слов. Рассмотренный нами корпус гибридов позволяет говорить о большом лингвопрагматическом потенциале англицизмов в составе гибридных лексических единиц немецкого языка. Такое активное использование англицизмов-гибридов обусловлено потребностью в интернациональной лексике и приводит к более успешному межкультурному диалогу в рамках интернет-коммуникации. Заменяя длинные описательные обороты на родном языке, англицизмы-гибриды способствуют созданию образности, экспрессии и выразительности в речи современных социальных сетей.

Таким образом, полученные результаты могут быть использованы в педагогической и научной деятельности для актуализации лексикографических значений и обновления дефиниций традицион-

ных толковых словарей немецкого языка, в курсах переводоведения, в спецкурсах по словообразованию, для составления отраслевых переводческих словарей.

Список литературы

1. Donalies E. Gut gefringst ist halb gewonnen. Zehn Plädoyers für einen freundlichen und freien Umgang mit der Wortbildung / mit einem Vorwort von Ludwig M. Eichinger. Mannheim: Institut für deutsche Sprache, 2004. 80 s.
2. Аккуратова И.Г. Особенности гибридизации с компонентом-англицизмом в немецком языке (на материале понятийного поля «образование») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 6. С. 125-130.
3. Шатохина О.А. Сленг в английском языке как основа для производства национального словаря. Лингвокультурологический аспект // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9 (3). С. 55–62.
4. Шатохина О.А. Неологизмы периода пандемии Covid-19 в современной британской прессе // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2023. Т. 13 (1). С. 98-105. <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-1-98-105>
5. Ольшанский Н.Г., Гусева А.Е. Лексикология немецкого языка. 2-е изд., пер. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2018. 428 с.
6. Тяпкина Т.М. Курс лекций по дисциплине «Лексикология». Владимир, 2013. 86 с.
7. Искоз А.М., Ленкова А.Ф. Лексикология немецкого языка (на нем. яз.) Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Просвещение, 1999. 296 с.
8. Dargiewicz A. Fremde Elemente in Wortbildungen des Deutschen. Zu Hybridbildungen in der deutschen Gegenwartssprache am Beispiel einer raumgebundenen Untersuchung in der Universitäts- und Hansestadt Greifswald. Frankfurt am Main: Internationaler Verlag der Wissenschaften; Peter Lang GmbH, 2013. 418 s.
9. Neumann L. Digital Food. Einfluss von Social Media auf das Ernährungsverhalten. Term Paper, 2020. 219 s. URL: <https://www.grin.com/document/1144047>.
10. Longman Dictionary of Contemporary English. London: Longman Group, Ltd., 2015. 2224 p.
11. Collins English Dictionary. URL: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/buzz-word.pdf>.
12. <https://www.deutschland.de/en/topic/culture/which-media-are-young-people-in-germany-using> (дата обращения: 14.01.2024).
13. <https://www.statista.com/topics/5065/media-usage-among-teenagers-in-germany/> (дата обращения: 14.01.2024).
14. <https://www.duden.de/rechtschreibung/Dumping> (дата обращения: 14.01.2024).

References

1. Donalies E. Gut gefringst is half won. Ten pleas for a friendly and free approach to word formation / with a foreword by Ludwig M. Eichinger. Mannheim: Institut für deutsche Sprache, 2004. 80 p.
2. Akkuratova I.G. Features of hybridization with the Anglicism component in the German language (based on the material of the conceptual field "education". *Filologicheskie nauki. Vo-*

prosi teorii i praktiki = *Philological Sciences. Questions of theory and practice*. 2019;12(6):125-130. (In Russ.).

3. Shatoxina O.A. Slang in English as the basis for the production of a national dictionary. The linguistic and cultural aspect. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2019;9(3):55-62. (In Russ.).

4. Shatoxina O.A. Neologisms of the Covid 19 pandemic period in the modern British press. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2023;13(1): 98-105. (In Russ.). <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-1-98-105>

5. Ol'shanskiy I.G., Guseva A.E. *Lexicology of the German language*. Moscow: Urait; 2018. 428 p. (In Russ.).

6. Tyapkina T.M. *A course of lectures on the discipline "Lexicology"*. Vladimir; 2013. 86 p. (In Russ.).

7. Iskoz A.M., Lenkova A.F. *Lexicology of the German language* (in German). 3rd ed. Moscow: Prosveshchenie; 1999. 296 p. (In Nem.).

8. Dargiewicz A. *Foreign elements in word formations of German. On hybrid formations in the contemporary German language using the example of a spatial investigation in the university and Hanseatic city of Greifswald*. Frankfurt am Main: Internationaler Verlag der Wissenschaften; Peter Lang GmbH; 2013. 418 p.

9. Neumann L. Neumann L. *Digital food. The impact of social media on eating behavior*. Coursework, 2020. 219 p. Available at: <https://www.grin.com/document/1144047>.

10. *Longman Dictionary of Contemporary English*. London: Longman Group, Ltd.; 2015. 2224 p.

11. *Collins English Dictionar*. Available at: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/buzz-word.pdf> (accessed 14.01.2024).

12. <https://www.deutschland.de/en/topic/culture/which-media-are-young-people-in-germany-using> (accessed 14.01.2024).

13. <https://www.statista.com/topics/5065/media-usage-among-teenagers-in-germany/> (accessed 14.01.2024).

14. <https://www.duden.de/rechtschreibung/Dumping> (accessed 14.01.2024).

Информация об авторах / Information about the Author

Шатохина Ольга Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент, Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт, научный сотрудник научно-исследовательской части Невинномысского государственного гуманитарно-технического института, г. Невинномысск, Российская Федерация,
e-mail: yaginskaya26@bk.ru

Olga A. Shatokhina, Cand. of Sci. (Philological), Associate Professor, Nevinnomyssk State Humanitarian and Technical Institute, Researcher of the research unit of Nevinnomyssk State Humanitarian and Technical Institute, Nevinnomyssk, Russian Federation,
e-mail: yaginskaya26@bk.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 81-23

<https://doi.org/10.21869/2223-151X-2024-14-2-69-76>

Переключение языкового кода в образовательной среде Афганистана

Каримулла Рашиди¹ ✉

¹Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, д. 85, г. Белгород 308000, Российская Федерация

✉ e-mail: Tess1001@yandex.ru

Резюме

Сложный характер историко-культурного наследия и необходимость экономического развития способствовали возрастанию роли английского языка и предопределили сложный характер многоязычия в современном Афганистане. Английский язык на территории Афганистана не обладает официальным статусом, но играет значимую роль в жизни общества всех слоев. В исследовании представлен анализ такого лингвистического явления, как переключение кодов, под которым понимается необходимость перехода с одного языка на другой в условиях межъязыкового взаимодействия. Целью исследования является изучение роли и статуса английского языка в образовательной среде высшего звена и выявление специфики взаимодействия английского языка и автохтонных языков Афганистана пушту и дари в процессе обучения. Работа выполнена в русле социолингвистики, что подразумевает анализ языковых явлений в зависимости от социальных групп. Работа базируется на комплексной методике исследования, включающей достижение результатов при помощи общенаучных и лингвистических методов. Использовались анализ и синтез, индукция и дедукция, метод триангуляции для оценки достоверности исследования, метод социолингвистического комментария, представляющего собой основу исследования для выявления специфики переключения кодов в условиях сложной лингвосоциокультурной ситуации в Афганистане. В работе также применялся метод тематического исследования, включающий структурированный анализ интервью коммуникантов с последующим описанием тех или иных явлений, и метод количественного анализа для подсчета продуктивности определенных явлений. Такой метод как интервью применялся нами для получения сбора данных участников. В результате исследования было установлено, что процесс переключения кодов используется преподавателями для легкости усвоения информации, объяснения сложного материала, создания благоприятной атмосферы в процессе обучения.

Ключевые слова: билингвизм; переключение кода; английский язык; автохтонные языки Афганистана; образование.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Каримулла Рашиди. Переключение языкового кода в образовательной среде Афганистана // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2024. Т. 14, № 2. С. 69-76. <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2024-14-2-69-76>.

Статья поступила в редакцию 18.02.2024

Статья подписана в печать 03.04.2024

Статья опубликована 28.06.2024

Code Switching in the educational environment of Afghanistan

Karimullah Rashidi¹ ✉

¹National Research University "Belgorod State University"
85, Pobedy Str., Belgorod 308000, Russian Federation

✉ e-mail: Tess1001@yandex.ru.

Abstract

The complex nature of historical and cultural heritage and the need for economic development contributed to the increasing role of the English language and predetermined the complex nature of multilingualism in modern Afghanistan. The English language in Afghanistan does not have an official status, but plays a significant role in the life of society of all strata. The research work presents an analysis of such a linguistic phenomenon as code switching, which means the need to switch from one language to another in the context of languages' interaction. The aim of the study is to analyze the role and status of the English language in the higher educational environment and to identify the specifics of the interaction of the English language and the indigenous languages of Afghanistan, Pashto and Dari, in the learning process. The research work was carried out in line with sociolinguistics, which implies the analysis of linguistic phenomena depending on social groups. The work is based on a comprehensive research methodology, including the achievement of results using general scientific and private linguistic methods. The methods being used are the analysis and synthesis, induction and deduction; the triangulation method was used to assess the reliability of the work, the method of sociolinguistic commentary is used as the basis to identify the specifics of code switching in a complex linguistic and socio-cultural situation in Afghanistan. The work also used the method of case study, which includes a structured analysis of interviews with communicants followed by a description of certain phenomena and the method of quantitative analysis to calculate the productivity of these phenomena. Such a method as an interview was used by us to obtain the data collection of participants. As a result of the research work, it was found that the process of switching codes is used by teachers to easily assimilate information, explain complex material, and create a favorable atmosphere.

Keywords: bilingualism; code switching; English; indigenous languages of Afghanistan; education.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Karimullah Rashidi. Code Switching in the educational environment of Afghanistan. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2024; 14(2): 69–76 (In Russ.). <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2024-14-2-69-76>.

Received 18.02.2024

Accepted 03.04.2024

Published 28.06.2024

Введение

В современном мировом сообществе влияние глобализации наблюдается во всех сферах человеческой деятельности: экономике, политике, юриспруденции, образовании, СМИ. Английский язык оказывает значимое влияние на состояние языка в странах, где он является иностранным, что проявляется в высокочастотном функционировании заимствований из ан-

глийского языка и способствует вытеснению лексем автохтонных языков [1, 2].

Актуальность настоящего исследования определяется необходимостью проведения анализа влияния английского языка на состояние языков и культур на территории Средней Азии (что обусловлено недостаточно сформированной теоретической и практической базой исследовательских работ), с одной стороны, и потребностью изучения новых свойств территориальных вариантов английского

языка, на примере английского языка, функционирующего на территории Афганистана, для создания комплексной модели адаптации языка-донора в условиях глобализации, с другой стороны.

Целью работы является выявление специфики такого лингвистического явления, как переключение языкового кода на примере обучения английскому языку в университетах Афганистана. Функционирование иностранных языков на территории государства определяется языковой политикой, при этом образовательной среде уделяется определяющее место. Вопросы изучения специфики внедрения и адаптации в образовательную среду европейских языков в качестве иностранных были предметом анализа в трудах многих исследователей. В работах отечественных лингвистов отмечается доминирующее влияние английского языка на состояние языков и культур в целом [3]. В трудах Ж. Багана и Я.А. Глебовой особое внимание уделяется обучению французскому языку в школах Кот-д'Ивуара, где французский язык является официальным наряду с автохтонными языками [4]. В трудах Т.Г. Волошиной анализируется образовательная система в Нигерии и подчеркивается значимость автохтонных языков как базового средства в начальной школе и использование английского языка в качестве основы образовательной системы на этапе среднего звена [5]. Важной особенностью осуществления образовательного процесса в странах Африки является проведение теоретических и практических занятий только на основе английского языка [6, 7, 8].

В Афганистане английский язык не обладает официальным статусом, но этот иностранный язык, функционируя на территории государства, приобретает новый статус – в процессе вынужденной адаптации английский язык становится средством престижа и залогом успеха. Целью исследования является выявление роли и статуса английского языка в образовательной системе Афганистана и про-

ведение анализа такого лингвистического явления, как «переключение кодов», представляющего собой высокопродуктивную реалию в условиях межъязыкового взаимодействия.

Полученные результаты

Начало XXI века для образовательной системы Афганистана характеризуется новым этапом развития, для которого характерна уникальная особенность – вынужденная адаптация английского языка, не являющегося официальным в государстве, на всех образовательных этапах. Обучающиеся изучают английский язык в качестве иностранного языка для будущей успешной экономической и культурной профессиональной компетенции [9]. Английский язык широко используется как в формальной, так и в неформальной коммуникации, в большей степени среди жителей среднего возраста и молодежи. Высокочастотное функционирование англицизмов в речи жителей Афганистана приводит к переключению кодов, под которым мы понимаем внезапный переход коммуниканта с одного языка на другой, что обусловлено контекстом ситуации. В отличие от интерференции, для которой характерен перенос элементов одного языка на другой, при переключении кодов в коммуникации наблюдается полная замена языковых единиц. Для Афганистана переключение кода является продуктивным явлением [10], например, в своей речи президент Гани сознательно применял переключение кода при переключении с языка пушту на язык дари [11, 12], с целью предоставления равных возможностей двум автохтонным языкам.

Для образовательной системы Афганистана языками образовательной системы на школьном уровне являются автохтонные языки пушту и дари, английский язык является обязательным предметом для изучения и преподается, начиная с четвертого класса и до конца всего курса школьного обучения [13]. Явление переключения кодов характерно в большей

степени для студентов университетов, так как преподаватели и учащиеся обязаны использовать английский язык в аудиториях университета. Многие студенты Афганистана владеют двумя автохтонными языками (пушту, дари) и английским языком при общении друг с другом [14].

Большая часть населения в современном мире является двуязычной или многоязычной. Процесс переключения кодов происходит регулярно в речи двуязычных или многоязычных носителей в процессе использования двух и более языков. Аналогичным образом, переключение кодов, касающееся двуязычных и многоязычных учащихся, является широко распространенным лингвистическим феноменом, который подробно изучается лингвистами, педагогами и политиками.

Термин «переключение кодов» применим к общению между двумя коммуникантами, которые являются билингвами [15]; кроме того, это – использование двух или более языков в непрерывном диалоге [16]. Необходимо отметить, что переключение кодов в образовательной и социальной средах трактуется неравнозначно: в то время как в социальной среде переключение кодов считается преимуществом и ценным дополнением к коммуникации, в образовательном контексте этот процесс считается неуместным [17]. Анализ процессов переключения кодов в образовательной среде изучался многими исследователями. Например, при анализе переключения кодов в процессе школьного обучения по мнению исследователей внимание должно уделяться социолингвистическим особенностям коммуникантов. Переключение кодов, особенно на занятиях по иностранному языку на всех этапах обучения, как в школе, так и в университете является актуальным направлением в современной образовательной политике [18].

Практическая часть нашего исследования проводилась среди студентов Государственного Кандагарского университета в Афганистане, среди которых были студенты (мужчины и женщины) воз-

растных групп от 19 до 29 лет. Целью использования интервью в нашей работе было выявление мнения студентов о причинах переключения кодов в речи преподавателей.

Согласно полученным данным, первой причиной переключения кодов в речи преподавателей с английского языка на родной являлось желание преподавателей сделать доступным и комфортным процесс восприятия информации. Большинство студентов (45%) ответили, что переключение кода приводит к легкому восприятию информации.

Второй причиной студенты назвали необходимость подробного объяснения информации (31%). Большинство студентов ответили, что переключение кодов обусловлено необходимостью восприятия детальной информации. Следует отметить, что переключение кодов более часто для студентов первого курса (38%) и второго курса (32%), по сравнению со студентами последующих курсов (третий курс – 20%, четвертый курс – 10%). Студенты начальных курсов часто не имеют высокого уровня знаний английского языка, поэтому для усвоения информации на английском языке преподаватель осознанно переходит на родной язык. Большинство ошибок в восприятии английского языка на начальной ступени обучения в университетах связаны с влиянием автохтонных языков Афганистана – пушту и дари. Студенты первого и второго курсов совершают ошибки в фонетическом, лексическом и грамматическом строе английского языка как в устной, так и в письменной речи. Ошибки в восприятии речи на иностранном языке ведут к непониманию информации в целом, поэтому преподаватели осознанно переходят на родной язык. Абсолютное большинство студентов (85%) считают, что в качестве основы преподавания на первом и втором курсах эффективным является использование родных языков, а не английского [19]. Часто преподаватели переходили на родной язык учащихся, что-

бы расширить объяснение некоторых спорных моментов, в большей степени такой род информации касался объяснения терминологического ряда, специфики сложных концепций.

Весьма дискуссионным моментом на наш взгляд является третья причина переключения кодов: для поддержания доброжелательной атмосферы на занятиях (24%). Часто преподаватели, по мнению студентов, переключались на использование местных языков, чтобы избежать скуки в процессе преподавания. Целью переключения кодов в данном случае было укрепление отношений с учащимися и мотивировка активных дискуссий. Например, чтобы создать дружественную атмосферу преподаватели приводили примеры шуток на родном языке. Таким образом, внимание учащихся переключалось от сложной тематики занятия на отвлеченные темы. Юмор, несомненно, облегчал восприятие и позволял студентам отвлечься. Важно отметить, что юмор представляет собой элемент лингвосоциокультуры, поэтому шутки лучше воспринимаются на родном языке. Более того, далеко не все специалисты способны грамотно интерпретировать юмористические особенности иностранной лингвокультуры.

Важно отметить гендерную маркированность респондентов женщин, которые отметили эффективность использования переключения кодов с английского языка на родной для снятия психологических барьеров со стороны преподавателей. Мы выявили, что 88% студенток первого и второго года обучения считают эффективным в процессе обучения переходить от английского языка на один из родных языков, так как это помогает им чувствовать себя более уверенными. Также респонденты как женского, так и мужского рода отметили эффективность использования лексем автохтонных языков для соблюдения порядка в классе, например, *Mutawajee* – *внимание*, вместо английского *Attention!* [20].

Анализируя достоинства и недостатки явления переключения кодов в образовательной среде, студенты акцентируют внимание на эффективность этого процесса только на начальных курсах – первом и втором в случаях острой необходимости, например, при объяснении сложных терминов. Что касается обучения на старших курсах, то процесс переключения кодов с английского на родной язык в речи преподавателя оценивался студентами негативно, так как он приводил к ослаблению мотивации студентов совершенствовать знания английского языка.

Выводы

Таким образом, современное общество невозможно представить без межкультурного взаимодействия. Влияние глобализации можно четко проследить на всех аспектах человеческой деятельности. Английский язык в рамках мирового сообщества приобрел неоспоримое влияние и является доминирующим средством коммуникации не только в странах, где он обладает официальным статусом, но и в развивающихся государствах, стремящихся улучшить свои международные связи.

В нашей работе анализу были подвержены роль и статус английского языка, функционирующего в Афганистане. Не обладая официальным статусом, английский язык на территории современного Афганистана приобрел уникальный статус – важного средства коммуникации для достижения успеха во всех сферах общества. Роль английского языка была проанализирована на примере образовательной среды высшей ступени, так как в большинстве престижных университетов Афганистана процесс преподавания ведется на основе английского языка.

Такое явление, как переключение кодов представляет собой типичное явление для билингвальной среды. Часто в процессе обучения в университетах Афганистана преподаватели намеренно ис-

пользуют процесс переключения кодов с иностранного языка на родной. В ходе нашего исследования, выполненного в русле социолингвистики, были выявлены причины переключения кодов в речи преподавателей. К наиболее частотным случаям относятся: желание сделать процесс обучения более легким и доступным

(45%) и необходимость объяснения сложного материала (31%); к группе наименее продуктивных причин относится создание благожелательной атмосферы на занятии (24%), при этом данный пункт является гендерно маркированным, что связано с низкой женской самооценкой.

Список литературы

1. Achakzai, N. Iqbql and Afghanistan: areas of influence // *Aracosia*. 2022. №2(3). P. 2-13.
2. Alimyar, Z. Attitudes and Motivation of Afghan Students toward Learning English // *Journal of English Education*. 2020. №5(1). P. 19-33.
3. Baghana J., Voloshina T.G., Glebova Ya.A., Bocharova E.A., Radovich M.A. Globalization influence on linguistic and cultural state due to the language contacts' interaction // *Laplagem Revista*. 2020. № 6. P. 190-197.
4. Baghana J., Glebova Y. A., Voloshina T. G., Blazhevich Y. S., Birova J. The impact of interference on the functioning of French in Ivory Coast. // *Laplagem Revista*. 2021. №7(Extra-D). P. 9-14.
5. Voloshina T.G. Lexical features of Nigerian English while teaching English // *Russian Linguistic Bulletin*. 2023. №12 (48). URL: <https://rulb.org/archive/12-48-2023-december/10.18454/RULB.2023.48.49> (дата обращения: 18.01.2024). <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.48.49>.
6. Baghana J., Voloshina T. G., Raiushkina M. E., Kovaltsova E. V., Slobodova Novakova K. 2021. English as the dominant factor influencing local languages' peculiarities (on the example of East African countries) // *EntreLinguas*. 2021. №7(7). P. 11.
7. Baghana, J., Voloshina, T. G., Glebova, Y. A., Chernova, O. O. & Karpenko, V. N. Language and cultural code peculiarities within the framework of cross-cultural communication // *XLinguae*. 2023. №16(1). P. 201-215. <https://doi.org/10.18355/XL.2023.16.01.15> ISSN 1337-8384.
8. Baghana J., Voloshina T. G., Glebova Y. A., Lazareva Y. V. Nerubenko N. V., Language and Cultural Education Adaptation in the Multilingual Environment // 2023 3rd International Conference on Technology Enhanced Learning in Higher Education (TELE). Lipetsk, Russian Federation, 2023. P. 181-185. <https://doi.org/10.1109/TELE58910.2023.10184337>
9. Meer S. Language Variations in Afghanistan // *International Journal of Science and Research*. 2019. № 8(7). P. 13-18.
10. Mashwani H.U., NooriA. Afghan English Major Students' Attitudes Toward Native-Like Proficiency in the English Language // *Journal of Foreign Language Teaching and Learning*. 2023. № 1. P. 1-24.
11. Nasir A. A contrastive analysis of the consonants of English and Pashto, the case of Pashto and English fricatives // *Palatana*. 2022. №1(1). P. 144-162.
12. Carraro K., Trinder R. Technology in formal and informal learning environments: Student perspectives // *Global Journal of Foreign Language Teaching*. 2021. №11(1). P. 39–50.
13. Aslam M., Kamran U. Phonemic Description of the Six Major Sub-varieties of Pakistani English // *Journal of Linguistics and Literature*. 2022. № 1(6). P. 35-59.
14. Deuchar M. Code-Switching in Linguistics: A Position Paper // *Languages*. 2020. №5. P. 2-19.

15. Khattak K., Aurangzeb S., Raza M. Code- Switching and Code-Mixing: A View of Language Mixing Process in Daily Communication // *Indian Journal of Economics and Business*. 2022. №2. P.567-577.
16. Narasuman S., Wali A. Z., Sadry Z. The functions of code-switching in EFL classrooms // *Social and Management Research Journal*. 2019. № 16(2). P. 137-152.
17. Mashwani H.U., Damio S.M. Student related factors affecting Afghan EFL undergraduates' speaking skulls // *Indonesian Journal of English Education*. 2022. № 2 (9). P. 227-248.
18. Ahmad A., Khan A. Pashto and English in Afghanistan: An Overview of Past, Present and the Future of Contact linguistics in the Planning // *Pashto*. №48. P. 11-20.
19. Ahmad A., Hussan S., Safiullah M. Geographic, Ethnic and Linguistic Composition of Afghanistan: Methodological rich points of Language Policy and Planning // *Global Social Sciences Review*. 2018. № 1(3). P. 215- 243.
20. Alamyar M. Emerging Roles of English in Afghanistan // *ITJ*. 2017. № 1 (14). P. 1-24.

References

1. Achakzai N. Iqbql and Afghanistan: areas of influence. *Aracosia*. 2022;(2):2-13.
2. Alimyar Z. Attitudes and Motivation of Afghan Students toward Learning English. *Journal of English Education*. 2020;(5):19-33.
3. Baghana J., Voloshina T.G., Glebova Ya.A., Bocharova E.A., Radovich M.A. Globalization influence on linguistic and cultural state due to the language contacts' interaction. *Laplace em Revista*. 2020;(6):190-197.
4. Baghana J., Glebova Y. A., Voloshina T. G., Blazhevich Y. S., Birova J. The impact of interference on the functioning of French in Ivory Coast. *Laplace em Revista*. 2021;(7)(Extra-D):9-14.
5. Voloshina T.G. Lexical features of Nigerian English while teaching English // *Russian Linguistic Bulletin*. 2023;(12). Available at: <https://rulb.org/archive/12-48-2023-december/10.18454/RULB.2023.48.49> (accessed 18.01.2024). <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.48.49>.
6. Baghana J., Voloshina T. G., Raiushkina M. E., Kovaltsova E. V., Slobodova Novakova K. 2021. English as the dominant factor influencing local languages' peculiarities (on the example of East African countries). *EntreLínguas*. 2021;(7):11.
7. Baghana J., Voloshina T. G., Glebova Y. A., Chernova, O. O. & Karpenko, V. N. Language and cultural code peculiarities within the framework of cross-cultural communication. *XLinguae*. 2023;(16):201-215. <https://doi.org/10.18355/XL.2023.16.01.15>.
8. Baghana J., Voloshina T. G., Glebova Y. A., Lazareva Y. V. Nerubenko N. V., Language and Cultural Education Adaptation in the Multilingual Environment. 2023 3rd International Conference on Technology Enhanced Learning in Higher Education (TELE). Lipetsk, Russian Federation, 2023:181-185. <https://doi.org/10.1109/TELE58910.2023.10184337>
9. Meer S. Language Variations in Afghanistan. *International Journal of Science and Research*. 2019;(8):13-18.
10. Mashwani H.U., NooriA. Afghan English Major Students' Attitudes Toward Native-Like Proficiency in the English Language. *Journal of Foreign Language Teaching and Learning*. 2023;(1):1-24.
11. Nasir A. A contrastive analysis of the consonants of English and Pashto, the case of Pashto and English fricatives. *Palatana*. 2022;(1):144-162.
12. Carraro K., Trinder R. Technology in formal and informal learning environments: Student perspectives. *Global Journal of Foreign Language Teaching*. 2021;(11):39–50.
13. Aslam M., Kamran U. Phonemic Description of the Six Major Sub-varieties of Pakistani English. *Journal of Linguistics and Literature*. 2022;(1):35-59.

14. Deuchar, M. Code-Switching in Linguistics: A Position Paper. *Languages*. 2020;(5):2-19.
15. Khattak K., Aurangzeb S., Raza M. Code- Switching and Code-Mixing: A View of Language Mixing Process in Daily Communication // *Indian Journal of Economics and Business*. 2022;(2):567-577.
16. Narasuman S., Wali A. Z., Sadry Z. The functions of code-switching in EFL classrooms. *Social and Management Research Journal*. 2019;(16):137-152.
17. Mashwani H.U., Damio S.M. Student related factors affecting Afghan EFL undergraduates' speaking skills. *Indonesian Journal of English Education*. 2022;(2):227-248.
18. Ahmad A., Khan A. Pashto and English in Afghanistan: An Overview of Past, Present and the Future of Contact linguistics in the Planning. *Pashto*. (48):11-20.
19. Ahmad A., Hussan S., Safiullah M. Geographic, Ethnic and Linguistic Composition of Afghanistan: Methodological rich points of Language Policy and Planning. *Global Social Sciences Review*. 2018;(1):215-243.
20. Alamyar M. Emerging Roles of English in Afghanistan. *ITJ*. 2017;(1):1-24.

Информация об авторе / Information about the Author

Каримулла Рашиди, аспирант кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации, Национальный исследовательский университет «Белгородский государственный университет», г. Белгород, Российская Федерация,
e-mail: Tess1001@yandex.ru

Karimullah Rashidi, Post-Graduate Student of the Department of Romano-Germanic Philology and Intercultural Communication, National Research University "Belgorod State University", Belgorod, Russian Federation,
e-mail: Tess1001@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 81'23

<https://doi.org/10.21869/2223-151X-2024-14-2-77-93>

Экспериментальное исследование образа цветообозначения белый в языковом сознании носителей русской культуры

Е. А. Таныгина¹ ✉¹Юго-Западный государственный университет

ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: eabel@yandex.ru

Резюме

Представленное исследование образа цветообозначения (ЦО) **белый** является продолжением цикла исследований образов основных ЦО русского языка с точки зрения психолингвистического учения о слове А.А. Залевской.

Цель исследования – выявление актуального образа ЦО **белый** в языковом сознании носителей современной русской культуры, имеющего в своей структуре как индивидуальный, так и культурный компонент, которые оказывают свое влияние на формирование образа любого явления, в том числе и ЦО, в сознании рядового носителя той или иной культуры.

Основными методами, использованными при проведении экспериментального исследования, являлись свободный ассоциативный эксперимент и семантический дифференциал. Для обработки полученных результатов использовались факторный и дефиниционный анализы.

Материалом для исследования послужили ассоциации, полученные в ходе проведенных нами в 2009 и 2020 гг. свободных ассоциативных экспериментов, а также результаты эксперимента с использованием семантического дифференциала среди студентов Юго-Западного государственного университета. С целью выявления возможной трансформации образа белого цвета были проанализированы данные Русского сопоставительного ассоциативного словаря Г.А. Черкасовой.

В работе показана актуальная структура ассоциативного поля (АП) русского ЦО **белый**, а также проанализировано изменение структуры описываемого АП в период с 1970х гг. до настоящего времени. Кроме того, рассмотрены основные гендерные особенности восприятия белого цвета, выделены типично женские и мужские ассоциации в структуре рассматриваемого АП.

Методика исследования, представленная в работе, может быть успешно использована при организации различных психолингвистических и лингвокультурологических исследований. Результаты проведенного эмпирического исследования могут найти свое применение не только в различных отраслях лингвистики, но и в психологии, нейрофизиологии, маркетинге и рекламе.

Ключевые слова: цветообозначение; белый; образ; языковое сознание; ассоциативный эксперимент; семантический дифференциал; факторный анализ.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Таныгина Е. А. Экспериментальное исследование образа цветообозначения белый в языковом сознании носителей русской культуры // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2024. Т. 14, № 2. С. 77-93. <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2024-14-2-77-93>.

Статья поступила в редакцию 20.03.2024

Статья подписана в печать 16.05.2024

Статья опубликована 28.06.2024

The experimental study of the image of russian color term white in the consciousness of russian culture bearers

Elena A. Tanygina¹ ✉

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail eabel@yandex.ru

Abstract

The presented study of the image of the color designation white in the minds of the representatives of modern Russian culture is a continuation of the cycle of studies of the images of the main Russian color terms from the point of view of the psycholinguistic doctrine of the word by A.A. Zalevskaya.

The hypothesis of the study was the assumption that there are both individual and cultural components which influence the formation of the image of any phenomenon in the minds of the average bearer of a particular culture.

The main methods used in the experimental research were free associative experiment and semantic differential. Factor and definitional analyzes were used to process the results.

The material for the study was the associations obtained during free associative experiments in 2009 and 2020 as well as the results of an experiment using a semantic differential among students of Southwest State University. In order to identify a possible transformation of the image of white, the data of the Russian comparative associative dictionary by G.A. Cherkasova were analyzed.

The work shows the current structure of the associative field of the Russian color term white. It also analyzes the change in the structure of the described associative field during the period since the 1970s until now. In addition, the main gender characteristics of the perception of the color white are shown, typically female and male associations in the structure of the considered AP are highlighted.

The research methodology presented in the work can be successfully used in organizing various psycholinguistic and linguocultural studies. The results of the empirical research can find application not only in various branches of linguistics but also in psychology, neuropsychology, marketing and advertising.

Keywords: color term; white; inner image; linguistic consciousness; association experiment; semantic differential; factor analysis.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Tanygina E.A. The experimental study of the image of russian color term white in the consciousness of russian culture bearers. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2024; 14(2): 77–93 (In Russ.). <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2024-14-2-77-93>.

Received 20.03.2024

Accepted 16.05.2024

Published 28.06.2023

Введение

Цвет, как одна из центральных частей языковой картины мира любого народа, является одним из наиболее акту-

альных предметов изучения в современной лингвистике¹ [1, 2].

¹ Алымова Е.Н. Цвет как лингвокогнитивная категория в русской языковой картине мира : дис.... канд. филол. наук. СПб., 2007. 268 с.

Белый цвет – это один из трех основных элементов цветовой символики, который традиционно выступает в оппозиции черному и красному цветам. Н. А. Мартынова в своей работе по изучению символического компонента ЦО в русской лингвокультуре описывает белый цвет в единстве его негативной и позитивной символики. С одной стороны, белый описывается как знак траура и смерти, мифологических персонажей, знак отрицательных эмоций, ужаса и тоски. С другой стороны – это символ духовности, чистоты и непорочности, покоя и безмятежности, а также знак ряда ритуалов (крещение, бракосочетание) [3].

Традиционное противопоставление белого и черного, а также символика белого цвета являются предметом исследования многих работ [4-7]. Это может свидетельствовать о том, что вопрос об образе белого цвета в языковом сознании носителей современной русской культуры является актуальным предметом для исследования.

Как мы уже отмечали ранее, образ цвета, сформированный в сознании отдельного носителя языка, является отражением индивидуального и культурного знания индивида о цвете и является подвижной структурой [8-10].

С целью выявления актуального образа ЦО *белый*, а также возможной динамики его изменения нами было проведено два исследования с использованием метода свободных ассоциаций [11-14] (в 2009 (АЭ1) и в 2020 (АЭ2) гг.), а так же эксперимент с применением метода семантического дифференциала¹. Всего в

описываемых исследованиях приняли участие 320 человек.

Результаты и обсуждение

Обратимся к результатам, полученным в ходе обработки данных ассоциативных экспериментов. В ходе АЭ1 было получено 128 реакций, среди которых шесть словосочетаний, тринадцать прилагательных. 85% полученных реакций – имена существительные. Повторяющихся ассоциаций – 22, единичных – 52.

В ходе проведения АЭ2 получено 184 реакции, среди которых две цепочные ассоциации (*снег, зима, чистота, спокойствие; чистота, счастье, свадьба*), двенадцать прилагательных, одно имя собственное. 92% реакций – имена существительные. Повторяющихся ассоциаций – 24, единичных – 43. Уточним, что количество реакций, которые мог дать испытуемый, не было ограниченным и наличие более чем одной реакции являлось собственной инициативой участников эксперимента.

Две реакции (*да, знаю*) являются неоднозначными, так как могут являться как ответом респондентов, так и отказом, поскольку при проведении опроса в электронном формате требовалось обязательное заполнение всех строк.

Все полученные в ходе свободных ассоциативных экспериментов реакции мы распределили на девять групп на основе классификации Е.И. Горошко [15], модифицированной нами с учетом особенностей полученных в ходе эксперимента реакций [16] (табл. 1). К числу неоднозначных мы отнесли те ассоциации, которые либо могут относиться к нескольким группам, либо причина появления реакции является неясной.

¹ Анненкова А.В. Специфика функционирования образов имиджевой рекламы в индивидуальном лексиконе (экспериментальное исследование): дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2018. 229 с.

Таблица 1. Результаты АЭ

Table 1. Free association experiment results

АЭ1	АЭ2
предметные ассоциации	
снег 22, лист 5, облако 4, глина 2, заяц 2, лебедь 2, медведь 2, небо 2, пух 2, стул 2, сапоги 2, свитер 2, шоколад 2, бумага, гусь, краска, курсор, машина, обои, одежда, перья, роза, ручка дверная, самолет, свадебное платье, сигареты (50%)	снег 39, облака (облако) 12, лист 8, небо 6, бумага 5, мел 3, молоко 3, крем 2, кроссовки (кроссовок) 2, лебедь 2, лист бумаги 2, медведь 2, фон 2, дым, костюм, кот, машина, мороженое, пена, платье, плац, потолок, свитер, скатерть, соль, холодильник, яйцо (55,43%)
пояснительные (описательные) ассоциации	
невеста в белом платье, Русь-матушка – верх, цвет машины, цвет спокойствия (3,13%)	
АЭ1	АЭ2
эмоционально-оценочные ассоциации	
чистый 6, безразличный, добрый, красивый, праздничный, светлый (8,59%);	чистый 4, светлый, чист (3,26%)
метафорические ассоциации	
чистота 11, добро 3, невинность 2, свобода 2, счастье 2, ласка, могила, нейтральность, основа, осознание, праздник, свадьба, свежесть, секта, холод (21,09%)	чистота 11, огонь 3, свобода 3, спокойствие 2, ветер, гроб, мечта, начало, нежность, пустота, рай, конец, смерть, счастье, честь, чистилище (16,85%)
метонимические ассоциации	
ангел 2, невеста 2, доктор, зима, КАЭС (5,47%)	зима 2, голова, свадьба (2,72%)
устойчивые речевые словосочетания	
Свет 3, полоса 2, пушистый, снежный хлеб, человек, танец (7,03%)	свет 15, ночь (ночи) 3, дом 2, флаг 2, гриб (12,5%)
цепочные ассоциации	
	снег, зима, чистота, спокойствие; чистота, счастье, свадьба (1,01%)
реагирование другим ЦО	
чёрный (0,78%)	черный 4, white, красный (3,26%)
неоднозначные ассоциации	
Кожа, цвет (1,57%)	цвет 4, Бим, дракон, да, знаю, радуга, тромб, уголь (5,98%)

Мы видим, что, как и в случае с другими исследованными нами ЦО, наибольшее число ассоциаций предметные (однако доля подобных реакций значительно меньше, чем у таких ЦО как, например, *желтый* и *зеленый* [17]). В то же время доля метафорических ассоциаций достаточно велика, несмотря на то, что она несколько уменьшилась по результатам АЭ2. Эти ассоциации во многом отражают символику рассматриваемого ЦО и его переносные значения.

Практически все полученные в ходе экспериментов реакции имеют нейтральную либо положительную стилистическую окраску. К реакциям с негативным значением можно отнести такие ассоциации, как *могила*, *секта* (АЭ1), *гроб*, *конец*, *смерть*, *чистилище* (АЭ2). Эти реакции отражают негативную символику бе-

лого цвета, который является важным ритуальным цветом в европейской погребальной культуре [18, с.67].

Сравним полученные нами АП с данными предыдущих исследований с целью изучения возможной трансформации образа ЦО *белый*. Для сравнения мы будем использовать Русский сопоставительный ассоциативный словарь [19], который включает в себя данные САНРЯ (1973), РАС (1994) и САС (2000).

Рассмотрим наиболее частотные ассоциации (частота упоминания более 2%) по данным указанных выше словарей и наших экспериментов (в скобках указан процент данной реакции среди всех ответов) (табл. 2).

Таблица 2. Ядро АП ЦО *белый*

Table 2. The core of the associative field of color term white

САНРЯ (1967–1973)	снег 168 [24.17]; черный 150 [21.58]; цвет 42 [6.04]; свет 29 [4.17]; хлеб 21 [3.02]; медведь 19 [2.73]
РАС (1986–1997)	снег 128 [25.1]; черный 49 [9.61]; цвет 27 [5.29]; Бим 19 [3.73]; аист 18 [3.53]; пудель 15 [2.94]; лист 14 [2.75]; свет 11 [2.16];
САС (1998–2000)	черный 119 [20.1]; снег 109 [18.41]; цвет 45 [7.6]; орел 28 [4.73]; дом 18 [3.04]; свет 13 [2.2]; хлеб 12 [2.03];
АЭ1 (2009)	снег 22 [17.18], чистота 11 [8.59], чистый 6 [4.69], лист 5 [3.9], облако 4 [3.12], добро 3 [2.34], свет 3 [2.34]
АЭ2 (2020)	снег 39 [21.2], свет 15 [8.12], облака (облако) 12 [6.52], чистота 11 [5.98], лист 8 [4.35], небо 6 [3.26], бумага 5 [2.72], цвет 4 [2.17], черный 4 [2.17], чистый 4 [2.17]

Представленные результаты позволяют предположить, что в период с 1967 г. по настоящее время произошло изменение структуры АП ЦО *белый* в сознании но-

сителей русской культуры. Ядром АП практически во всех рассматриваемых исследованиях является ассоциация *снег*. Однако в то же время можно отметить

смещение ассоциации *черный* из ядра АП ближе к его периферии (доля этой реакции уменьшилась с 21,58% по данным САНРЯ до 2,17% по данным АЭ2). Доля ассоциации *свет* увеличилась с 4 до 8% и по данным АЭ2 является второй ассоциацией по частотности.

Кроме того, в центре АП появились реакции *чистота* и *облако*, практически не зафиксированные в рассматриваемых нами словарях. Ассоциация *чистота* упоминается в САНРЯ как единичная, в РАС она не зафиксирована, по данным САС она упоминается дважды. Похожая ситуация и с реакцией *облако*. Количество ее упоминаний в САНРЯ – 2, РАС и САС – 0. Можно предположить, что подобное явление связано с утратой связи стимула *белый* и категории мужского рода, которая явно прослеживается при

анализе данных, представленных в словарях.

Далее все полученные ассоциации были проанализированы с целью выявления возможной гендерной дифференциации полученных реакций, так как многие работы подчеркивают различия мужского и женского восприятия [20-26]. Например, Е.В. Мишенькина отмечает, что «цветовосприятие и цветопредпочтение в значительной степени могут обладать гендерными различиями» [27, с.30]. При проведении гендерного сопоставления мы пользовались как данными проведенных нами экспериментов, так и данными Русского ассоциативного словаря (РАС) [28]. Полученные нами результаты представлены в табл. 3.

Таблица 4 представляет гендерную структуру АП ЦО *белый*.

Таблица 3. Гендерное сопоставление ассоциаций

Table 3. Gender comparison of the associations

РАС	АЭ1	АЭ2
Ии. мужского пола		
Снег 27, черный 13, цвет 11, аист 10, Бим 7, чистый 7, лист 6, пароход 5, Андрей 4, клык 4, день 3, свет 3, халат 3, альбинос 2, гриб 2, дым 2, красный 2, медведь 2, билет, воздух, врач, выстрел, грязь, дом, зад, заяц, и черный, как снег, кирпич, комната, конь, корабль, король, лебедь, лед, мрак, не бывает, не черный, негр, нежный, непонятный, ночь, парашют, песок, простор, пудель, пустой, равнина, ручка, свихнулся, седой, синий, смерти подобный, собака, сорочка, спина, стена, стул, темный, флаг, хлеб, хлопок, экран	Снег 15, лист 5, чистота 4, свет 3, облако 3, ангел 2, заяц 2, лебедь 2, небо 2, полоса 2, пух 2, свобода 2, стул 2, чистый 2, безразличный, бумага, гусь, добрый, доктор, КАЭС, кожа, краска, курсор, ласка, машина, медведь, могила, нейтральность, обои, одежда, перья, праздник, праздничный, пушистый, роза, ручка дверная, самолет, свежесть, секта, сигареты, снежный человек, счастье, хлеб, холод, цвет, цвет машины, цвет спокойствия, черный, шоколад	снег 23, свет 12, лист 5, небо 5, бумага 4, облако 4, огонь 3, цвет 3, черный 3, мел 2, молоко 2, фон 2, чистота 2, чистый 2, white, Бим, голова, дым, зима, знаю, конец, кот, красный, кроссовки, кроссовок, лебедь, лист бумаги, машина, медведь, мечта, начало, ночи, облака, плащ, потолок, радуга, рай, светлый, свобода, скатерть, смерть, тромб, уголь, флаг, холодильник, честь, чист, чистилище

Окончание табл. 3

Table 3 (ending)

РАС	АЭ1	АЭ2
Ии. женского пола		
Снег 100, черный 36, цвет 16, пудель 14, Бим 12, заяц 9, аист 8, лист 8, свет 8, лебедь 7, медведь 7, ворон 5, конь 5, красный 5, хлеб 5, день 4, дом 4, клык 4, пароход 4, серый 3, чистый 3, шарф 3, гриб 2, дым 2, как снег 2, кот 2, красивый 2, плац 2, пух 2, сахар 2, слон 2, танец 2, халат 2, цветок 2, человек 2, шар 2, айсберг, Андрей, белоснежный, билет, бумага, Валера, вальс, гвоздь, голубой, диван, звон, зеленый, киль, ком, костюм, крест, кролик, круглый, лето, материал, молодой, молоко, непорочный, неудобно, ночь, облако, олень, очень белоснежный, парус, пес, платок, платье, полушубок, постель, прекрасно, приятно, простынь, розовый, светлый, синий, твердый, темный, теплоход, торжественный, туман, фрак, холодный, чисто, чтение, щенок, яблоня	Снег 7, чистота 7, чистый 4, добро 3, невеста 2, невинность 2, глина 2, сапоги 2, свитер 2, зима, красивый, медведь, невеста в белом платье, облако, основа, осознание, свадебное платье, свадьба, светлый, счастье, танец, шоколад	снег 16, чистота 9, облака 5, лист 3, свет 3, дом 2, крем 2, облако 2, ночь 2, свобода 2, спокойствие 2, чистый 2, бумага, ветер, гриб, гроб, да, дракон, зима, костюм, лебедь, лист бумаги, медведь, мел, молоко, мороженое, небо, нежность, пена, платье, пустота, свадьба, свитер, соль, счастье, флаг, цвет, чёрный, яйцо

Таблица 4. Гендерное распределение ответов.

Table 4. Gender distribution of the answers

РАС	АЭ1	АЭ2
Мужские ассоциации		
альбинос 2, билет, воздух, врач, выстрел, грязь, зад, и черный, кирпич, комната, корабль, король, лед, мрак, не бывает, не черный, негр, нежный, непонятный, ночь, парашют, песок, простор, пустой, равнина, ручка, свихнулся, седой, синий, смерти подобный, собака, сорочка, спина, стена, стул, темный, флаг, хлопок, экран	лист 5, свет 3, ангел 2, заяц 2, лебедь 2, небо 2, полоса 2, пух 2, свобода 2, стул 2, безразличный, бумага, гусь, добрый, доктор, КАЭС, кожа, краска, курсор, ласка, машина, могила, нейтральность, обои, одежда, перья, праздник, праздничный, пушистый, роза, ручка дверная, самолет, свежесть, секта, сигареты, снежный человек, хлеб, холод, цвет, цвет машины, цвет спокойствия, черный,	огонь 3, фон 2, white, Бим, голова, дым, знаю, конец, кот, красный, кроссовки, кроссовок, машина, мечта, начало, плац, потолок, радуга, рай, светлый, свобода, скатерть, смерть, тромб, уголь, холодильник, честь, чист, чистилище

Окончание табл. 4

Table 4 (ending)

РАС	АЭ1	АЭ2
Женские ассоциации		
ворон 5, серый 3, шарф 3, кот 2, красивый 2, плащ 2, пух 2, сахар 2, слон 2, танец 2, цветок 2, человек 2, шар 2, айсберг, белоснежный, билет, бумага, Валера, вальс, гвоздь, голубой, диван, звон, зеленый, киль, ком, костюм, крест, кролик, круглый, лето, материал, молодой, молоко, непорочный, неудобно, ночь, облако, олень, очень белоснежный, парус, пес, платок, платье, полушубок, постель, прекрасно, приятно, простынь, розовый, светлый, синий, твердый, темный, теплоход, торжественный, туман, фрак, холодный, чисто, чтение, щенок, яблоня	добро 3, невеста 2, невинность 2, глина 2, сапоги 2, свитер 2, зима, красивый, невеста в белом платье, основа, осознание, свадебное платье, свадьба, светлый, танец,	дом 2, крем 2, свобода 2, спокойствие 2, ветер, гриб, гроб, да, дракон, костюм, мороженое, небо, нежность, пена, платье, пустота, свадьба, свитер, соль, счастье, яйцо
Общие ассоциации		
Снег 127, черный 49, цвет 27, Бим 19, аист 18, пудель 15, лист 14, свет 11, заяц 10, чистый 10, медведь 9, пароход 9, клык 8, лебедь 8, день 7, красный 7, конь 6, хлеб 6, Андрей 5, дом 5, халат 5, гриб 4, дым 4, как снег 3	Снег 22, чистота 11, чистый 6, облако 4, медведь 2, счастье 2, шоколад 2	снег 39, облако 12, свет 11, чистота 11, лист 8, небо 6, бумага 5, цвет 4, черный 4, чистый 4, мел 3, молоко 3, зима 2, лебедь 2, лист бумаги 2, медведь 2, ночь 3, флаг 2

При рассмотрении распределения, представленного в табл. 4, можно отметить, что большинство представленных ассоциаций являются гендерно нейтральными. Ассоциации, которые можно отнести к типично мужским, являются в основном единичными, и отражают индивидуальное знание испытуемых об исследуемом концепте. Часть реакций можно отнести к типично женским, особенно ассоциации, связанные со свадьбой и платьем невесты (*невеста, невеста в белом платье, свадьба, платье*).

В ходе второго этапа экспериментального исследования мы провели эксперимент с использованием семантического дифференциала Ч. Осгуда (подробнее см. [29-30]), который позволяет исследовать семантическую структуру исследуемых концептов [31-37]. В ходе данного эксперимента испытуемые оценивали ЦО *белый* по двадцати двухполюсным шкалам, выставляя по каждой шкале оценки от +3 до -3, в зависимости от выраженности рассматриваемого признака.

В ходе предварительного анализа полученных результатов мы выделили шкалы, наиболее значимые при восприятии исследуемого ЦО.

ЦО *белый* воспринимается, прежде всего, как хороший, добрый, приятный, радостный (доля положительных ответов по этим шкалам более 80%). От 70% до 80% положительных ответов по шкалам искренний, расслабленный, успокаиваю-

щий, прекрасный и позитивный. От 60 до 70% – по шкалам предпочитаемый и тёплый. Кроме того, более 60% девушек оценивают ЦО *белый* как женственный

Далее был проведен факторный анализ полученных оценок по шкалам с помощью программы STATISTICA. В табл. 5 представлены нагрузки по каждой шкале (шкалы, входящие в один фактор, выделены жирным шрифтом) (табл. 5).

Таблица 5. Результаты факторного анализа (ии. мужского пола)

Table 5. Factor analysis of male answers

Шкала	Ф 1	Ф2	Ф3	Ф4	Ф5	Ф6
активный – пассивный	0,46	0,60	0,07	-0,31	-0,21	0,05
весёлый – грустный	0,41	0,37	-0,08	-0,25	0,56	0,16
воинственный – миролюбивый	-0,17	0,04	0,11	0,03	-0,04	0,82
динамичный – статичный	-0,01	0,74	0,18	0,19	-0,02	-0,40
добрый – злой	0,74	-0,11	-0,12	0,09	-0,02	-0,45
искренний – неискренний	0,64	0,04	0,31	0,11	0,13	-0,30
мужественный – женственный	0,09	0,06	0,56	-0,03	-0,42	-0,09
позитивный – негативный	0,57	-0,08	0,17	0,13	0,63	-0,06
предпочитаемый – отвергаемый	0,51	0,05	0,66	-0,19	0,14	0,01
прекрасный – безобразный	0,70	0,24	0,20	0,31	0,08	-0,08
приятный – неприятный	0,84	0,07	-0,06	-0,11	-0,11	0,08
радостный – печальный	0,75	0,16	-0,05	-0,19	-0,03	0,16
расслабленный – напряженный	0,39	0,18	-0,23	-0,44	0,01	-0,36
сильный – слабый	0,04	-0,20	0,81	0,11	0,03	0,27
смешной – серьезный	-0,12	0,79	-0,06	-0,13	0,32	0,14
тёплый – холодный	0,11	-0,04	0,08	-0,89	0,12	0,03
успокаивающий – возбуждающий	0,72	-0,21	-0,15	0,01	-0,16	-0,22
формальный – неформальный	0,30	-0,22	0,07	0,13	-0,70	0,14
хороший – плохой	0,80	-0,09	0,18	-0,12	0,03	0,15
эмоциональный – рациональный	0,17	0,75	-0,42	0,17	0,07	0,14

Мы видим, что в ответах ии. мужского пола программа выделила пять факторов: Ф1 – «оценка», Ф2 – «эмоциональность», Ф3 – «сила», Ф4 – «теплота» и Ф5 – «миролюбивость».

Рассмотрим подробнее гистограммы распределения оценок по факторам «оценка» (рис. 1) и «эмоциональность» (рис. 2), имеющим наибольшую нагрузку.

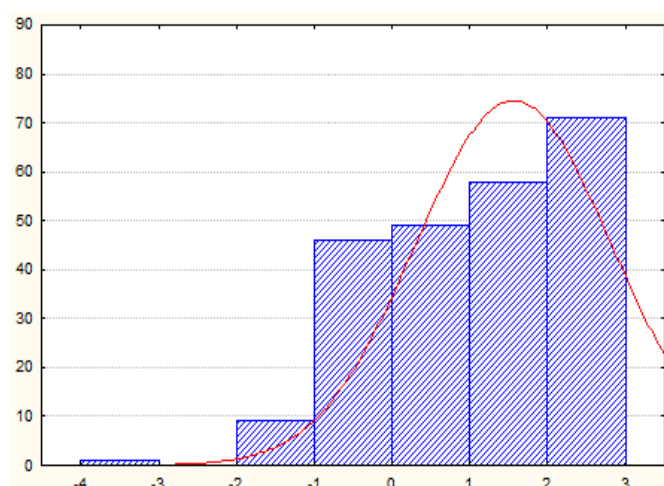

Рис. 1. Фактор «оценка» (ии. мужского пола)

Fig. 1. Evaluation factor (male answers)

Гистограмма распределения ответов по факторам «оценка» (рис. 1) свидетельствует о положительном отношении ии. мужского пола к исследуемому стимулу.

Нейтральные и отрицательные оценки представлены единичными ответами, доминирующей оценкой является +3.

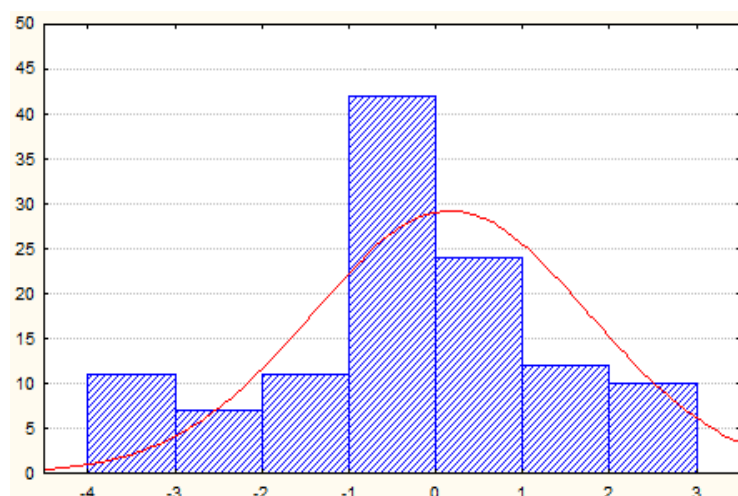

Рис. 2. Фактор «эмоциональность» (ии. мужского пола)

Fig. 2. Emotionality factor (male answers)

Иная ситуация наблюдается при рассмотрении гистограммы по фактору «эмоциональность». В данном случае мы имеем дело с нормальным распределением ответов, среднее значение которого чуть больше нуля, а мода – 0. Все это говорит о нейтральной оценке ЦО *белый* по данному фактору.

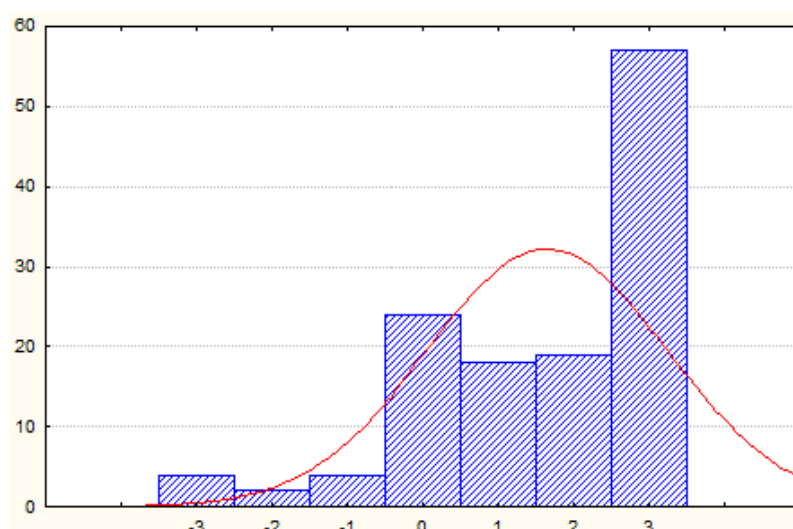
В ходе ФА ответов девушек также было выделено пять факторов: «оценка», «женственность», «психологический комфорт», «приятность» и «эмоциональность» (табл. 6).

Таблица 6. Результаты факторного анализа (ии. женского пола)**Table 6.** Factor analysis of female answers

Шкала	Ф 1	Ф2	Ф3	Ф4	Ф5
активный – пассивный	0,75	0,09	-0,18	0,25	0,30
весёлый – грустный	0,83	-0,10	0,12	0,03	-0,05
воинственный – миролюбивый	-0,34	-0,49	0,11	0,36	0,28
динамичный – статичный	0,59	0,02	0,16	0,48	0,18
добрый – злой	0,54	0,12	0,36	0,28	-0,12
искренний – неискренний	-0,12	0,79	0,17	0,37	0,12
мужественный – женственный	-0,33	-0,70	-0,11	0,13	0,09
позитивный – негативный	0,78	0,10	0,11	-0,05	0,24
предпочитаемый – отвергаемый	0,27	-0,27	0,31	0,66	0,14
прекрасный – безобразный	0,34	0,21	0,16	0,47	0,28
приятный – неприятный	0,35	0,25	-0,13	0,77	-0,13
радостный – печальный	0,89	-0,01	0,20	-0,04	-0,01
расслабленный – напряженный	0,48	0,40	0,50	-0,03	-0,33
сильный – слабый	0,09	-0,11	0,22	-0,05	0,85
смешной – серьезный	0,68	-0,12	-0,27	0,25	-0,09
тёплый – холодный	0,67	0,42	-0,03	-0,11	0,04
успокаивающий – возбуждающий	0,25	0,22	0,76	0,09	0,06
формальный – неформальный	0,12	0,01	0,67	0,14	0,43
хороший – плохой	0,08	0,86	0,07	0,08	0,13
эмоциональный – рациональный	0,31	0,26	-0,05	0,27	0,74

Наиболее выраженными факторами являются «оценка» и «женственность». Распределение ответов по

данным факторам представлено на гистограммах (рис. 3-4).

Рис. 3. Фактор «оценка» (ии. женского пола)**Fig. 3.** Evaluation factor (female answers)

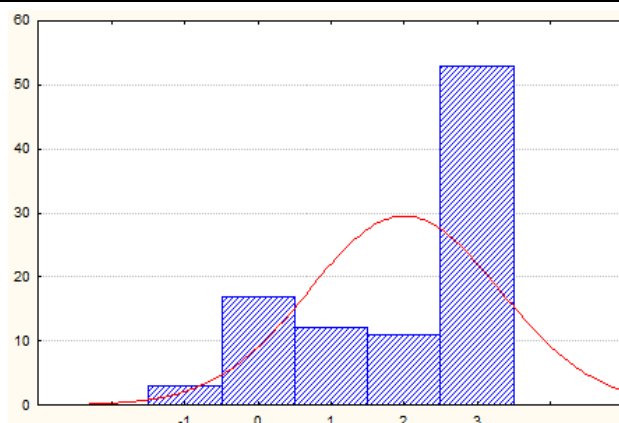

Рис. 4. Фактор «женственность» (ии. женского пола)

Fig. 4. Femininity factor (female answers)

При рассмотрении полученных гистограмм мы видим, что оба фактора имеют сходное распределение: большинство положительных оценок с модой +3. Это говорит о положительном оценивании ЦО *белый*. Аналогичное распределение ответов по представленным факторам говорит о наличии связи между положительным оцениванием ЦО *белый* и представлением о его женственности.

Выводы

В ходе проведения экспериментального исследования мы определили, что образ белого цвета в сознании носителей современной русской культуры является положительным

Сопоставление полученных в ходе исследования данных в диахронном аспекте позволило выявить изменение структуры ядра АП исследуемого стимула. Мы определили, что в данный момент произошло смещение из центра АП к его периферии таких ассоциаций, как *черный* и *цвет* и замещение их ассоциациями *свет* и *чистота*. Кроме того, отмечено значительное уменьшение доли таких ассоциаций, как *аист* и *медведь*. Изменение структуры ядра АП ЦО *белый* можно представить следующим образом: *снег*,

черный, цвет (САНРЯ, РАС) → *черный, снег, цвет* (САС) → *снег, чистота* (АЭ1) → *снег, свет, облака (облако), чистота* (АЭ2)

Сравнение образа АП ЦО *белый* с образами других ЦО русского языка показало наличие связи между этими АП, так как многие ассоциации пересекаются. Например, *дом – синий, желтый, серый, коричневый и розовый; кот – серый; крем – коричневый; небо – синий, серый, голубой, оранжевый; ночь – черный; облако – голубой; огонь – красный; свет – желтый, зеленый; снег – черный, коричневый, желтый; счастье – оранжевый; флаг – красный; шоколад – коричневый*.

При проведении гендерного сопоставления полученных результатов отмечено более положительное отношение девушек к исследуемому цвету, что может быть связано с представлением о его женственности, выявленном в ходе факторного анализа результатов семантического дифференциала. Кроме того, в ответах представителей женского пола выявлены реакции, связывающие белый цвет с неотъемлемым атрибутом свадебного ритуала.

Список литературы

1. Gibson E., Futrell R. Color naming across languages reflects color use // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2017. Vol. 114, is. 40, 3. P. 10785-10790. <https://doi.org/10.1073/pnas.1619666114>.

2. Василевич А.П., Кузнецова С.Н., Мищенко С.С. Цвет и названия цвета в русском языке. М.: КомКнига, 2005. 216 с.
3. Мартыанова Н.А. "Символическое" цветообозначений в русской лингвокультуре // Филология и человек. 2013. № 4. С. 56-67.
4. Власова Е.А. Лингвосоциокультурный аспект цветообозначений (на примере цветообозначений белый - white, черный - black, красный - red // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 5-1(59). С. 56-59.
5. Григорьева Т.В., Хамидова А. Р. Оценочно-символический потенциал цветообозначений (на примере оппозиции белый–черный в русском языке) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 1-2(31). С. 70-72.
6. Зеремская Ю.А., Солодовникова О.В. Эволюция дихотомии "черный - белый" в национальной специфике цветообозначения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. № 6. С. 219-222.
7. Талапина М.Б. Эволюция цветового значения фразеологических единиц с компонентом "белый" // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2013. № 9. С. 62. <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2013-9-63>.
8. Таныгина Е.А. Образ цвета в сознании носителя русской культуры (на примере цветообозначения розовый) // Вестник ИГЛУ. 2011. № 4. С. 69-75.
9. Таныгина Е.А. Проблема изучения языкового сознания в лингвистике // Язык для специальных целей: система, функции, среда: сб. науч. ст. VIII Межд. науч.-практ. конф. Курск: ЮЗГУ, 2020. С. 397-404.
10. Трансформация образа России в сознании современной молодёжи на рубеже смены социокультурной парадигмы / А. В. Анненкова, Е. А. Таныгина, О. А. Андреева [и др.]. Курск, 2023. 232 с.
11. Архипова С.В. Ассоциативный эксперимент в психолингвистике // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. №11. С.6-9.
12. Борисова Ю.А. Ассоциативный эксперимент в современных психолингвистических исследованиях // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8, № 1. С. 265-275.
13. Грибер Ю.А., Йонаускайте Д., Мор К. Цвета эмоций: экспериментальное исследование ассоциативных связей в современном русском языке // Litera. 2019. № 1. С. 69-86. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2019.1.28892>.
14. Поречная В.И. Интерференция профессионального фактора на восприятие стимула с пространственным компонентом: некоторые результаты экспериментального исследования // Язык для специальных целей: система, функции, среда: сб. науч. ст. IX Межд. науч.-практ. конф. Курск: ЮЗГУ, 2022. С. 143-148.
15. Горошко Е.И. Изучение вербальных ассоциаций на цвета // Языковое сознание и образ мира: сборник статей. М.: Институт языкознания РАН, 2000. URL: https://iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/4-9.html (дата обращения 09.01.2024).
16. Таныгина Е.А. Особенности восприятия цветообозначений русского языка (на основе результатов ассоциативного эксперимента) // Концепт и культура: сборник научных статей (4-ая международная научная конференция) (Кемерово, 7 – 8 октября 2010 г.). Кемерово: ИНТ, 2010. С. 543–548.
17. Таныгина Е.А. Образ цветообозначения желтый в сознании носителей русской культуры (экспериментальное исследование) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9, № 3. С. 99–113.
18. Шустова А.П. Спектр значений и ассоциаций лексемы белый в русском языке и в текстах разного рода: универсальное и специфическое // Вестник Курганского государственного университета. 2019. № 1(52). С. 65-70.

19. Черкасова Г.А. Русский сопоставительный ассоциативный словарь. М.: ИЯз РАН, 2008. URL: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/RSPAS/zapusk.htm1>. (дата обращения 09.01.2024).
20. Annenkova A.V. Some Results of Psycholinguistic Research of Polycode Advertising Texts: Gender Factor Influence // Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences" (CILDIAH 2019). 2019. Vol. 69. <https://doi.org/10.1051/shsconf/20196900004> (дата обращения: 19.12.2022)
21. Анненкова А. В. К вопросу о восприятии образной составляющей поликодового текста имиджевой рекламы: гендерный фактор (экспериментальное исследование) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9, № 2. С. 21-32.
22. Горлачева В.В. Гендерные особенности цветообозначений в современном русскоязычном рекламном дискурсе // Вісник запорізького національного університету. Філологічні науки. 2009. №1. С. 22-28.
23. Гришкова В.И. Специфика речевого поведения мужчин и женщин в лингвистических исследованиях // Язык для специальных целей. Система. Функции. Среда. Курск, 2004. С. 36-38.
24. Егорова В.И. Гендерные особенности виртуальной коммуникации // Известия Юго-Западного государственного университета. 2016. № 4 (21). С. 99-106.
25. Кузнецова О.А., Челидзе А.Д., Демчук Д.С. Гендерные особенности восприятия цвета в рекламе // Евразийский союз ученых. 2015. №5 (14). С. 121-123.
26. Хабибулина Э.А. Влияние гендерных стереотипов на функционирование цветообозначений в области моды // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. №28 (243). С. 116-120.
27. Мишенькина Е.В. Цветовосприятие и цветопредпочтение как гендерная характеристика // Ярославский педагогический вестник. 2004. № 1-2(38-39). С. 26-30.
28. Русский ассоциативный словарь. URL: <http://thesaurus.ru/dict/> (дата обращения 21.12.2023).
29. Таныгина Е.А. Внутренний образ цветообозначения фиолетовый в сознании носителя русской культуры // Вестник Тверского государственного университета. Сер. «Филология». Вып. 2 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2011. № 4. С. 218–226.
30. Таныгина Е.А. Исследование внутреннего образа слов-цветообозначений русского языка с использованием методики семантического дифференциала // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Филология и искусствоведение. 2011. № 1 (2). С. 35–41.
31. The Measurement of Meaning / Ch. E. Osgood, G. Suci, P. Tannenbaum. University of Illinois Press, 1957. 346 p.
32. Kim MK, Muller HM, Weiss S. What you "mean" is not what I "mean": Categorization of verbs by Germans and Koreans using the semantic differential // LINGUA. 2021. Vol. 252. <https://doi.org/10.1016/j.lingua.2020.103012>
33. Konishi T. The connotations of gender: A semantic differential study of German and Spanish // Word. 1994. Vol. 45, №. 3. P. 317–327.
34. Анненкова А.В. Метод семантического дифференциала в исследовании социальной рекламы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2013. № 4. С. 82-87.
35. Голубева Е.В. Изучение концепта «деньги» методом семантического дифференциала // Языковая личность. Речевые жанры. Текст: сборник научных трудов. М., 2008. URL: http://golubevaelenav.narod.ru/science_L/gol_15.htm. (дата обращения 01.12.2023).

36. Резанова З.И. Влияние грамматического рода на концептуализацию объектов (экспериментальное исследование) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 50. С. 104-124. <https://doi.org/10.17223/19986645/50/7>.

37. Соломин И.Л. Психосемантическая диагностика трудовой мотивации в управлении персоналом // Мир авионики. 2006. №4. С. 34-40.

References

1. Gibson E., Futrell R. Color naming across languages reflects color use. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2017;114(40),(3):10785-10790. <https://doi.org/10.1073/pnas.1619666114>.

2. Vasilevich A.P., Kuznetsova S.N., Mishchenko S.S. Color and color names in Russian. *Cvet i nazvaniya cveta v russkom yazyke*. Moscow: KomKniga; 2005. 216 p. (In Russ.).

3. Mart'yanova N.A. Symbolic" color meanings in Russian linguoculture. *Filologiya i che-lovek = Philology and man*. 2013;(4):56-67. (In Russ.).

4. Vlasova E.A. Linguosociocultural aspect of color meanings (on the example of color meanings white - white, black - black, red – red. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological sciences. Questions of theory and practice*. 2016;(5-1):56-59. (In Russ.).

5. Grigor'eva T.V., Hamidova A. R. Evaluative and symbolic potential of color meanings (on the example of the opposition white–black in the Russian language). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological sciences. Questions of theory and practice*. 2014;(1-2):70-72. (In Russ.)

6. Zeremskaya Yu.A., Solodovnikova O.V. Evolution of the "black - white" dichotomy in the national specifics of color designation. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological sciences. Questions of theory and practice*. 2019;(6):219-222. (In Russ.)

7. Talapina M.B. Evolution of the color meaning of phraseological units with the component "white". *Sovremennye issledovaniya social'nyh problem (elektronnyj nauchnyj zhurnal) = Modern studies of social problems (electronic scientific journal)*. 2013;(9):62. (In Russ.) <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2013-9-63>.

8. Tanygina E.A. The image of color in the mind of the bearer of Russian culture (on the example of the color term pink). *Vestnik IGLU = Bulletin of the ISLU*. 2011;(4):69–75. (In Russ.).

9. Tanygina E.A. The problem of the language consciousness study in modern linguistics. In: *Yazyk dlya spetsial'nykh tselei: sistema, funktsii, sreda. Sbornik nauchnykh statei VIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Language or specific purposes: system, function, environment. Collection of scientific articles of the VIII international scientific and practical conference*. Kursk, 2020. P. 397-404. (In Russ.).

10. Annenkova A. V., Tanygina E. A., Andreeva O. A., et al. Transformation of the image of Russia in the minds of modern youth at the turn of the socio-cultural paradigm shift. Kursk, 2023. 232 p. (In Russ.)

11. Arkhipova S.V. Associative experiment in psycholinguistics. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Buryat State University*. 2011;(11):6-9 (In Russ.).

12. Borisova Yu.A. Associative experiment in modern psycholinguistic research. *Psihologiya. Istorikokriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya = Psychology. Historical and Critical Reviews and Contemporary Research*. 2019;8(1):265-275. (In Russ.).

13. Griber Yu.A., Jonskajte D., Mor K. The colors of emotions: experimental research of associative relations in modern Russian. *Litera*. 2019;(1):69-86. (In Russ.). <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2019.1.28892>.

14. Porechnaya V.I. Interference of the professional factor on the perception of a stimulus with a spatial component: some results of an experimental study. In: *Yazyk dlya spetsial'nykh*

tselei: sistema, funktsii, sreda. *Sbornik nauchnykh statei VIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Language or specific purposes: system, function, environment. Collection of scientific articles of the IX international scientific and practical conference.* Kursk, 2022. P. 143-148. (In Russ.).

15. Goroshko E.I. Study of verbal associations on colors. In: *Yazykovoe soznanie i obraz mira. Sbornik statej = Language consciousness and the image of the world. A collection of articles.* Moscow, 2000. (In Russ.). Available at: https://iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/4-9.html.

16. Tanygina E.A. Features of the perception of color designations of the Russian language (based on the results of an associative experiment). In: *Koncept i kul'tura. Sbornik nauchnykh statej (4-aya mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya) = Concept and Culture. Collection of scientific articles (4th international scientific conference).* Kemerovo, INT; 2010. P. 543-548. (In Russ.).

17. Tanygina E.A. The image of the color term yellow in the consciousness of the carriers of Russian culture (experimental research). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2019;9(3):99-113. (In Russ.)

18. Shustova A.P. The spectrum of meanings and associations of the white lexeme in the Russian language and in texts of various kinds: universal and specific. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Kurgan State University.* 2019;(1):65-70. (In Russ.)

19. Cherkasova G.A. Russian comparative associative dictionary. Moscow, 2008. (In Russ.) Available at: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/RSPAS/zapusk.htm1>.

20. Annenkova A.V. Some Results of Psycholinguistic Research of Polycode Advertising Texts: Gender Factor Influence. *Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences"* (CILDIAH 2019). 2019;(69). Available at: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20196900004>.

21. Annenkova A. V. To the question of perception peculiarities of figurative component of polycode image advertising: gender factor (experimental research). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2019;9(2):21-32. (In Russ.)

22. Gorlacheva V.V. Gender features of color designations in modern Russian-language advertising discourse. *Bisnik zaporiz'kogo nacional'nogo universitetu. Filologichni nauki = Bulletin of Zaporizhzhya National University. Philological Sciences.* 2009;(1):22-28. (In Russ.).

23. Grishkova V.I. The specifics of the speech behavior of men and women in linguistic research. In: *Yazyk dlya spetsial'nykh tselei: sistema, funktsii, sreda: sbornik nauchnykh statei = Language for special purposes: system, functions, environment: collection of scientific articles.* Kursk, 2004:36-38. (In Russ.).

24. Egorova V. I. Gender characteristics of virtual communication. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2016;(4):99-106. (In Russ.).

25. Kuznetsova O.A., Chelidze A.D., Demchuk D.S. Gender characteristics of color perception in advertising. *Evrasijskij soyuz uchenykh = Eurasian Union of Scientists.* 2015;(5):121-123. (In Russ.).

26. Khabibulina E.A. The influence of gender stereotypes on the functioning of color designations in the field of fashion. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University.* 2011;(28):116-120. (In Russ.).

27. Mishen'kina E.V. Color perception and color perception as a gender characteristic. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin.* 2004;(1-2):26-30. (In Russ.).

28. Russian associative dictionary. (In Russ.). Available at: <http://tesaurus.ru/dict/>
29. Tanygina E. A. Inner image of color term фиолетовый (purple) in the consciousness of Russian culture bearers. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Filologiya" = Herald of Tver State University. Series: Philology*. 2011;(4):218-226. (In Russ.).
30. Tanygina E.A. Investigation of the internal image of Russian color terms using the method of semantic differential. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Filologiya i iskusstvovedenie = Bulletin of the Vyatka State Humanitarian University. Philology and Art History*. 2011;(1):35–41. (In Russ.).
31. Osgood Ch.E., Suci G., Tannenbaum P. The Measurement of Meaning. University of Illinois Press, 1957. 346 p.
32. Kim MK, Muller HM, Weiss S. What you "mean" is not what I "mean": Categorization of verbs by Germans and Koreans using the semantic differential. *LINGUA*. 2021;252. <https://doi.org/10.1016/j.lingua.2020.103012>
33. Konishi T. The connotations of gender: A semantic differential study of German and Spanish. *Word*. 1994;45(3):317–327.
34. Annenkova A. V. Semantic differential in social advertisement research. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2013;(4):82-87 (In Russ.)
35. Golubeva E.V. Study of the concept "money" by the method of semantic differential. In: *Sbornik nauchnyh trudov "Yazykovaya lichnost'. Rechevye zhanry. Tekst" = Collection of scientific works "Language personality. Speech genres. Text"*. (In Russ.). Available at: http://golubeva-elenavnarod.ru/science_L/gol_15.htm.
36. Rezanova Z.I. The influence of the grammatical gender on the conceptualization of objects (an experimental study). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya = Tomsk state university journal of philology*. 2017;(50):104-124. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/19986645/50/7>.
37. Solomin I.L. Psihosemanticheskaya diagnostika trudovoj motivacii v upravlenii personalom [Psychosemantic diagnostics of labor motivation in personnel management]. *Mir avioniki = World of Avionics*. 2006;(4):34-40. (In Russ.).

Информация об авторе / Information about the Author

Таныгина Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: eabel@yandex.ru
Researcher ID: 0000-0002-5488-4185

Elena A. Tanygina, Candidate of Sciences (Philological), Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: eabel@yandex.ru,
Researcher ID: 0000-0002-5488-4185

УДК 378.016

<https://doi.org/10.21869/2223-151X-2024-14-2-94-105>

Адаптация содержания образования при подготовке специалистов по охране труда к требованиям профессионального стандарта и запросам работодателей

В. И. Томаков¹ ✉

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: tomakov52@mail.ru

Резюме

Актуальность. Производственный травматизм с тяжелыми последствиями и летальным исходом имеет высокий уровень и является серьезной причиной значительных потерь квалифицированной рабочей силы. Данный факт свидетельствует о наличии проблем в системе управления охраной труда в организациях, которые должны решаться специалистами в соответствии с трудовым законодательством. В связи с этим необходимо повысить качество подготовки специалистов по охране труда, чтобы они могли эффективно выполнять свои служебные обязанности.

Целью данной статьи является обоснование необходимости обновления и адаптации содержания образования при подготовке специалистов по охране труда с учетом трудовых функций, прописанных в профессиональном стандарте, и запросов работодателей.

Задачи: изучить спрос на специалистов в сфере охраны труда; выполнить анализ вакансий на предмет требований, предъявляемых работодателями к кандидатам; составить рейтинг профессиональных навыков, которые работодатели желают видеть у кандидатов на должность специалиста в сфере охраны труда.

Методология. В работе используются следующие методы: сравнительный анализ, классификация, обобщение, теоретический анализ научных работ, логические методы обработки информации.

Результаты. Систематизированы профессиональные навыки, требуемые в вакансиях, выделены приоритетные и составлен рейтинг. Внесено предложение о необходимости адаптации содержания образования к потребностям работодателей.

Выводы. Требования рынка труда являются ориентиром для университетов, и они будут наилучшим образом удовлетворены, если при подготовке специалистов по охране труда будут учитываться требования работодателей к соискателям. Содержание образования при подготовке специалистов в области охраны труда должно основываться на требованиях профессионального стандарта и адекватно учитывать запросы работодателя.

Ключевые слова: охрана труда; специалист; спрос; работодатель; профессиональный стандарт; профессиональные навыки; образование.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Томаков В. И. Адаптация содержания образования при подготовке специалистов по охране труда к требованиям профессионального стандарта и запросам работодателей // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2024. Т. 14, № 2. С. 94-105. <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2024-14-2-94-105>.

Статья поступила в редакцию 22.02.2024

Статья подписана в печать 24.03.2024

Статья опубликована 28.06.2024

© Томаков В. И., 2024

Adaptation of the content of education in the training of occupational safety specialists to the requirements of the professional standard and the demands of employers

Vladimir I. Tomakov¹ ✉

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: tomakov52@mail.ru

Abstract

Relevance. Occupational injuries with severe consequences and fatal outcome have a high level and are a serious cause of significant losses of skilled labor. This fact indicates that there are problems in the occupational safety management system in organizations that must be solved by specialists in accordance with labor legislation. In this regard, it is necessary to improve the quality of training for occupational safety specialists in order for them to perform their official duties efficiently.

The purpose of this article is to substantiate the need to update and adapt the content of education in the training of occupational safety specialists, taking into account the labor functions prescribed in the professional standard and the requests of employers.

Tasks: to study the demand for specialists in the field of labor protection; to analyze vacancies for the requirements imposed by employers on candidates; to make a rating of professional skills that employers want to see candidates for the position of a specialist in the field of labor protection.

Methodology. The following methods are used in the work: comparative analysis, classification, generalization, theoretical analysis of scientific papers, logical methods of information processing.

Results. There is an increased demand for occupational safety specialists in Russia. The professional skills required in vacancies are systematized, priority ones are highlighted and a rating is built. A proposal has been made on the need to adapt the content of education to the needs of employers.

Conclusions. The demands of the labor market are a guideline for universities, and they will be best satisfied if, in the future, the requirements of employers for applicants are taken into account when training specialists in labor protection. The content of education in the training of specialists in the field of occupational safety and health should be based on the requirements of the professional standard and adequately take into account the requests of the employer.

Keywords: occupational safety; specialist; demand; employer; professional standard; professional skills; education.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Tomakov V.I. Adaptation of the content of education in the training of occupational safety specialists to the requirements of the professional standard and the demands of employers. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2024; 14(2): 94–105 (In Russ.). <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2024-14-2-94-105>.

Received 22.02.2024

Accepted 24.03.2024

Published 28.06.2024

Введение

Все сферы производственной деятельности подвержены различным видам опасностей, а систематическое несоблюдение эффективных политик и мер в сфере охраны труда в организации приводит к травмам и смертельным исходам. Этот

факт неоспорим. В нашей стране ежегодно число работников, погибших и получивших тяжелые травмы и увечья на производстве, исчисляется тысячами, о чем свидетельствуют данные государственных инспекций труда [1].

Производственный травматизм со смертельным исходом и тяжелыми по-

следствиями продолжает оставаться серьезной социально-экономической проблемой по причине значительных потерь производительной части общества, осложняет развитие и формирование кадрового потенциала экономики страны [2].

Экономические потери по причине неудовлетворительных условий труда и производственных травм находятся на уровне 1,75–1,96 трлн. руб./год, величина потерь фонда рабочего времени находится на уровне 139,7–148,7 млн чел.-дней, а годовое недопроизводство продукции и услуг достигло 744,4 млрд. руб. [3]. Охрана труда стала одним из факторов, оказывающих серьезное воздействие на экономику – её стабильность и развитие [4].

В контексте приведенных фактов имеет смысл привести значение охраны труда, данное авторами статьи [5]: «Охрана труда – важнейший элемент сохранения трудового потенциала нации, условие развития производительности труда и функционирования устойчивой экономики, экономики, позволяющей России сохранять свою независимость и государственность».

Требования к охране труда получили надлежащее закрепление в законодательных актах, и в современных реалиях трудовой жизни правовым аспектам охраны труда законодателем уделяется должное внимание [6]. На каждом предприятии, в учреждении и компании должен выполняться комплекс мероприятий (организационных, технических, экономических и др.), для обеспечения надлежащего уровня защищенности работников на рабочих местах от опасных и вредных производственных факторов с целью сохранения здоровья и жизни.

Обеспечивать реализацию нормативных требований по охране и безопасности труда в организациях призваны специалисты по охране труда. На протяжении последних лет кадровые агентства фиксируют на российском рынке труда увеличение количества вакансий для специалистов этой сферы деятельности. В

особенности значительный спрос регистрируется в городах с высокой концентрацией производственных мощностей и большим количеством рабочих мест [7].

Более 50 % работодателей видят в своем кандидате опытного профессионала со стажем работы по специальности от 3 лет и более. Еще для 43% компаний достаточно стажа кандидата от 1 года до 3 лет. Как правило, кандидат на должность специалиста по охране труда должен иметь образование по направлению «Техносферная безопасность» или в соответствующей смежной области [8].

Владимир Котов, Президент Ассоциации «СИЗ», так прокомментировал результаты исследования: «Очевидно, что складывающаяся ситуация в мире и конкретно в нашей стране – и демография, и происходящие события, показывают уже явный дефицит специалистов во всех отраслях промышленности. Поэтому сейчас становится архиважной задача сохранить трудовой потенциал и трудовые ресурсы, которые у нас есть. Это возможно путем ускоренного внедрения культуры безопасности, донесения до буквально каждого работника важности соблюдения правил по охране труда, правильного применения и использования средств индивидуальной защиты, а также, и это очень важно, как правильно выявлять, идентифицировать и избегать профессиональные риски на своем рабочем месте. Поэтому спрос на грамотных, образованных специалистов по охране труда растет и будет расти впредь» [9].

Обстоятельствами повышенного спроса на рынке труда послужили масштабные изменения законодательства в этой области и, соответственно, возросшие требования к компетенциям соответствующих специалистов [10]. Также открытие новых промышленных объектов в значимых секторах экономики и создание новых рабочих мест обусловило расширение служб охраны труда и привлечение новых специалистов [11].

Проблемы охраны труда очевидны, поэтому в настоящее время широко обсуждается тема, каким образом подготовить специалистов по охране труда в высших учебных заведениях, способных выполнять многочисленные и разнообразные функции в этой сфере. Этим и определяется актуальность данной работы.

Материалы и методы

Эмпирической основой анализа требований работодателей к кандидату на должность специалиста по охране труда в размещенных вакансиях послужили открытые данные сервиса поиска работы hh.ru на российском рынке труда, размещенные на сервисе [12]. На основе больших данных поиск выполнялся по категориям: «специалист по охране труда», «ведущий специалист по охране труда», «инженер по охране труда». Востребованность профессиональных навыков для специализации выполнена на основе вакансий, соответствующих специализации. Рассматривались только те вакансии, для которых были указаны профессиональные навыки.

Методической основой исследования стал анализ современной практики подготовки специалистов по охране труда, изложенный в научной литературе и интернет-источниках, а также анализ положений нормативных правовых актов в сфере охраны труда.

В связи с повышенными требованиями к охране труда за последние годы был опубликован ряд работ о различных аспектах подготовки специалистов по охране труда, связанных одной важной проблемой – качеством формирования профессиональной идентичности, определяемой качеством подготовки. Под качеством подготовки специалистов по охране труда принято понимать соответствие уровня подготовки специалиста в высших учебных заведениях требованиям профессиональной среды, в которой предстоит работать выпускнику [13].

В. Е. Рябова относит к числу существенных факторов обеспечения качества подготовки специалистов по охране труда содержание образовательных программ и совершенствование учебного процесса с акцентом на реальные стороны работы специалиста по охране труда в организациях с учетом актуальных требований профессионального стандарта [14]. Развивая эту мысль, авторы работ [15, 16] в своих исследованиях подчеркивают, что необходимо готовить будущих специалистов в сфере безопасности к исполнению необходимых трудовых действий не только согласно профессиональным стандартам, но и потребностям предприятий конкретной отрасли экономики с учетом непрерывных изменений требований рынка труда. Профессиональные трудовые действия являются ориентиром разработки и реализации образовательных программ [17].

Ученые Санкт-Петербургского государственного лесотехнического университета им. С. М. Кирова повышение качества подготовки специалистов по охране труда также связывают с совершенствованием взаимодействия вузов и работодателей и реализацией в учебном процессе практико-ориентированного подхода [18]. Э. Н. Абильтарова видит путь качественного формирования профессиональных знаний, умений и навыков специалистов по охране труда в обновлении содержания образования [19]. В статье [20] вопросы подготовки специалистов по безопасности рассмотрены с позиций проектирования структуры и содержания образования в соответствии с современными требованиями в этой сфере.

Учитывая вышеизложенный анализ научных работ, предлагается содержание образования при подготовке специалистов по охране труда в рамках бакалавриата «Техносферная безопасность» сформировать, опираясь на требования профессионального стандарта и запросы работодателя.

Результаты и обсуждение

Основной целью профессиональной деятельности специалистов по охране труда является выполнение комплекса мероприятий, в число которых входят: профилактика несчастных случаев на производстве; снижение уровня профессиональных заболеваний и профессиональных рисков; снижение или устранение воздействия на работников вредных и опасных производственных факторов [21].

Мероприятия по охране труда в организациях закреплены локальными нормативными актами и реализуются посредством системы управления охраной труда (СУОТ), которая, интегрируя требования законодательства во внутренние процессы организации.

Помимо зрительно ощущаемой нормативной документации и распоряжений, мероприятия по охране труда представляют собой трудоемкий процесс, включающий: идентификацию опасных и вредных факторов и оснащение рабочих места средствами защиты работников; осмотры производственных помещений и техники; использование каналов связи с вышестоящими организациями, руководством, специализированными службами и работниками; тренинги и обучение специалистов и работников охране труда; расследование несчастных случаев; продвижение инноваций в области охраны труда; оформление необходимой документации, в том числе в электронном виде, проверка её на соответствие последним изменениям в законодательстве относительно требований охраны труда и многое другое.

Эти мероприятия нередко взаимоувязаны с промышленной и пожарной безопасностью, охраной окружающей среды, – работодатель возлагает дополнительные функции на специалиста в области охраны труда [22].

Профессиональные требования к специалисту по охране труда определены профессиональным стандартом, который распространяется на все виды экономической деятельности. В стандарте изло-

жен перечень обобщенных трудовых функций и пописаны соответствующие трудовые действия, необходимые умения и знания. По своей сути профессиональный стандарт представляет модель профессиональной деятельности специалиста, и является основой для проектирования структуры и содержания образования.

Основная профессиональная образовательная программа (ОПОП) подготовки специалистов этого профиля разрабатывается на основе требований ФГОС ВО по направлению 20.03.01 «Техносферная безопасность» (уровень бакалавриата) с акцентом на выполнение требований профессионального стандарта с целью приобретения выпускниками знаний, умений и навыков, необходимых специалисту по охране труда для выполнения возлагаемых на него функций. Она включает в себя: учебный план, дисциплины (модули) и практики, установленные ФГОС ВО; дисциплины (модули) и практики, установленные образовательной организацией; иные компоненты.

Конкретные должностные обязанности специалиста в этой сфере работодатель определяет исходя из профиля и потребностей организации, и ждет от специалиста профессионального подхода к решению установленных мероприятий.

Однако, работодатели, размещая объявление о вакансии, акцентируют внимание на определенных знаниях, умениях и навыках, которые они желают видеть у кандидата на должность специалиста в сфере охраны труда. Это могут быть как профессиональные, так и знания и умения общего характера, тесно связанные с личностными качествами. Обзор требований в описании открытых вакансий на должность специалиста по охране труда может служить основанием для актуализации содержания образования и найти отражение в рабочих программах отдельных дисциплин и практик.

Рейтинг востребованности работодателями профессиональных знаний, умений и навыков у кандидатов на должность

специалиста по охране труда построен на основе анализа статистики вакансий на российском рынке труда в 2023 г. Рассматривались категории «специалист по охране труда», «ведущий специалист по охране труда», «инженер по охране труда», относящиеся к 6 уровню квалификации с высшим образованием по программе бакалавриата «Техносферная безопасность». Из

множества ключевых навыков (трудовых действий) выделены 15, как имеющие наибольшую долю упоминаний в вакансиях и которые, по мнению работодателей, позволяют специалисту эффективно выполнять трудовые функции (табл. 1). В исследовании доля измеряется отношением количества вакансий с ключевым навыком к общему количеству вакансий.

Таблица 1. Топ-15 ключевых навыков, требуемых от кандидатов на должность специалиста по охране труда, заявленных работодателями в вакансиях

Table 1. Top 15 key skills required from candidates for the position of occupational safety specialist, declared by employers in vacancies

Ранг/ Rank	Ключевой навык / A key skill	Доля вакансий / Fraction vacancies, %
1	Проведение инструктажей по охране труда и технике безопасности, а также вводного инструктажа о мерах пожарной безопасности	38,43
2	Взаимодействие с органами государственного контроля (надзора)	29,97
3	Разработка локальных нормативных актов	28,77
4	Уверенное пользование ПК и прикладными программами	19,21
5	Оформление документации и делопроизводство, документальное сопровождение процессов	17,53
6	Расследование несчастных случаев	16,63
7	Разработка программ по улучшению условий труда и по предотвращению производственного травматизма	16,0
8	Обеспечение пожарной безопасности	15,83
9	Организация безопасной эксплуатации оборудования и контроль состояния оборудования	13,39
10	Организация и проведение мероприятий	9,71
11	Обеспечение промышленной безопасности	8,9
12	Обучение и аттестация персонала	7,64
13	Аудит системы управления охраной труда	7,29
14	Осуществление производственного контроля	5,89
15	Обеспечение экологической безопасности и ООС	3,65

Данный рейтинг предопределяет приоритеты в профессиональной подготовке специалистов по охране труда. Эти приоритеты обусловлены потребностью рынка труда в высококвалифицированных специалистах. Ключевые навыки, необходимые для эффективного решения задач охраны, являются центральными ориентирами процесса реализации ОПОП в высшей школе. Набор дисциплин учебного плана и их содержание должны иметь, прежде всего, практический ха-

рактер, и соответствовать современному законодательству в части охраны труда и требованиям со стороны работодателей. Только таким образом будет сформирована совокупность полезных знаний, навыков и способностей, которая позволит выпускнику выполнять общие и профессиональные задачи.

В Юго-Западном государственном университете ведется подготовка специалистов по охране труда по направлению 20.03.01 «Техносферная безопасность»

(уровень бакалавриата) с акцентом на выполнение требований профессионального стандарта с учетом запросов работодателей – набор дисциплин и практик

взаимосвязан с востребованными ключевыми навыками специалиста по охране труда (табл. 2).

Таблица 2. Соответствие дисциплин учебного плана с востребованными ключевыми навыками специалиста по охране труда

Table 2. Matching the disciplines of the curriculum with the required key skills of an occupational safety specialist

Ранг/ Rank	Ключевой навык / A key skill	Дисциплины и практики / Disciplines and practices
1	Проведение инструктажей по охране труда и технике безопасности, а также вводного инструктажа о мерах пожарной безопасности	Безопасность труда Пожарная безопасность технологических процессов Пожарный аудит Педагогическая практика
2	Взаимодействие с органами государственного контроля (надзора)	Надзор и контроль в сфере безопасности Расследование и учет несчастных случаев и профессиональных заболеваний
3	Разработка локальных нормативных актов	Расследование и учет несчастных случаев и профессиональных заболеваний Система управления охраной труда Оценка профессиональных рисков Основы промышленной безопасности Надзор и контроль в сфере безопасности Специальная оценка условий труда
4	Уверенное пользование ПК и прикладными программами	Информатика Инженерная и компьютерная графика Прикладная информатика в техносферной безопасности Информационные технологии в прогнозировании и предупреждении риска в чрезвычайных ситуациях
5	Оформление документации и делопроизводство, документальное сопровождение процессов	Расследование и учет несчастных случаев и профессиональных заболеваний Оценка профессиональных рисков Специальная оценка условий труда
6	Расследование несчастных случаев	Расследование и учет несчастных случаев и профессиональных заболеваний
7	Разработка программ по улучшению условий труда и по предотвращению производственного травматизма	Система управления охраной труда Расследование и учет несчастных случаев и профессиональных заболеваний Оценка профессиональных рисков Специальная оценка условий труда
8	Обеспечение пожарной безопасности	Пожарная безопасность технологических процессов Пожарный аудит Основы промышленной безопасности

Окончание табл. 2

Table 2 (ending)

Ранг/ Rank	Ключевой навык / A key skill	Дисциплины и практики / Disciplines and practices
9	Организация безопасной эксплуатации оборудования и контроль состояния оборудования	Безопасность технологических процессов и производства Основы промышленной безопасности
10	Организация и проведение мероприятий	Система управления охраной труда
11	Обеспечение промышленной безопасности	Надежность технических систем и техногенный риск Основы промышленной безопасности Безопасность технологических процессов и производства Безопасность в чрезвычайных ситуациях Управление техносферной безопасностью
12	Обучение и аттестация персонала	Система управления охраной труда Педагогическая практика
13	Аудит системы управления охраной труда	Система управления охраной труда
14	Осуществление производственного контроля	Система управления охраной труда Надзор и контроль в сфере безопасности
15	Обеспечение экологической безопасности и ООС	Источники загрязнения среды обитания Экологическая безопасность Утилизация и обезвреживание отходов производства и потребления Техника и технология защиты гидросферы Контроль среды обитания Управление техносферной безопасностью

Соответствие дисциплин востребованным навыкам позволяет наиболее полно реализовать их образовательный потенциал. Однако должно выполняться условие – их содержание должно постоянно обновляться и адаптироваться к изменяющимся требованиям законодательства в области охраны труда.

Адекватный учет запросов работодателя также является важным аспектом при подготовке специалистов в сфере охраны труда. Работодатели, нанимающие специалистов в данной области, обычно имеют определенные ожидания от кандидатов. Они хотят видеть специалистов, которые могут эффективно решать проблемы в области охраны труда,

применять современные методы и технологии, а также быть готовыми к изменениям в законодательстве и требованиях.

Профессиональный стандарт в области охраны труда служит основой для определения компетенций, необходимых специалисту в данной области. Он определяет требования к знаниям, навыкам и умениям, которыми должен обладать специалист, чтобы эффективно выполнять свои обязанности. При разработке содержания образования необходимо учитывать эти требования и обеспечить студентам необходимые знания и навыки.

Содержание образования, основанное на требованиях профессионального

стандарта и учитывающее запросы работодателя, имеет несколько преимуществ.

Во-первых, оно позволяет студентам получить актуальные и полезные знания, которые они смогут применять на практике. Это помогает им быть готовыми к реальным вызовам и проблемам, с которыми они столкнутся в своей профессиональной деятельности.

Во-вторых, такое содержание образования способствует повышению качества подготовки специалистов в сфере охраны труда. Студенты, получившие образование, соответствующее требованиям профессионального стандарта и запросам работодателя, имеют больше шансов на успешную карьеру и профессиональный рост. Они могут быть более конкурентоспособными на рынке труда и получать более высокую заработную плату.

В-третьих, такое содержание образования способствует развитию сферы охраны труда в целом. Квалифицированные специалисты, обладающие необходимыми знаниями и навыками, способны эффективно внедрять современные методы и технологии в области охраны труда. Это помогает улучшить условия труда и обеспечить безопасность работников, что является важным аспектом для развития предприятий и организаций.

Выводы

Содержание образования при подготовке специалистов в сфере охраны труда является ключевым фактором для успешной карьеры в данной области. Оно должно опираться на требования профессионального стандарта и адекватно учитывать запросы работодателя и формировать у выпускников требуемый комплекс знаний.

С целью повышения качества подготовки специалистов по охране труда в рамках направления обучения «Техносферная безопасность» при разработке ОПОП необходимо усиливать профессионализацию дисциплин и практик и фокусировать их содержание на формирование набора конкретных профессиональных и универсальных компетенций, необходимых специалистам для выполнения ими трудовых функций по охране труда согласно требованиям профессионального стандарта, адекватно учитывая запросы работодателей.

В таком виде дисциплины и практики явятся действенным средством реализации содержания ОПОП, будут служить фундаментом профильного образования и сведут к минимуму оторванность получаемого выпускниками образования от реальных потребностей работодателей.

Список литературы

1. Официальный сайт Федеральной службы по труду и занятости. URL: https://rostrud.gov.ru/control/soblyudenie-zakonodatelstva-o-trude/?CAT_ID=4185 (дата обращения: 27.10.2023).
2. Самарская Н. А. Состояние условий и охраны труда в современной экономике Российской Федерации // Экономика труда. 2023. Т.10. № 10. С. 1517-1534. <https://doi.org/10.18334/et.10.10.1194>
3. Единая общероссийская справочно-информационная система по охране труда. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/ochranatruda> (дата обращения: 04.10.2023).
4. Елин А. М., Соколова А. С. Охрана труда как сфера воздействия на экономику на современном этапе ее развития // Экономика труда. 2022. Т. 9. № 6. С. 1097-1110. <https://doi.org/10.18334/et.9.6.114911>
5. Файнбург Г. З, Федорец А. Г. Актуальные вопросы охраны труда на современном этапе // Безопасность и охрана труда. 2018. №3. С. 1-22.
6. Чернышева Л. А. Правовые аспекты охраны труда в современных условиях // Ленинградский юридический журнал. 2020. № 3 (61). С. 121-130.

7. Работа в поисках защиты // «HR-технологии». Приложение № 94 от 30.05.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/apps/147191?from=doc> (дата обращения: 04.10.2023).
8. Минько В. М., Евдокимова Н. А. Проблемы подготовки специалистов по охране труда в рамках направления обучения «Техносферная безопасность» // Безопасность жизнедеятельности. 2023. №3 (267). С. 21-26.
9. В Москве растет спрос на специалистов по охране труда. URL: <https://ancb.ru/publication/read/16051?ysclid=lqzf9whl9d585575596> (дата обращения: 04.10.2023).
10. Москвина М. С. Вопросы профессиональной компетентности специалистов в области охраны труда при управлении профессиональными рисками // Социально-трудовые исследования. 2022. № 47 (2). С. 148-156. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2022-47-2-148-156>.
11. Более 290 новых производств России за 2023 год. URL: <https://fishki.net/4553900-bolee-290-novyh-proizvodstv-rossii-za-2023-god.html> (дата обращения: 09.12.2023).
12. Обзоры рынка труда. URL: <https://znantrend.ru/> (дата обращения: 09.12.2023).
13. Рябова В. Е. О подготовке специалистов по охране труда в образовательных учреждениях // Охрана и экономика труда. 2017. № 4 (29). С. 46-47.
14. Рябова В. Е. О подготовке специалистов по охране труда в образовательных организациях высшего образования // Безопасность и охрана труда. 2017. № 4 (73). С. 46-48.
15. Пузырев Н. М., Лебедев В. В., Барбашинова Н. Б. Актуальные задачи подготовки бакалавров и магистров по техносферной безопасности с учетом требований профессиональных стандартов // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки». 2019. № 4. С. 80-85.
16. Учет профессиональных стандартов в подготовке специалистов по охране труда и промышленной безопасности для машиностроительной отрасли / Н. М. Пузырев, В. В. Лебедев, Н. Б. Барбашинова, Д. В. Мартынов // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 86-2. С. 37-41. <https://doi.org/10.18411/trnio-06-2022-56>
17. Емельянова И. Н. Трудовые действия - ориентир разработки и реализации образовательных программ в области профессионального образования // Педагогическое образование в России. 2015. №11. С. 19-24.
18. Занько Н. Г., Раковская Е. Г. Практико-ориентированный подход при подготовке специалистов по охране труда // Вестник Международной академии экологии и безопасности жизнедеятельности. 2023. № 28 (1). С. 66-69.
19. Абильтарова Э. Н. Проблемы профессиональной подготовки специалистов по охране труда // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Педагогика, психология. 2019. № 3(38). С. 7-12. <https://doi.org/10.18323/2221-5662-2019-3-7-12>
20. Хасанова В. К., Тучкова О. А., Хайруллина Л. И. Взаимодействие науки и производства при подготовке специалистов в области промышленной безопасности и охраны труда // Вестник НЦБЖД. 2023. № 3(57). С. 172-181.
21. Пушенко С. Л., Соколова Г. Н., Финоченко Т. А. Особенности подготовки специалистов по направлению «Техносферная безопасность» в новых условиях // Труды Ростовского государственного университета путей сообщения. 2017. № 3. С. 5-9.
22. Карауш С. А., Герасимова О. О., Герасимова Е. А. Проблемы подготовки специалистов в области охраны труда // Безопасность и охрана труда. 2022. №1. С. 73-74. https://doi.org/10.54904/52952_2022_1_73

References

1. Official website of the Federal Service for Labor and Employment. (In Russ.). Available at: https://rostrud.gov.ru/control/soblyudenie-zakonodatelstva-o-trude/?CAT_ID=4185 (accessed 27.10.2023)
2. Samarskaya N. A. The state of labor conditions and safety in the modern economy of the Russian Federation. *Ekonomika Truda = Labor economics*. 2023;10(10):1517-1534. (In Russ.).
3. Unified All-Russian reference and information system on labor protection. (In Russ.). Available at: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/ochranatruda> (accessed 04.10.2023).
4. Elin A. M., Sokolova A. S. Labor protection as a sphere of influence on the economy at the present stage of its development. *Ekonomika Truda = Labor economic*. 2022;9(6):1097-1110. (In Russ.).
5. Fajnburg G. Z., Fedorec A. G. Current issues of labor protection at the present stage. *Bezopasnost' i ohrana Truda = Safety and labor protection*. 2018;(3):1-22. (In Russ.).
6. Chernysheva L. A. Legal aspects of labor protection in modern conditions. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal = Leningrad Law Journal*. 2020;(3):121-130. (In Russ.).
7. Work in search of protection. «HR-tekhnologii». *Prilozhenie № 94 = «HR-tekhnologii». Application №94*. (In Russ.). Available at: <https://www.kommersant.ru/apps/147191?from=doc> (accessed 04.10.2023).
8. Min'ko V. M., Evdokimova N. A. Problems of training specialists in occupational safety within the framework of the field of study «Technosphere safety». *Bezopasnost' zhiznedeyatel'nosti = Life safety*. 2023;(3):21-26. (In Russ.).
9. There is a growing demand for occupational safety specialists in Moscow. (In Russ.). Available at: <https://ancb.ru/publication/read/16051?ysclid=lqzf9whl9d585575596> (accessed 04.10.2023).
10. Moskvina M. S. Issues of professional competence of specialists in the field of occupational safety and health in the management of occupational risks. *Social'no-trudovye issledovaniya = Social and labor research*. 2022;47(2):148-156. (In Russ.).
11. More than 290 new production facilities in Russia in 2023. (In Russ.). Available at: <https://fishki.net/4553900-bolee-290-novyh-proizvodstv-rossii-za-2023-god.html> (accessed 09.12.2023).
12. Labor market reviews. (In Russ.). Available at: <https://znantrend.ru/> (accessed 09.12.2023).
13. Ryabova V. E. On the training of labor protection specialists in educational institutions. *Ohrana i ekonomika Truda = Labor protection and economics*. 2017;(4):46-47. (In Russ.).
14. Ryabova V. E. On the training of occupational safety specialists in educational institutions of higher education. *Bezopasnost' i ohrana Truda = Occupational safety and health*. 2017;(4):46-48. (In Russ.).
15. Puzyrev N. M., Lebedev V. V., Barbashinova N. B. Actual tasks of training bachelors and masters in technosphere safety taking into account the requirements of professional standards. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya «Nauki ob obshchestve i humanitarnye nauki» = Bulletin of the Tver State Technical University. The series «Social Sciences and Humanities»*. 2019;(4):80-85. (In Russ.).
16. Puzyrev N. M., Lebedev V. V., Barbashinova N. B., Martynov D. V. Accounting of professional standards in the training of specialists in occupational safety and industrial safety for the machine-building industry. *Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya = Trends in the development of science and education*. 2022;(2):37-41. (In Russ.).
17. Emel'yanova I. N. Labor actions - a guideline for the development and implementation of educational programs in the field of vocational education. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii = Pedagogical education in Russia*. 2015;(11):19-24. (In Russ.).

18. Zan'ko N. G., Rakovskaya E. G. A practice-oriented approach to the training of occupational safety specialists. *Vestnik Mezhdunarodnoj akademii ekologii i bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti* = *Bulletin of the International Academy of Ecology and Life Safety*. 2023;28(1):66-69. (In Russ.).

19. Abil'tarova E. N. Problems of professional training of occupational safety specialists. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Pedagogika, psihologiya* = *Vector of Science of Tolyatti State University. Pedagogy, psychology*. 2019;(3):7-12. (In Russ.).

20. Hasanova V. K., Tuchkova O. A., Hajrullina L. I. Interaction of science and production in the training of specialists in the field of industrial safety and labor protection. *Vestnik NCBZHD* = *Vestnik NCBŽD*. 2023;(3):172-181. (In Russ.).

21. Pushenko S. L., Sokolova G. N., Finochenko T. A. Features of training specialists in the field of «Technosphere safety» in new conditions. *Trudy Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta putej soobshcheniya* = *Proceedings of the Rostov State University of Railway Engineering*. 2017;(3):5-9. (In Russ.).

22. Karaush S. A., Gerasimova O. O., Gerasimova E. A. Problems of training specialists in the field of labor protection. *Bezopasnost' i ohrana truda* = *Safety and labor protection*. 2022;(1):73-74. (In Russ.).

Информация об авторе / Information about the Author

Томаков Владимир Иванович, доктор педагогических наук, профессор кафедры охраны труда и окружающей среды, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: tomakov52@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1051-9722

Vladimir I. Tomakov, Doctor of Sciences (Pedagogical), Professor of the Department of Labor Protection and Environment, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: tomakov52@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-1051-9722

Оригинальная статья / Original article

УДК 372.881.111.1

<https://doi.org/10.21869/2223-151X-2024-14-2-106-114>

Лингвострановедческий аспект обучения китайскому языку бакалавров (на примере гастрономической культуры)

В.Н. Карташова¹✉, Вэйхань Чжан¹

¹Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина
ул. Коммунаров, д. 28/1, г. Елец 399770, Российская Федерация

✉ e-mail: cartashova.vale@yandex.ru

Резюме

В статье рассматриваются теоретико-технологические аспекты лингвострановедческого подхода к обучению студентов педагогического направления подготовки, изучающих китайский язык.

Целью данной статьи является описание стратегии изучения на практических занятиях темы гастрономической культуры Китая, особенностей ее влияния на китайский язык с позиции лингвострановедения. Авторами объясняются трудности изучения китайского языка, перечисляются основные проблемы, возникающие у студентов в лексико-грамматическом, фонематическом и культурном плане освоения китайского языка. Особое внимание акцентируется на лингвострановедческий аспект овладения языком. Современная лингвистика рассматривает язык не просто как средство общения, еще и как «культурный код нации». Изучая иностранный язык, обучающийся изучает и культуру народа, говорящего на данном языке, овладевая не только словом, но и типизированным образом в национальном сознании народа – носителя языка и культуры.

Методы. В процессе исследования применялись общенаучные методы познания (анализ, синтез, обобщение). Проводился отбор, анализ и обобщение публикаций теоретического и практического характера по технологическим аспектам лингвострановедческого подхода к обучению иностранному языку.

Результаты. В статье представлена организация овладения студентами культурологическим контентом в рамках изучения темы гастрономической культуры Китая на занятиях по практике языка. Авторами подчеркивается, что для лингвопрофессиональной подготовки будущего бакалавра очень важно выстроить процесс обучения китайскому языку грамотно с языковой и методической позиции. В лингвистическом аспекте значимым является осознание и овладение студентами реалиями, умениями оперирования данными единицами и невербальными средствами общения в процессе иноязычного взаимодействия при организации диалога культур. В методическом плане необходима тщательно выстроенная стратегия обучения, заложенная в аспекте лингвострановедческого подхода для более лучшего понимания менталитета, образа жизни китайского народа, его культуры и истории.

Заключение. В заключение отмечается, что определен тематический контент, систематизирован имеющийся опыт обучения по данной проблематике, выявлены основные виды заданий в обучении китайскому языку студентов в лингвострановедческом аспекте.

Ключевые слова: китайский язык; культура; лингвострановедение; гастрономическая культура; еда; подготовка бакалавров; трудности обучения.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Карташова В.Н., Вэйхань Чжан. Лингвострановедческий аспект обучения китайскому языку бакалавров (на примере гастрономической культуры) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2024. Т. 14, № 2. С. 106-114. <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2024-14-2-106-114>.

Статья поступила в редакцию 30.01.2024 Статья подписана в печать 29.03.2024

Статья опубликована 28.06.2024

Linguistic and country studies aspect of teaching chinese language to bachelors (using the example of gastronomic culture)

Valentina N. Kartashova¹✉, Weihan Zhang¹

¹Bunin Yelets State University

28/1 Kommunarov str., Yelets 399770, Russian Federation

✉ e-mail: kartashova.vale@yandex.ru

Abstract

Summary. The article examines the theoretical and technological aspects of the linguistic and cultural approach to teaching pedagogical students studying Chinese.

The purpose of this article is to describe a strategy for studying the topic of Chinese gastronomic culture in practical classes, the features of its influence on the Chinese language from the perspective of linguistic and regional studies. The authors explain the difficulties of learning the Chinese language, list the main problems that students have in the lexico-grammatical, phonemic and cultural terms of mastering the Chinese language. Particular attention is paid to the linguistic and cultural aspect of language acquisition. Modern linguistics considers language not just as a means of communication, but also as a "cultural code of a nation." By studying a foreign language, the student also studies the culture of the people speaking this language, mastering not only the word, but also a typified image in the national consciousness of the people - the bearer of the language and culture.

During the research process general scientific methods of cognition (analysis, synthesis, generalization) were used. A selection, analysis and synthesis of theoretical and practical publications on the technological aspects of the linguistic and regional approach to teaching a foreign language was carried out.

The article presents the organization of students' mastery of cultural content within the framework of studying the topic of Chinese gastronomic culture in language practice classes. The authors emphasize that for the linguistic and professional training of a future bachelor it is very important to build the process of teaching Chinese correctly from a linguistic and methodological position. In the linguistic aspect, students' awareness and mastery of realities, skills in operating these units and non-verbal means of communication in the process of foreign language interaction when organizing a dialogue of cultures is significant. In methodological terms, a carefully constructed teaching strategy is required, embedded in the aspect of a linguistic and cultural approach for a better understanding of the mentality, way of life of the Chinese people, their culture and history.

In conclusion it is noted that the thematic content has been determined, the existing teaching experience on this issue has been systematized, and the main types of tasks in teaching the Chinese language to students in the linguistic and cultural aspect have been identified.

Keywords: Chinese language; culture; linguistic and cultural studies; gastronomic culture; food; bachelor's training; learning difficulties.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Kartashova V.N., Weihan Zhang. Linguistic and country studies aspect of teaching chinese language to bachelors (using the example of gastronomic culture). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2024; 14(2): 106–114 (In Russ.). <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2024-14-2-106-114>.

Received 30.01.2024

Accepted 29.03.2024

Published 28.06.2024

Введение

В связи с возросшей политико-экономической ролью Китая в мире за последние десятилетия наблюдается повышенный интерес к изучению китайско-

го языка в России, проявляющийся в возросшей потребности специалистов, владеющих навыками иноязычного речевого общения на высоком уровне. Сейчас во многих учебных заведениях России учат китай-

скому языку. В ряде вузов осуществляется подготовка учительских кадров со знанием китайского языка для учебных заведений среднего звена.

Следует отметить, что изучение китайского языка сопряжено с большими трудностями. Имеются ввиду специфические особенности, составляющие китайский язык. К ним можно отнести:

- иероглифы, применяемые в качестве системы письма, где каждый иероглиф представляет собой слог и значение;

- система тональности. В китайском языке есть четыре тона, которые играют важную роль в языке, делая его богатым по выразительности;

- наличие словосочетаний. Слова в китайском языке, как правило, располагаются в сочетании для обозначения определенного значения, они часто имеют фиксированную структуру и специфическое употребление, отражающие мудрость и жизненный опыт китайцев;

- обилие вежливых слов, таких как «*Вы*», «*пожалуйста*», «*спасибо*» и т. д., акцентирующих особую значимость человеческих отношений в китайской культуре;

- сложность китайской грамматики, в частности, трудным вопросом является различение частей речи и компонентов предложения. Например, «я» может быть местоимением, прилагательным или существительным, в зависимости от того, как оно используется в предложении и т.д.

Также очень большую сложность для изучающих китайский язык представляют реалии, незнание которых обуславливает явление культурной интерференции, «вызванной не самой системой языка, а культурой, которую данный язык отражает» [1]. Особые трудности возникают в понимании некоторых культурных реалий, обозначающих элементы быта и культуры, истории, литературы, специфичные для китайского народа, не имеющих аналогов в родном (русском) языке студентов [2]. Именно знания культу-

ры, умения и навыки ориентироваться в чужой культуре составляют содержание лингвострановедческой компетенции будущего бакалавра¹ [3, 4]. Для лингвoproфессиональной подготовки будущего бакалавра очень важно выстроить процесс обучения китайскому языку грамотно с языковой и методической позиции. В лингвистическом аспекте значимым является осознание и овладение студентами реалиями, умения оперирования данными единицами и невербальными средствами общения в процессе иноязычного взаимодействия при организации диалога культур. В методическом плане необходима тщательно выстроенная стратегия обучения, заложенная в аспекте лингвострановедческого подхода [5].

Целью данной статьи является описание стратегии изучения студентами на практических занятиях гастрономической культуры Китая, особенностей ее влияния на китайский язык с позиции лингвострановедения.

Материалы и методы

Основными методами исследования выступили общенаучные методы познания (анализ, синтез, обобщение). С помощью теоретического анализа лингвистической, методической литературы определен тематический контент, систематизирован имеющийся опыт по данной проблематике, выявлены основные стратегии в обучении китайскому языку студентов в лингвострановедческом аспекте.

Результаты и обсуждение

В основе современной методики иноязычного образования заложена концептуальная схема *язык-культура-личность*. Язык является средством комму-

¹ Сунь Юй. Развитие лингвострановедческой компетенции студентов, обучающихся по направлению «Педагогическое образование» (профили «Русский язык как иностранный» и «Китайский язык»: дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 2022. 132 с.

никации и познания, который оказывает большое влияние на личность. Современная лингвистика рассматривает язык еще и как «культурный код нации», а не просто средство общения, «как путь, по которому мы проникаем не только в современную ментальность нации, но и в воззрения древних людей на мир, общество и самих себя» [6, с. 37]. Овладевая иностранным языком, языковая личность изучает и культуру народа, говорящего на данном языке, овладевая не только словом, но и типизированным образом в национальном сознании народа – носителем языка и культуры [7]. В языке отражена, зафиксирована и сохранена информация о постигнутой человеком действительности, при овладении которой у обучающегося развивается готовность к аккультурации. Реализация кумулятивной (накопительной) функции, выражающейся в способности языка не просто передавать некоторое сообщение, но и обеспечивать аккультурацию адресата, является, по определению Верещагина Е.М., Костомарова В.Г., целью лингвострановедческого подхода к обучению иностранным языкам [8]. Лингвострановедческий подход направлен на «формирование у обучающегося способности анализировать языковые явления с точки зрения их страноведческой маркированности и, основываясь на данных проведенного анализа, выстраивать линии собственного речевого поведения» [9, с. 306].

Одним из символов китайской культуры является гастрономическая культура, изобилующая реалиями. Какова стратегия овладения лексикой данной тематики с позиции лингвострановедческого подхода к обучению китайскому языку?

Как уже было упомянуто, формой проведения учебного занятия в рамках дисциплины «Практика китайского языка» является практическое занятие. Прежде всего необходимо произвести отбор соответствующего контента. Далее следует выстроить траекторию обучения в соответствии с учетом принципов

лингвострановедческого подхода (диалога культур, культууроориентированности, доминирования проблемных заданий и рефлексии). Данная стратегия позволяет развивать у обучающихся навыки восприятия, анализа, понимания и умения интерпретации культурных фактов. Практическое занятие необходимо сконструировать таким образом, чтобы все студенты были задействованы в решении проблемной задачи. Для этого задания должны предусматривать поиск дополнительной информации из Интернета. Признаком выработанной стратегии является значимость групповой работы, когда обучающиеся в процессе взаимодействия пытаются коллективно решить проблемную задачу, но вместе с тем «в процессе обсуждения каждый студент должен сам для себя сделать определенные выводы, соответственно здесь следует отметить требование индивидуального открытия» [5, с. 38].

Поясним это на примере изучения лексической темы «Еда в Китае». Как считают специалисты, гастрономическая культура является важным символом китайской культуры [10, 11, 12, 13]. Недаром существует выражение *民以食为天* (*min yi shi wei tian*), что означает *еда – это рай для людей*. Большая часть ведения бизнеса, сбора семьи на важные торжества и т.д. во многом основана «на обеденном столе». Китайцы всегда делятся своей едой при процессе приема пищи, поэтому во время еды можно почувствовать себя намного ближе друг к другу и попробовать сразу гораздо больше ее разновидностей. «Гастрономическая культура – это ментальная структура, которая не представлена в материальной форме, а потому выражается через различные феномены. К их числу относятся национальная кухня, система общественного питания, телевизионные передачи, посвященные теме еды» [14, с. 213]. На практических занятиях со студентами бакалавриата педагогического направления филологического института, изучающи-

ми китайский язык, мы реализовали данную стратегию обучения в виде комплекса заданий самостоятельного характера. Например, задание по отбору реальных, которые вызывают трудности и требуют пояснения; задание найти фразы со словом «еда», которые наглядно показывают, насколько важную роль играет потребление пищи в Китае. Так в китайском языке место работы называется «рисовая миска» (фаньвань 饭碗); свести концы с концами означает «набить рот» (хукоу 糊口); устроиться на работу определяется как «смешивать что-нибудь поест» (混饭吃); жить хорошо – значит «везде что-то есть» (chidekai 吃得开); быть ухоженным означает «получить лишнюю порцию» (Чи Сяоцзао 吃小灶); израсходовать свои сбережения называется «съесть капитал» (chi laoben 吃老本); если кто-то живет древним, то это называется «старым грызуном» (kenlao 啃老). Наряду с программной тематической лексикой студенты параллельно освоили выражения, в которые включено слово «есть/ест» (chi 吃 / fan 饭). В китайском языке есть несколько особенностей, в которых еда играет определенную роль. Многие знают, что фраза приветствия «Вы уже поели?» (Chi le ma 吃了吗?) часто используется, чтобы осведомиться у собеседника «Как дела?». Другой пример: «горькая еда» (chiku 吃苦) в переводе с китайского означает «переживать трудные времена». В буквальном смысле фраза chi kǔ (吃苦) означает «съесть горечь». Буквальный смысл подсказывает, что эта фраза означает нечто вроде «терпеть лишения». В Китае это выражение довольно часто используется, являясь краеугольным камнем национальных ценностей. Только испытав тяжелейшие лишения, можно подняться над обыденностью.

Отзвуки давно минувших лет, пережив века, сохраняются сегодня в пословицах, поговорках, фразеологизмах, метафорах, символах культуры и т.д. [6].

Поэтому нами практиковались задания, направленные на поиск фразеологизмов о важнейших для китайцев продуктов питания с историей их происхождения. Название одного из основных продуктов питания «риса» можно часто встретить в китайских идиомах. Например, если муж живет за счет жены, это называется «поедание мягкого риса» (чи жуаньфань 吃软饭). Выражение «есть сухой рис» (Чи Ганьфань 吃干饭) обозначает, что человек больше ни на что не годен, фраза о работе, связанная с миской для риса (место работы называется «рисовая миска» (фаньвань 饭碗), имеет буквальный смысл. Существуют фразы, которые трудно понять, например, когда мужчина неприлично прикасается к женщине, говорят «съешь чей-то тофу» chi dòufu (吃豆腐). При чем здесь полезный и вкусный сыр тофу? Чтобы понять это, нужно немного больше воображения и знания истории. Происхождение данного сленгового выражения таково: в Древнем Китае, когда кто-то умирал, его семья проводила щедрую церемонию угощения друзей и родственников. Они готовили еду, включая тофу, для того, чтобы сытно накормить людей. Некоторые люди приходили на данную церемонию из корыстных соображений. Спустя века, данная фраза в современном китайском языке получила значение «воспользоваться кем-либо», часто с сексуальным подтекстом.

Занимательная история обозначения процесса ревности, который в китайском языке называется «поедание уксуса» (chici 吃醋), в буквальном смысле это выражение переводится как «съесть уксус».

У этого выражения есть история происхождения. Однажды император Тайцзун решил наградить своего канцлера Хуанлиня, предоставив ему выбор из своих наложниц. Жена Хуанлиня из-за ревности отказалась принять новую женщину. Император был крайне рассержен и велел ей либо принять новую любовницу мужа, либо выпить чашку

отравленного вина. Она предпочла выпить яд, который оказался уксусом. Следовательно, “*съесть уксус*” стало символическим обозначением женской ревности. Выражение 吃闭门羹 (*chī bì mén gēng*) (в буквальном смысле «закрой дверь, съешь густой суп») означает отказ в приеме непрошенного гостя. Интересно происхождение этого сленгового выражения: говорят, что в династии Тан жила известная женщина легкого поведения, которая была настолько красива, что многие мужчины о ней мечтали. Но у нее не было времени на всех. Человеку, которого не хотела посещать, она присылала чашку густого супа в комнату. Тогда гость знал, что она отказывалась его видеть.

Голод в Китае уже редко является проблемой, но многие термины, связанные с едой и ее нехваткой, остаются в обиходе. Теперь это можно интерпретировать по-разному – с привязанностью Китая к традициям или с великой китайской культурой питания. Фраза 吃香 (*chī xiāng*) в буквальном смысле переводится как «*съесть аромат*». На сленге эта фраза означает «*быть очень популярным*». Вполне логично, мы скорее предпочтем находиться рядом с вкусно пахнущим предметом, нежели наоборот.

Любой, кто хоть раз бывал в Поднебесной, подтвердит, что китайцы умеют готовить – настолько хорошо, что едоку становится все равно, что на самом деле было у него на тарелке.

Китай – огромная страна с огромным спектром пищевых привычек, которые зависят от многих факторов, таких как различные условия окружающей среды, климат и география. Поэтому следующее задание состояло в определении типичных китайских блюд. Выяснилось, что разнообразие кушаний настолько огромно, что многие китайцы сами не знают, какие именно деликатесы особенно популярны в некоторых местах. Если быть точным, то китайской кухни не существует. Китайская кухня слишком разно-

образна для этого. «Китайская кухня» включает в себя множество региональных кухонь. В принципе, все 23 провинции Китая имеют свою «собственную кухню». Даже в пределах провинций все еще существует множество различий, даже в одном городе может быть своя кухня. Хороший пример – Шанхай. В Шанхае своя особенная кухня с большим количеством рыбы и морепродуктов и сладкой пряной ноткой. Имеются и другие известные кухни, например, сычуаньская кухня, кантонская кухня, шаньдунская кухня и т. д.

В разных местах Китая существуют разные пищевые привычки. Несмотря на то, что рис, кажется, является основным продуктом питания на китайском столе, не каждый китаец любит есть рис. Так на севере и северо-западе Китая в качестве основных продуктов питания люди любят использовать 馒头 [*Mántou*] маньтоу <https://tingtingsnest.com/chinesisches-brot-mantou/> и лапшу. Маньтоу – это мягкий беловатый хлеб на пару из пшеничной муки, воды и дрожжей. История происхождения Маньтоу восходит к эпохе Троецарствия, когда стратег Чжугэ Лян вторгся в южные земли со своей армией. В то время южные страны называли Китай варварами. Когда-то давным-давно слово маньтоу писалось как 蠻頭, что имеет то же произношение, что и 馒头. Слово дословно переводится как *варвары + голова*. После того, как Чжугэ Лян победил варварского короля Мэн Хо, армия Чжугэ Ляна отступила. Армии Чжугэ Ляна нужно было пересечь реку, но, как бы они ни старались, ничего не получалось. Тогда Чжугэ Лян вспомнил, что сказал ему король варваров: «*Пожертвуй 50 человек и брось их головы в реку, чтобы умиловить духа реки, тогда ты сможешь пересечь реку*». Но Чжугэ Лян уже так много потерял воинов в битве, и он не хотел проливать больше крови. Вместо этого Чжугэ Лян убил коров и лошадей, которых армия взяла с собой в путешествие. Этим мясом начинили хлеб,

придали ему форму человеческой головы и бросили в реку. План увенчался успехом, и армия Чжугэ Ляна смогла успешно переправиться через реку, а этот хлеб в результате получил название *Маньтоу*.

В Китае для бережного приготовления пищи используется горячий пар. Очень похожи на *маньтоу* 包子 [Bāozi] – приготовленные на пару пельмени с самыми разнообразными начинками. Существует очень много различных разновидностей баоци. Существуют *баоци* сладкие, соленные, острые, со свиной, говядиной, вегетарианские, тофу и многие другие. Большую часть времени баоци едят на завтрак, но, конечно, можно также съесть их в какой-то другой момент.

Фирменным блюдом провинции Цзянсу являются *Сяо Лун Бао* 小笼包 [Xiǎo lóng bāo] – это маленькие пельмени с начинкой из мяса и бульона. В дословном переводе они означают «*маленькие мешочки дракона*». Их готовят и подают в паровых корзинах из бамбука. Поскольку *Сяо Лун Бао* обычно очень горячие, в них осторожно прокусывают небольшое отверстие и высасывают сок, после этого съедается остальное.

В процессе самостоятельного выполнения различного вида заданий (эссе, презентация, доклад), выполняемых студентами, идет процесс пополнения культурологическими знаниями. Кроме того, развиваются профессиональные компетенции будущих бакалавров-педагогов. Будущие учителя осознают, что трансли-

руемые национальной кухней Китая культурные коды, являются важной частью культуры повседневности, которой необходимо овладеть и их будущим воспитанникам.

Выводы

В заключение следует отметить, что обучающиеся, осваивая подобную стратегию изучения языка на основе работы с реалиями, овладения китайскими фразеологизмами о еде, формируют лингвострановедческую компетенцию. Именно при таком подходе создаются реальные условия для более лучшего понимания менталитета, образа жизни китайского народа, его культуры и истории.

Представленные задания, направленные на повышение лингвострановедческой компетенции студентов, могут служить фрагментами практического занятия по китайскому языку как иностранному, а также включаться в программу занятий по межкультурной коммуникации.

Перспектива исследования лингвострановедческого направления в методике обучения китайскому языку будущих бакалавров педагогического образования состоит в разработке специальной программы, ориентированной на усвоение студентами лексических единиц, отражающих социально-культурные особенности жизни носителей этого языка.

Список литературы

1. Щепилова А.В. Теория и методика обучения французскому языку как второму иностранному. М., 2005. 245 с.
2. Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. 3-е изд., испр. и доп. М.: Р. Валент, 2006. 448 с.
3. Ветлугина Н. О., Руднева Л. В. Культурологический подход при обучении иностранному языку // Инновации в профессиональном и профессионально-педагогическом образовании: материалы 28-й Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 23–24 мая 2023 г. Екатеринбург: Российский государственный профессионально-педагогический университет, 2023. С. 11-13.

4. Копосова О. Б., Малев А. В. Реализация лингвострановедческого аспекта обучения иностранному языку в старшей школе в условиях межкультурной парадигмы // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 68-2. С. 167-171.
5. Киргинцева М. В. Лингвострановедческий аспект при обучении китайскому языку в вузе // Научное обозрение. Педагогические науки. 2021. № 3. С. 35-39.
6. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Издательский центр "Академия", 2001. 208 с.
7. Карташова В. Н. Культурологический подход к иноязычному образованию будущих бакалавров // Вестник Брянского государственного университета. 2014. № 1. С. 294-300.
8. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 1990. 246 с.
9. Тарева Е.Г. Система культуросообразных подходов к обучению иностранным языкам // Язык и культура. 2017. №40. С. 302-320.
10. Лян И. Кухня и пищевая культура Китая // Диалог культур - диалог о мире и во имя мира: материалы VIII Международной студенческой научно-практической конференции: в 2-х ч., Комсомольск-на-Амуре, 20 апреля 2017 года. Комсомольск-на-Амуре: Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет, 2017. Ч. 2. С. 5-9.
11. Степанов Н.А. Анализ китайских идиом, относящихся к еде // Молодой ученый. 2023. № 29 (476). С. 202-211.
12. Энциклопедия китайской кухни. URL: <https://baike.baidu.com/item/中国烹饪百科全书/10463410> (дата обращения 12.01.2024)
13. 杨琳申楠. 论跨文化传播中我国文化软实力的提升// 西安: 西安交通大学学报(社会科学版), 2012. № 1, 6-11 页.
14. Ли С., Колода С. А. Национальная кухня Китая как культурный код. Часть 1 // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 1 (28). С. 211-217. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-211-217>

References

1. Shhepilova A.V. Theory and methodology of teaching French as a second foreign language. Moscow, 2005. 245 p. (In Russ.)
2. Vlachov S.I., Florin S. P. The Untranslatable in Translation. 3rd ed. Moscow: R. Valent; 2006. 448 p. (In Russ.)
3. Vetlugina N. O., Rudneva L. V. Culturological approach to teaching a foreign language. In: *Innovacii v professional'nom i professional'no-pedagogicheskom obrazovanii. Materialy` 28-j Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Ekaterinburg, 23-24 maya 2023 g. Ekaterinburg: Rossijskij gosudarstvennyj professional'no-pedagogicheskij universitet; 2023. P. 11-13. (In Russ.)*
4. Kopusova O. B., Malev A. V. Implementation of the linguistic and cultural aspect of teaching a foreign language in high school in the context of an intercultural paradigm. *Problemy` sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of modern pedagogical education*. 2020;(68-2):167-171. (In Russ.)
5. Kirginceva M. V. Linguistic and cultural aspect when teaching Chinese at a university. *Nauchnoe obozrenie. Pedagogicheskie nauki = Scientific review. Pedagogical sciences*. 2021;(3):35-39. (In Russ.)
6. Maslova V. A. Linguoculturology. Moscow: Akademiya; 2001. 208 p. (In Russ.)

7. Kartashova V. N. Culturological approach to foreign language education of future bachelors. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Bryansk State University*. 2014;(1):294-300. (In Russ.)
8. Vereshhagin E.M., Kostomarov V.G. Language and culture: linguistic and regional studies in teaching Russian as a foreign language. 4th ed. Moscow: Rus. yaz.; 1990. 246 p. (In Russ.)
9. Tareva E.G. A system of culturally appropriate approaches to teaching foreign languages. *Yazyk i kul'tura = Language and culture*. 2017;(40):302-320. (In Russ.)
10. Lyan I. Cuisine and food culture of China. In: *Dialog kul'tur - dialog o mire i vo imya mira: Materialy VIII Mezhdunarodnoj studencheskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. V 2-x chastyax, Komsomol'sk-na-Amure, 20 aprelya 2017 g.* Komsomol'sk-na-Amure: Amurskij gumanitarno-pedagogicheskij gosudarstvennyj universitet; 2017. Pt. 2. P. 5-9. (In Russ.)
11. Stepanov N. A. Analysis of Chinese idioms related to food. *Molodoj uchenyj = A young scientist*. 2023;(29):202-211. (In Russ.). Available at: <https://moluch.ru/archive/476/104949/> (accessed 05.11.2023).
12. Encyclopedia of Chinese cuisine. (In Russ.). Available at: <https://baike.baidu.com/item/中国烹饪百科全书/10463410> (accessed 12.01.2024).
13. 杨琳申楠. 论跨文化传播中我国文化软实力的提升// 西安: 西安交通大学学报(社会科学版). 2012;(1):6-11 页. (In Russ.)
14. Li S., Koloda S. A. National cuisine of China as a cultural code. *Verxnevolzhskij filologicheskij vestnik = Verkhnevolzhsky Philological bulletin*. 2022;1(28):211-217. (In Russ.). <https://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-211-217>

Информация об авторах / Information about the Authors

Карташова Валентина Николаевна, д-р педагогических наук, профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, г. Елец, Российская Федерация, e-mail: cartashova.vale@yandex.ru

Valentina N. Kartashova, Bunin Yelets State University, Yelets, Russian Federation, e-mail: cartashova.vale@yandex.ru

Вэйхань Чжан, аспирант, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, г. Елец, Российская Федерация

Weihan Zhang, Post-Graduate, Bunin Yelets State University, Yelets, Russian Federation,

Оригинальная статья / Original article

УДК 372.881.111.1

<https://doi.org/10.21869/2223-151X-2024-14-2-115-126>

Современный подход к понятию учебной мотивации в обучении РКИ: критерии формирования

И. А. Лешутина ¹, А. М. Лёвушкина ¹ ✉

¹Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
ул. Академика Волгина, д. 6, Москва 117485, Российская Федерация

✉ e-mail: amlyovushkina@mail.ru

Резюме

Исследовательский интерес авторов статьи направлен на изучение современного подхода к мотивации: описание мотивационной системы и её компонентов как важных факторов в обучении русскому языку как иностранному (далее – РКИ). В рамках исследования выделяются и анализируются ключевые составляющие мотивационной системы в проекции на обучение иностранному (русскому) языку – мотивы, мотивоформирующие факторы, приёмы и инструменты, влияющие на вовлечение учащихся в образовательный процесс. Детальное представление мотивационной структуры в рамках современного лингвообразования эксплицируется как целостная система, включающая в себя определенные ключевые компоненты, что позволяет сформировать более четкое представление о том, как формируется мотивация современных учащихся, что необходимо учитывать при обучении иностранному языку с целью достижения наилучших результатов.

Мотивация учебной деятельности непосредственно связана с такими параметрами, как ценностные ориентиры, изменение общей культуры общества, уровень технического прогресса, сложность в вопросе добывания знаний. Интерес обучающихся постоянно меняется, зависит это как от внешних причин и социума в целом, так и от индивидуально-личностных характеристик. В изменении учебной мотивации важную роль играет личностный компонент, прямая зависимость которого определяется стремлениями индивида, его выбором векторных траекторий обучения в стремлении к достижению поставленных целей. Важным является определение ценностей той или иной сферы жизни, влияющей на иерархию потребностей каждого человека. Описание составляющих мотивационной системы приводится в контексте современной парадигмы образования и с опорой на психологические, психо- и социолингвистические особенности обучения иноязычному общению.

Результаты исследования могут быть интересны в лингводидактическом осмыслении компонентов и структуры мотивационной системы, актуализирующей создание продуктивной образовательной среды, что и становится фактором достижения результатов в изучении иностранного языка.

Ключевые слова: мотивация; русский язык как иностранный; мотивоформирующие факторы; коммуникативная компетенция; мотивационная система.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Лешутина И. А., Лёвушкина А. М. Современный подход к понятию учебной мотивации в обучении РКИ: критерии формирования // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2024. Т. 14, № 2. С. 115-126. <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2024-14-2-115-126>.

Статья поступила в редакцию 26.03.2024 Статья подписана в печать 03.05.2024

Статья опубликована 28.06.2024

Modern Approach to the Concept of Educational Motivation in Teaching Russian as a Foreign Language: Criteria for Formation

Irina A. Leshutina¹, Anna M. Lyovushkina¹ ✉

¹Pushkin State Russian Language Institute

6 Ac. Volgin str., Moscow 117485, Russian Federation

✉ e-mail: amlyovushkina@mail.ru

Abstract

This article is focused on the study of the modern approach to motivation, the description of the motivational system and its components that are important in the teaching Russian as a foreign language. The study identifies and analyses key components of the motivational system in the teaching of foreign (Russian) language, which are motives, factors of forming motivation, methods and tools that influence the involvement of students in the educational process. A detailed description of the motivational structure in the framework of modern learning, which is considered as a holistic system, including several key components, allows to form a clearer idea of what influences the motivation of modern students, what needs to be considered when teaching Russian as a foreign language to achieve the best results.

The motivation of educational activities is directly related to such parameters as values, changes in the general culture of society, the level of technological progress, the complexity of knowledge acquisition. The interest of learners is constantly changing, depending both on the characteristics of society as a whole and on the individual characteristics of each individual. The personal component is an important part of changing the educational motivation, which depends directly on the individual's aspirations, the ways they choose to achieve the goals. It is also important to define the value of a sphere of life of each individual, which is based on a hierarchy of their needs. The description of the components of the motivational system is given in the context of the modern educational environment and is based on psychological and psycholinguistic features of teaching foreign language communication.

The results of the study may be interesting in the linguo-didactical understanding of the components and structure of the motivational system, which provides the creation of an relevant educational environment, which becomes a factor in achieving results in the study of a foreign language.

Keywords: motivation; Russian as a foreign language; factors of forming motivation; communicative competence; motivational system.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Leshutina I.A., Lyovushkina A.M. Modern Approach to the Concept of Educational Motivation in Teaching Russian as a Foreign Language: Criteria for Formation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2024; 14(2): 115–126 (In Russ.). <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2024-14-2-115-126>.

Received 02.09.2023

Accepted 16.10.2023

Published 23.12.2023

Введение

В современном образовании ведущей тенденцией в обучении русскому языку как иностранному (далее – РКИ) является опора на индивидуальные особенности каждого учащегося, следовательно, всё больше внимания уделяется личностно-ориентированному обучению.

В этой связи самореализация учащихся в процессе получения образования становится основой при выборе методов и форм обучения, так как именно она позволяет актуализировать и трансформировать образовательную траекторию таким образом, чтобы учащиеся получали все-сторонне развивающее образование и оставались вовлеченными в учебный

процесс на протяжении всего периода обучения. Важно отметить, что решению этих задач сегодня способствует использование современных цифровых технологий, упрощающих формирование индивидуальной образовательной траектории и позволяющих трансформировать учебный процесс с учётом индивидуальных особенностей учащихся благодаря разнообразию цифровых инструментов и большому количеству способов их использования.

Современный подход к понятию учебной мотивации и определению критериев мотивации учащихся основывается на исследованиях отечественных и зарубежных учёных, психологов, психолингвистов, методистов, которые описывали мотивы и потребности людей как в целом, так и в обучении в частности.

В связи с учётом личностных и психологических особенностей обучающихся нам кажется логичным определение мотивационной системы, сформированной на основании трёх ключевых компонентов: *мотива*, понимаемого нами как стимул или путь достижения цели, что определяет направление деятельности человека; *мотивформирующих факторов*, обуславливающих формирование мотивов (и это определяет их важность и иерархию); *мотивации* как совокупности мотивов и мотивформирующих факторов, основополагающих деятельность обучающегося.

Определение мотивации учащихся, понимание их целей и ценностных ориентиров позволяет определить наиболее важные аспекты обучения, которые позволят сделать этот процесс наиболее релевантным и целесообразным для каждого ученика. Ключевой задачей современного обучения иностранным языкам, в том числе РКИ, является формирование коммуникативной компетенции, которая поможет учащимся добиваться поставленных целей и реализовывать себя в тех сферах, которые им интересны. Соответственно подчёркивается необходимость

отбора функционального языкового материала с учётом интересов и потребностей учащихся, использование различных педагогических технологий, включение цифровых инструментов в процесс обучения РКИ, в таком случае средством повышения мотивации становится как средства обучения, так и формы деятельности на занятиях.

Результаты и обсуждение

Мотивационная система, выделенная нами в качестве ключевого элемента в образовании, состоит из трёх ключевых элементов: мотивов, мотивформирующих факторов и непосредственно мотивации. Изучению мотивации и в том числе учебной мотивации и её аспектов посвящены работы И.А. Зимней, В.К. Виллюнаса, Л.И. Божович, Л.С. Выготского, П.М. Якобсона, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, Г.И. Щукиной и др. Зарубежные авторы - Д. Макклелланд, Дж. Атkinson, Х. Хекхаузен, А. Маслоу, Х. Мюррей, и др. – также обращались в своих работах к вопросам мотивации.

Можно утверждать, что мотивы формируются в процессе развития человека: они напрямую зависят от факторов, окружающих его на этапе становления личности: среда, воспитание, окружение и т.п. Термин «мотивация» в понимании Х. Хекхаузена [1] является обобщающим обозначением тех действий, которые человек совершает, выбирая стратегию своего поведения в той или иной ситуации. Выбор определённого поведения зависит от последствий, которые ожидаются, побуждения к действию, ожиданий определённого результата, осознания возможностей. Следовательно, мотивация включает в себя и мотивы, которые реализуются в конкретной ситуации.

По мнению А.Н. Леонтьева [2], основным источником мотивации человека служат его потребности. Мотивом называется результат, который становится итогом деятельности, именно мотив побуждает и направляет деятельность чело-

века, придаёт ей смысл. А.Н. Леонтьев также утверждает, что деятельность человека полимотивирована, так как мотивированная деятельность помогает удовлетворить не одну, а сразу несколько потребностей. Отметим также противопоставление понятия «мотив» понятию «интерес», при этом мотив может стать причиной возникновения интереса в процессе деятельности. Разграничение понятий «мотив» и «интерес» позволило выделить мотивы-стимулы, которые становятся началом пробуждения интереса. Вместе с этим выделяются и смыслообразующие мотивы, которые будут иметь личностный смысл и придавать смысл совершающимся действиям. Соответственно деятельность может осуществляться ради самой деятельности и для достижения какой-либо цели.

В рамках обучения интерес можно рассматривать в качестве мотива к изучению языка. Советский психолог и философ С.Л. Рубинштейн отмечал, что цели недостаточно для осуществления действий, даже если эта цель очень значима и существенна [3]. Человеку необходимо также учитывать условия, в которых ему придётся эту цель реализовывать, совершать действия для её достижения. Важно отметить, что каждая цель достигается посредством нескольких или многих действий, у каждого из которых нет конкретного результата, но все они являются составляющими элементами, необходимыми для достижения цели. Все действия человека основываются на побуждениях, которые становятся мотивом, если осознаются человеком. На основе различных исследований можно выделить следующие три группы мотивов: социальные, познавательные, личностные.

Проблема познавательного интереса является одной из главных идей, изучаемых Г.И. Щукиной [4], которая связывает понятие «познавательный интерес» с проблемой деятельности и взаимосвязи различных видов деятельности в учебном процессе, а также с проблемой формиро-

вания личности. Автор отмечает, что познавательный интерес может стать средством обучения и мотивации, если продуктивно включается в грамотно построенный образовательный процесс. Познавательный процесс часто становится и мотивом для формирования и развития личности в целом, так как он активизирует различные психические процессы, которые вызывают положительное эмоциональное состояние, что ведёт к эмоциональной удовлетворённости [5]. А это соответственно становится мотивацией к дальнейшему обучению.

Необходимо учитывать разницу между понятиями «мотив», «цель» и «мотивация». Мы согласны с мнением А.Н. Леонтьева, который разделяет мотив (стимул порождения деятельности) и цель (ожидаемый и желаемый результат деятельности) [2]. Цель обычно осознаётся и анализируется человеком, а мотив часто остаётся неосознанным. Цель и мотив могут совпадать или не совпадать, что происходит, когда человек делает не то, чего он хочет именно сейчас, а совершает какие-то промежуточные действия, которые в итоге приведут его к желаемой цели [6]. Поведенческие мотивы могут складываться в черты характера человека, если повторяются достаточно часто. В таком случае они могут отражать особенности личности человека и позволяют разделять людей на определённые категории (например, реалисты, оптимисты, пессимисты и т.п.).

Многие исследователи, описывая систему мотивации, обращают внимание на мотивы, которые могут стать побудителями учебной деятельности. Так, например, Б.Р. Мандель [7] выделяет систему мотивов, которая включает в себя следующие элементы: познавательные потребности, цели, интересы, стремления, идеалы, мотивационные установки. Эта система, по мнению исследователя, образует как устойчивую, обусловленную внутренними стабильными мотивами, так и динамическую, в основе которой лежат

социальные мотивы и потребности, учебную мотивацию.

Изучив различные исследования, описывающие мотивацию, её критерии, особенности и характеристики, мы выделили основные мотивы, которые могут являться наиболее актуальными при изучении РКИ: учебный мотив, познавательный мотив, мотив достижения успеха, мотив избегания неудач, мотив самореализации, профессиональный мотив, прагматический мотив, коммуникативный мотив, карьерный мотив и мотив общественной полезности.

Важным фактором, влияющим на мотивы в изучении иностранного языка, нам также видится модальность мотивов, которая связана с личностными особенностями обучающегося. Можно выделить следующие виды модальности: принуждение, вовлечение, убеждение и воздействие. Благодаря использованию модальности возможно формирование индивидуальной учебной траектории, которая будет учитывать личностные и психологические особенности учащихся, такие как тип восприятия информации (визуальная, аудиальная и т.д.), способность к изучению языка, лёгкость в усвоении информации. В современном обществе, основывающемся на визуальном восприятии информации, именно цифровые технологии позволяют дополнить образовательный процесс таким образом, чтобы усвоение знаний и формирование навыков стало более успешным. Отмечается, что современные цифровые технологии вносят в обучение открытость и прозрачность, делают его более мобильным и доступным [8, с. 114]. Учёт индивидуальных факторов и использование современных ресурсов даёт возможность персонализировать обучение и повлиять на мотивацию учащихся, что позволяет сделать изучение иностранного языка более доступным.

В контексте обучения РКИ важно понимать определение учебной мотивации, её особенностей и отличий от обыч-

ной мотивации человека. В этой связи релевантным видится обращение к дефинициям и критериям мотивации, определяемым учёными и методистами. Так, И.А. Зимняя [9] пишет об учебной мотивации как о частном виде мотивации, который можно выделить в рамках учебной деятельности. Ученый отмечает, что учебная мотивация имеет ряд факторов, которые являются отличительными именно для этого вида мотивации. Например, на учебную мотивацию непосредственное влияние оказывает то образовательное учреждение и та система, в рамках которых осуществляется процесс обучения. На учебную мотивацию также воздействует образовательный процесс и личностные особенности обучающихся (интересы, возраст, пол, социальный статус и др.). И конечно, влияние оказывает специфика предмета и личность педагога. Подчёркивается также, что на учебную мотивацию влияют как внешние (поощрение / наказание), так и внутренние (результат обучения, процесс обучения) факторы.

Мотивация в этой связи становится основой любой деятельности индивидуума, движущим фактором, который определяет путь его развития и выбор средств, необходимых ему для личностного роста и достижения имеющихся целей. Учебная мотивация может пониматься как частный вид мотивации, включенный в учебную деятельность и определяющий потребность учащегося в получении знаний.

Общим можно назвать мнение о том, что мотивацию человека можно поделить на внутреннюю и внешнюю. Е.А. Седова подчёркивает, что при изучении иностранных языков студенты руководствуются двумя видами мотивации: интегративной (желание погрузиться в языковую среду, стать частью культуры, когда изучение языка позволяет погрузиться в культурную идентичность страны) и инструментальной (язык становится практическим инструментом, позволяющим достигать личностных и профессиональ-

ных целей)¹. Отметим, что оба вида мотивации неразрывно связаны, существуют только совместно, но заметна существенная тенденция к преобладанию инструментальной мотивации. Следует также подчеркнуть, что внутренняя мотивация влияет на эффективность овладения иностранным языком - на саму образовательную деятельность и её процесс.

Многие исследователи обращают внимание на то, что в контексте учебной мотивации возможно деление последней на «положительную» и «отрицательную», что также связывается с внутренним ощущением человека при совершаемом им действии. Интересной в этой связи видится теория, которую предложил американский психолог и специалист в области мотивации Дж. Аткинсон [1]: в проводимых им экспериментах мотивация представлена с точки зрения потребности в успехе. Результаты исследования заключались в том, что доказательными характеристиками мотивации стали личностные мотивы: потребность в достижении успеха / потребность в избегании неудачи. Дж. Аткинсон подчеркнул, что на выбор определенной модели влияет также такая личностная характеристика, как тревожность, степень которой возможно выявить при проведении различных опросов и тестирования.

Мотивационная система в лингводидактике рассматривается в контексте психологических основ методики обучения. В.К. Вилюнас [10] отмечает, что непосредственно мотивация человека, в отличие от биологической мотивации, всегда отвечает запросам и требованиям общества. В.К. Вилюнас подчёркивает, что человеческая мотивация обусловлена такими свойствами, как речь, сознание,

интеллект, воля, что отличает мотивацию человека от мотивации животных. Исследователь выделяет такие отличительные признаки мотивации человека, как полимотивированность, подчинение мотивов друг другу и их иерархическую организацию, заменяемость одних мотивов другими, их изменчивость. Отмечается, что мотивации характерна обусловленность такими внешними факторами, как воспитание, навязывание идеалов, похвала / порицание – всё это обуславливает формирование социальной, а не биологической мотивации, характерной именно для человека. Также человека характеризует и такой фактор, как самовоспитание, субъективно воздействующее на мотивацию. Так, например, педагогические принципы андрагогики включают особые требования к эффективности преподавателя, что в числе прочих позволяет взрослым учащимся добиваться продуктивных результатов, и тем самым формировать устойчивую мотивацию к обучению.

Итак, мотивация является ключевым фактором при достижении успеха в обучении. Л.С. Выготский [11] отмечал, что необходимо заинтересовать учащегося, прежде чем вовлекать его в какую-либо деятельность. И ключевым вопросом в этом являются отношения между обучающимся и преподавателем: необходимо создавать комфортные условия для обучения, выявлять потенциал обучающихся, поддерживать положительную атмосферу в процессе обучения благодаря посильным задачам, тем самым проектируя ситуацию успеха. Знание типа мотивации конкретного ученика позволяет формулировать и ставить задачи таким образом, чтобы с наибольшей степенью вероятности такие задачи были выполнены. Такой подход позволяет выбрать в дальнейшем и систему поощрений, наиболее подходящую каждому ученику.

На сегодняшний день получение высшего образования для многих является средством достижения профессио-

¹ Седова Е.А. Особенности интегративной и инструментальной мотивации обучения иностранному языку у девушек и юношей – студентов технического вуза: дис. ... канд. психол. наук. Нижний Новгород, 2012. 214 с.

нальных успехов. Отмечается, что «Современные мировые образовательные стандарты призваны обеспечить подготовку высококвалифицированного специалиста, творческого индивида, хорошо ориентирующегося и адаптирующегося к глобальным изменениям в мире» [12, с. 152]. Изучение языков в рамках активно развивающегося в условиях глобализации общества выходит на первый план для многих студентов, стремящихся к успешной самореализации в любой сфере. Как отмечает И.А. Лешутина, «Путь от цели к результатам обучения – это последовательное движение вверх, ступени к успеху в изучении иностранного языка. Гарантия успеха напрямую связана с эмоциональной вовлечённостью учащихся в процесс обучения» [13, с. 18]. Именно поэтому важно понимать мотивы и цели при изучении иностранного языка, что тем самым позволит удерживать / повышать мотивацию учащихся на каждом этапе обучения, правильно выстраивать мотивационную систему, которая будет являться частью всего процесса обучения и определит в конечном итоге вектор достижения цели для каждого ученика.

Важным для воздействия на мотивацию в процессе обучения является также понимание её видов, структуры и прочих составляющих. Советский учёный-психолог и педагог П.М. Якобсон разделяет учебную мотивацию на три группы: побуждаемую внутренними (мотивация, обусловленная внутренними мотивами, которые присущи самой деятельности), внешними (она связана с моральными, гражданскими, социальными мотивами) и личными факторами. Взаимодействие этих видов мотивации видится как наиболее продуктивная ситуация при обучении. П.М. Якобсон в своих исследованиях обращается к понятию «социальные установки», которые рассматриваются в качестве мотивирующего фактора поведения [14]. П.М. Якобсон под-

чёркивает, что воспитание человека должно влиять на мотивы его поступков. Соответственно мотивация обучающегося влияет на его нравственные побуждения, которые становятся активизаторами его учебного поведения. Таким образом, обучение РКИ должно становиться мотивацией не только к получению знаний, но и к формированию нравственного образа у человека. Хотя это и является более сложной задачей, но формирование нравственных ориентиров личности в процессе обучения влияет и на выбор жизненных целей, действий, направленных на их реализацию, что отражается и на обучении в целом.

Необходимо учитывать, что мотивация взрослых кардинальным образом отличается от детской мотивации. Л.И. Божович [15], анализируя мотивацию обучающихся разного возраста (от младших школьников до старших школьников и взрослых обучающихся), сравнивает изменение их мотивов в обучении. У старших школьников преобладают социальные мотивы, которые заключаются в потребности к самореализации, к получению практических знаний и навыков, связанных с их интересами, ориентация на будущее: их мотивы обусловлены и самой познавательной потребностью, так как осознаётся польза от получаемых знаний. Л.И. Божович также выделяет особенности и пути развития потребностей человека: изменение положения в жизни, в системе взаимоотношений с окружающими, предъявление различных требований и ожиданий. Это характерно как для детей, так и для взрослых, так как у каждого человека со временем изменяются особенности образа жизни – появляется новый опыт, меняется уровень психического развития - потребности могут меняться при освоении новых форм поведения, при получении новых навыков. И наконец, сами потребности внут-

ренне меняются и развиваются, становясь более сложными.

Для нашего исследования наиболее значимой видится мотивация взрослых учащихся, изучающих РКИ, поэтому первостепенно выделить те ключевые факторы, которые влияют на этот процесс. Такими факторами становятся следующие моменты: практическое применение знаний, видение потенциальной пользы от изучения РКИ, учёт и реализация ожиданий и интересов, взаимодействие учащегося и преподавателя. Одним из первых исследователей, который стал работать в сфере обучения взрослых, был американский педагог М. Ноулз [16]. В его научных исследованиях обоснованы отличительные характеристики, которые отражают особенности обучения взрослых и являются мотивирующими факторами в обучении для данной целевой группы: автономность, саморегуляция, помощь преподавателя (при необходимости) – «преподаватель как помощник», необходимость учёта ожиданий, реализация интересов, ответственность, лидерство, самовыражение и самопрезентация, индивидуальные траектории обучения, проекция имеющегося опыта на актуальный процесс обучения, направленность на четко поставленную цель, ценность обучения, уместность учебного материала, практическая направленность, уважение личности обучающегося.

Следует обратить внимание на критерии мотивации учебной деятельности, которые являются основой формирования у обучающихся интереса к изучаемым дисциплинам. Это те составляющие учебного процесса, от которых также зависит успешность освоения учебной программы: содержание учебного материала; форма деятельности и педагогические технологии, используемые на занятии; особенности самостоятельной деятельности студента; мотивация и организация этой деятельности, которая является

чрезвычайно значимой в изучении иностранного языка; стиль преподавания; учёт индивидуальных особенностей учащихся; атмосфера в учебной группе и ситуация здоровой конкуренции.

Важным аспектом в обучении являются также методические принципы, которым следует современный преподаватель в практике обучения РКИ: принцип коммуникативности, при котором сам учебный материал должен мотивировать студентов к общению, вызывать желание задавать вопросы, обсуждать и комментировать изучаемое; принцип доминирующей роли упражнения во всех сферах овладения языком для закрепления изученного материала на практике с целью формирования коммуникативной компетенции; принцип взаимосвязанного обучения видам речевой деятельности; принцип интенсивности, так как только при регулярном обучении возможно добиться устойчивых и качественных результатов; принцип концентризма; принцип наглядности, подразумевающий использование различных видов материалов для лучшего закрепления знаний и формирования навыков; принцип активности, когда учащийся является активным участником процесса обучения.

На основе описанных мотивов, принципов и критериев мотивации учащихся авторами статьи был проведен опрос среди студентов-инофонов-нефилологов, изучающих русский язык на 1 и 2 курсах бакалавриата и магистратуры, с целью выявления наиболее важных для них мотивов при изучении РКИ. Такое исследование позволит в дальнейшем говорить о выделении общих и специфических мотивирующих факторов: индивидуализация обучения, профориентированное обучение, самостоятельное vs групповое обучение, очная / смешанная / дистанционная форма обучения и т.п. Все эти параметры можно рассматривать в связи с особенностями общего интеллектуально-

го, культурного и эмоционального развития, индивидуальных особенностей и жизненных установок учащихся. Результаты этого опроса представлены ниже.

Как было уже отмечено выше, большая часть опрошенных обучается в бакалавриате и оценивает свои знания по русскому языку как стартовые (40.9% - начальный этап) или средние (45.5% - продвинутый этап).

Отвечая на вопрос о том, что является самым важным в изучении языка, большая часть опрошенных выбрала ответы «мне важно правильно выполнять задания» (63.6%) и «я люблю узнавать что-то новое и интересное» (54.5%). Для большого количества опрошенных в приоритете оказалось получать хорошие оценки (40.9%), но только малая часть респондентов отметила, что они предпочитают избегать плохих результатов (9.1%). Можно сделать вывод, что положительная мотивация, основанная на интересе, вовлечённости и измеримых результатах является для обучающихся более важной, чем отрицательная мотивация, выраженная в избегании учебных неудач.

Отвечая на вопрос «Для чего вы изучаете русский язык?», многие опрошенные выбирали такие варианты ответа, как «Русский язык помогает мне понять, чем я хочу заниматься» (50%), «Я хочу получить хороший диплом, образование, русский язык мне помогает» (50%), «Я люблю русский язык, культуру, хочу узнать об этом больше» (54,5%). Всё это подтверждает наше суждение о том, что заинтересованность студентов основана на положительном восприятии русского языка и культуры, обучение РКИ становится способом самопознания и самоопределения, помогает реализовать свои возможности и обеспечить лучший уровень жизни.

Оценивая аспекты, которые оказались наиболее важными для студентов на

занятиях РКИ, мы отметили, что большая часть реципиентов выделила такие позиции, как стиль преподавания и личность самого преподавателя (59.1%), также многие (54.5%) выбрали вариант «Я должен понимать, что задания полезны: они научат меня новому...». Приоритет выбора отражает особенности мотивации взрослых учащихся – им требуется видеть пользу в получаемых знаниях, формировать жизненно устойчивые навыки. Многие реципиенты отмечали важность использования актуальных и интересных текстов на занятиях (40.9%), включение в занятие разнообразных форм работы (45.5%).

Выводы

На сегодняшний день можно утверждать, что мотивация в изучении русского языка как иностранного всегда обусловлена определёнными потребностями, такими как реализация интересов обучающихся, практическое применение полученных навыков и знаний, осознание цели и задач обучения языку, составление индивидуальной учебной траектории, достижение измеримых и видимых результатов и т.п., в зависимости от чего далее определяются характер и направление деятельности. Кроме того, один мотив может реализовывать различные потребности. Например, поощрение или положительная оценка в качестве мотива может влиять на потребность в общественном признании, одобрении от авторитета / преподавателя и отсюда в повышении самооценки, устойчивой уверенности в будущем (хорошие оценки помогают поступить в хороший вуз). Поэтому внешние объекты могут становиться факторами, стимулирующими активность человека, так как они позволяют реализовать широкий спектр потребностей.

Понимание роли каждого учащегося и адекватная оценка уровня его владения иностранным (русским) языком в процес-

се обучения даёт возможность преподавателю составить / предложить индивидуальные учебные траектории, которые, в случае их реализации, помогут достижению поставленных целей и созданию продуктивной образовательной среды. Отсюда следует, что позитивное и положительное отношение к учёбе является важным фактором, повышающим степень вовлечения в учебный процесс и интерес к обучению. Именно в таких условиях человек способен добиваться наилучших результатов и развиваться как в личностном, так и в профессиональном плане, поэтому формирование мотивированной личности – одна из ключевых задач в контексте современного языкового образования. Задача, решать которую предстоит каждому преподавателю.

Выделенные нами мотивы к изучению языка, критерии мотивации учащихся и принципы лингводидактики являются

основой для оценки методов, технологий и инструментов, используемых в современной практике РКИ. Значимым фактором является необходимость учёта индивидуальных особенностей учащихся, так как именно мотивация, выстроенная в соответствии с личностными характеристиками и сопутствующая целям и задачам обучения, позволит каждому ученику добиваться наиболее продуктивных результатов на занятиях РКИ. Тенденции к использованию индивидуального подхода, построению личных траекторий, применению современных цифровых образовательных инструментов позволяют реализовать представленные в данной статье критерии учебной мотивации, что окажет положительное влияние на формирование всего спектра коммуникативных компетенций студентов, повышая в целом на всех уровнях результат обучения русскому языку как иностранному.

Список литературы

1. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. М.: Педагогика, 1986. Т. 1. 632 с.
2. Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и эмоции. М.: МГУ, 1971. 40 с.
3. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2010. 713 с.
4. Актуальные вопросы формирования интереса в обучении / под ред. Г.И. Щукиной. М.: Просвещение. 1984. 176 с.
5. Макевнина И.А., Павловская И.Г. Мотивация в формате дистанционного обучения в процессе преподавания русского языка как иностранного // Известия ВГПУ. 2022. №2 (165). С. 96-99.
6. Левин К. Динамическая психология: избранные труды. М.: Смысл, 2001. 572 с.
7. Мандель Б.Р. Педагогическая психология: ответы на трудные вопросы. Ростов н/Д.: Феникс, 2007. 384 с.
8. Кружилина Т.В., Звягинцева В.В. «Blended Learning» в рамках дистанционного обучения в вузе // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2021. Т. 11, no 2. С. 111-122.
9. Зимняя И.А. Педагогическая психология. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. 348 с.
10. Вилюнас В.К. Психология развития мотивации. СПб.: Речь, 2006. 458 с.
11. Выготский Л.С. Педагогическая психология. М., 1996. 340 с.
12. Андреева О.А., Рейнгардт Н.В. Виртуальная реальность как коммуникативное пространство в процессе дистанционного обучения иностранным языкам // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, No 1. С. 148-158. <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2022-12-1-148-158>

13. Лешутина И.А. Мотивация к дистанционному изучению иностранных языков как вызов современности и слагаемые успеха // Русский язык за рубежом. 2020. № 2. С. 15–18.
14. Якобсон П.М. Психологические проблемы мотивации поведения человека. М.: Просвещение, 1969. 317 с.
15. Божович Л.И. Проблемы формирования личности: Избранные психологические труды / под ред. Д.И. Фельдштейна. 3-е изд. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. 352 с.
16. Knowles M. S. The modern practice of adult education: From pedagogy to andragogy. Englewood Cliffs: Prentice Hall/Cambridge. 1980. 62 с.

References

1. Hekkhauzen H. Motivation and activity. Moscow: Pedagogika; 1986. Vol. 1. 632 p. (In Russ.)
2. Leont'ev A.N. Needs, motives and emotions. Moscow: MGU; 1971. 40 p. (In Russ.)
3. Rubinshtejn S.L. Fundamentals of General Psychology. St. Petersburg: Piter; 2010. 713 p. (In Russ.)
4. Shchukinoj G.I. (eds.). Current issues of interest formation in education. Moscow: Prosveshchenie; 1984. 176 p. (In Russ.)
5. Makevnina I.A., Pavlovskaya I.G. Motivation in the format of distance learning in the process of teaching Russian as a foreign language. *Izvestiya VSPU = Izvestiya VGPU*. 2022;(2):96-99. (In Russ.)
6. Levin K. Dynamic psychology: selected works. Moscow: Smysl; 2001. 572 p. (In Russ.)
7. Mandel' B.R. Educational psychology: answers to difficult questions. Rostov n/D.: Fenik; 2007. 384 p. (In Russ.)
8. Kruzhilina T.V., Zvyaginceva V.V. "Blended Learning" as part of distance learning at a university. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics* 2021;11(2):111-122. (In Russ.)
9. Zimnyaya I.A. Educational psychology. Rostov-na-Donu: Feniks; 2000. 348 p. (In Russ.)
10. Vilyunas V.K. Psychology of motivation development. St. Petersburg: Rech'; 2006. 458 p. (In Russ.)
11. Vygotskij L.S. Educational psychology. Moscow; 1996. 340 p. (In Russ.)
12. Andreeva O.A., Rejngardt N.V. Virtual reality as a communicative space in the process of distance learning of foreign languages. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2022;12(1):148-158. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2022-12-1-148-158>
13. Leshutina I.A. Motivation for distance learning of foreign languages as a challenge of modernity and components of success. *Russkij yazyk za rubezhom = Russian language abroad*. 2020;(2):15–18. (In Russ.)
14. Yakobson P.M. Psychological problems of motivation of human behavior. Moscow: Prosveshchenie; 1969. 317 p. (In Russ.)
15. Bozhovich L.I. Problems of personality formation: Selected psychological works. D.I. Fel'dshtejna (ed.). 3-e izd. Moscow: Moskovskij psihologo-social'nyj institute; Voronezh: NPO MODEK; 2001. 352 p. (In Russ.)

16. Knowles M. S. The modern practice of adult education: From pedagogy to andragogy. Englewood Cliffs: Prentice Hall/Cambridge; 1980. 62 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Лешутина Ирина Анатольевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры методики преподавания русского языка как иностранного, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: IALeshutina@pushkin.institute,
ORCID: 0000-0002-3432-2994,
Researcher ID ABQ-3874-2022

Лёвушкина Анна Максимовна, аспирант, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: amlyovushkina@mail.ru,
ORCID: 0009-0003-0914-7121,
Researcher ID JFJ-8072-2023

Irina A. Leshutina, Grand PhD, Doctor of Sciences (Philological), Professor, Professor of Departments of Teaching Russian as a foreign language, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation,
e-mail: IALeshutina@pushkin.institute,
ORCID: 0000-0002-3432-2994,
Researcher ID ABQ-3874-2022

Anna M. Lyovushkina, Post-Graduate Student, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation,
e-mail: amlyovushkina@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-9240-8948
Researcher ID JFJ-8072-2023

Оригинальная статья / Original article

УДК 159.9.07

<https://doi.org/10.21869/2223-151X-2024-14-2-127-143>

Психологические особенности личности медиатора

Н.В. Тарасова¹ ✉

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: nadia-79@bk.ru

Резюме

В течение двадцатого века, ознаменованного одними из самых трагических войн за всю историю человечества, люди больше стали обращаться к урегулированию конфликтов посредством переговоров. В данный период медиация, разбирательство, посредничество, переговоры, представляющие собой альтернативные способы разрешения конфликтов, стали интенсивно формироваться и развиваться.

Под медиацией рассматриваются переговоры, в которых принимает активное участие некий независимый посредник, основная цель которого состоит в грамотном построении коммуникационного процесса и перехода конфликта в плоскость конструктивного межличностного взаимодействия.

Цель данной статьи заключается в сопоставительном психологическом анализе практического опыта функционирования института медиации на базе российских судов общей юрисдикции.

Благодаря проведенному психологическому эксперименту были даны основные характеристики института медиации как части судебного примирения; рассмотрены личностные особенности в деятельности медиатора; проанализирована практика медиации на примере Старооскольского городского суда Белгородской области, Арбитражного суда Белгородской области, Белгородского областного суда, Яковлевского районного суда, Октябрьского районного суда города Белгорода, Губкинского городского суда, Белгородского районного суда; даны сравнительные личностные характеристики и стили поведения судей и медиаторов; проведен анализ результатов психологической диагностики медиаторов, работающих в судах и судей общей практики.

В исследовании использовались следующие методики: тест «Самооценка психических состояний» Г. Айзенка; тест «Коммуникативные и организаторские склонности», авторы В.В. Синявский, В.А. Федорошин (КОС); опросник «Стиль поведения в конфликте» К. Томаса, Р. Килманна; авторская анкета исследования работы судей общей юрисдикции и медиаторов, работающих в судах.

В проведенном исследовании были применены разнообразные методы анализа полученной информации, включая качественные и количественные подходы, а также математические методы обработки данных.

Ключевые слова: институт медиации; организационный конфликт; добровольность; соглашение; стрессоустойчивость; конфликтоустойчивость.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Тарасова Н.В. Психологические особенности личности медиатора // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2024. Т. 14, № 2. С. 127-143. <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2024-14-2-127-143>.

Статья поступила в редакцию 20.03.2024 Статья подписана в печать 08.04.2024

Статья опубликована 28.06.2024

Psychological characteristics of the mediator's personality

Nadezhda V. Tarasova¹ ✉

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: nadia-79@bk.ru

Abstract

During the twentieth century, marked by some of the most tragic wars in human history, people began to turn more to settling conflicts through negotiations. During this period, mediation, litigation, mediation, negotiations, which are alternative methods of conflict resolution, began to intensively form and develop.

Mediation is considered negotiations in which an independent mediator takes an active part, the main goal of which is to competently structure the communication process and transition the conflict to the plane of constructive interpersonal interaction.

The purpose of this article is a comparative psychological analysis of the practical experience of the functioning of the institution of mediation on the basis of Russian courts of general jurisdiction.

Thanks to the conducted psychological experiment, the main characteristics of the institution of mediation as part of judicial reconciliation were given; personal characteristics in the activities of a mediator are considered; the practice of mediation is analyzed using the example of the Stary Oskolsky City Court of the Belgorod Region, the Arbitration Court of the Belgorod Region, the Belgorod Regional Court, the Yakovlevsky District Court, the Oktyabrsky District Court of the city of Belgorod, the Gubkinsky City Court, the Belgorod District Court; comparative personal characteristics and behavioral styles of judges and mediators are given; An analysis of the results of psychological diagnostics of mediators working in courts and general practice judges was carried out.

The following methods were used in the study: G. Eysenck's «Self-Assessment of Mental States» test; test «Communicative and organizational aptitudes», authors V.V. Sinyavsky, V.A. Fedoroshin (KOS); questionnaire «Behavior style in conflict» by K. Thomas, R. Kilman; author's questionnaire to study the work of general jurisdiction judges and mediators working in courts.

In the presented study, various methods of processing the obtained data were used, including qualitative and quantitative, and mathematical approaches.

Keywords: Institute of mediation; organizational conflict; voluntariness; agreement; stress resistance; conflict resistance.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Tarasova N. V. Psychological characteristics of the mediator's personality. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2024; 14(2): 127–143 (In Russ.). <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2024-14-2-127-143>.

Received 20.03.2024

Accepted 08.04.2024

Published 28.06.2024

Введение

Выделяют определенные методы юридической практики, отличающиеся от властно-распорядительной формы выхода из конфликтных ситуаций. Российские суды практикуют их применение. Данная группа методов призвана уменьшить объем каждодневной работы судей и вывести решение дел на уровень досудебного разбирательства.

В настоящее время акцентируется внимание на дополнительных методах урегулирования конфликтов, таких как [1, с. 68]:

1. Претензионный порядок – метод досудебного разрешения споров, который включает направление письменных предложений между сторонами конфликта с целью урегулирования, может быть применен по желанию сторон или в соответствии с законодательством. Этот метод

предоставляет сторонам возможность разрешить спор без обращения в суд.

2. Переговоры – процедура построения конструктивного коммуникативного взаимодействия между конфликтующими сторонами, с участием третьей нейтральной стороны. Целью переговорного процесса при этом выступает выработка совместного плана действий по разрешению конфликта.

А.Д. Карпенко интерпретирует переговоры как сложный процесс взаимодействия, включающий в себя адекватную коммуникацию, эффективное просвещение и ответственное использование власти с целью совместной разработки, обмена и последующего выполнения конкретных обязательств. Этот подход способствует формированию реалистичных и устойчивых соглашений между сторонами [2, с. 6].

Переговоры могут рассматриваться как отдельный метод урегулирования конфликтов, а также использоваться в качестве важного компонента других процессов, включая медиацию.

3. Медиация представляет собой эффективный метод разрешения конфликтов, основанный на принципе участия третьего, нейтрального по отношению к сторонам лица – медиатора. Медиатор приглашается в процесс с целью облегчения коммуникации между сторонами и стимулирования продуктивного диалога. С помощью специальной процедуры, направленной на поиск взаимоприемлемых решений, медиатор помогает сторонам достичь согласия и заключить медиативное соглашение. Такой подход способствует эффективному разрешению споров и обеспечивает участникам процесса возможность самостоятельно контролировать итоговый результат. В Федеральном законе от 27.07.2010 №193-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», в ст.2 дается следующие определение: «процедура медиации – способ

урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения».

4. Так же, альтернативой традиционному судебному процессу является Третейский суд. Согласно положениям статьи 2 Федерального закона от 24.07.2002 № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации», «Третейский суд – это постоянно действующий или образованный сторонами для решения конкретного спора суд, инициирующий третейское разбирательство – процесс разрешения спора в третейском суде и принятия решения третейским судом» [3, с.20].

Перечисленные выше методы являются альтернативными способами разрешения правовых споров, представляющими собой совокупность процедур, направленных на достижение взаимоприемлемого результата в правовом конфликте. Эти методы не включают в себя характеристики судебного разбирательства и могут применяться до, во время или после судебного процесса¹.

В современном мире выделяются два ведущих подхода к реализации медиации в судебной системе [4, с. 41]:

– «частная медиация в рамках судебного процесса» или медиация судебных споров. При использовании медиации в судебной системе возможно два сценария: либо привлечение профессионального медиатора, либо передача дела в специализированную организацию медиаторов;

– в рамках судебной медиации, осуществляемой судебным работником, предусмотрена возможность участия судьи в качестве медиатора, получившей название «медиация, инкорпорированная в судебный процесс».

¹ Романенко М.А. Альтернативные формы разрешения правовых конфликтов в сфере прав человека и гражданина: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов. 2020. С. 51.

В 2006 году была принята Концепция Федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России» 2007-2011 годы, где в целях повышения «качества и обеспечения доступности правосудия предлагалось развивать внесудебные и досудебные способы урегулирования конфликтов, в том числе медиацию».

Согласно положений части 1 ФЗ №193, медиация может быть применена для укрепления взаимовыгодных отношений, создания этических стандартов в деловой сфере и содействия гармонии в обществе. Обычно установленный срок для проведения процедуры медиации составляет 60 дней, что является стандартной практикой. В случае сложного правового спора, возможно, продление срока медиации, однако общая продолжительность процесса не должна превышать 180 дней. Если стороны обращаются к медиатору и осознают, что медиация не приведет к желаемому результату, имеется возможность досрочно завершить процесс. Также медиатор вправе отказаться от продолжения переговоров ввиду их нецелесообразности, по его мнению.

Для участия в процессе медиации необходимо соблюдение определенных критериев и условий, которые определяют статус участника в данной процедуре [5, с. 72]:

- участник – субъект правовых отношений, исключенный из области защиты в рамках конституционного и уголовного процесса;
- между субъектами правовых отношений возник правовой конфликт;
- спор, вытекающий из правоотношения, подпадает под категорию споров, которые в соответствии со ст. 1 Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» подлежат урегулированию с применением процедуры медиации;
- каждая из сторон юридического спора выразила желание разрешить кон-

фликт путем проведения процедуры медиации.

Медиация имеет две модели имплементации в правовую систему, которые варьируются от предпосылок к возникновению и самого внедрения [6, с. 290]:

1) англо-саксонская (Великобритания, Канада, США, Новая Зеландия). В данной концепции медиация рассматривается как единая технология урегулирования правовых споров, что приводит к отсутствию четкого законодательного регулирования данного процесса;

2) континентальная (Франция, Германия, Норвегия и др.). В данном контексте медиация рассматривается как установленный законодательством процесс, который служит альтернативой возможному уголовному преследованию.

Российская Федерация относится к континентальной модели. Издан специальный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 №193-ФЗ, вступивший в силу 1 января 2011 года. Нормы, регламентирующие медиацию, присутствуют в ГПК, АПК. Приняты рекомендации Министерства образования и иные нормативные акты.

А.Д. Карпенко, Е.А. Меренкова отмечают, что медиация опирается на такие принципы, как [7, с. 282-286]:

1. Добровольность. Ведущий принцип медиации, при котором медиатор и стороны участвуют в процессе по своему желанию. За сторонами конфликта сохраняется право выйти из процесса, если они сочтут это необходимым, так что давление на стороны не оказывается. Право выйти из процесса сохраняется и за медиатором во время проведения всего процесса, если он сочтёт, что переговоры ни к чему не приведут.

2. Нейтральность. Медиатор представляет собой нейтрального посредника между сторонами, лишённого интереса к исходу дела и не имеющего никаких связей (материальных, физических, родственных)

с любой из сторон. В случае наличия таких обстоятельств, медиатор обязан отказаться от участия в процедуре.

3. Равноправие сторон. В процессе медиации стороны равноправно участвуют в выдвижении предложений, их обсуждении и принятии решений. При различии статуса и материального положения сторон, медиатор должен гарантировать баланс сил, чтобы избежать чувства доминирования одной стороны и угнетения другой.

4. Конфиденциальность. Все, что будет сказано в процессе, остаётся в месте его проведения. По завершении процесса медиации медиатор уничтожает все записи, сделанные им в ходе процесса, и не вносит обсужденные материалы за стол переговоров. Чтобы обеспечить неразглашение информации между сторонами можно заключить дополнительное соглашение о конфиденциальности.

Согласно федеральному закону «О процедуре медиации», медиатор – это «независимое физическое лицо, независимые физические лица, привлекаемые сторонами в качестве посредников в урегулировании спора для содействия в выработке сторонами решения по существу спора» (ФЗ 193, ст. 2, п. 3). Существует также профессиональный стандарт медиатора (рег. № 307 Приказ Минтруда № 041н от 15.12.2014), который утверждает, что осуществлять деятельность медиатора на профессиональной основе может любой гражданин Российской Федерации старше 25 лет с любым высшим образованием, который получил дополнительное профессиональное образование по медиации и сдавший квалификационный экзамен [8, с. 12].

О.В. Аллаhverдова и А.Д. Карпенко выделяют следующие функции медиатора:

1. Организация процесса медиации включает в себя систематическое и продуктивное проведение переговоров на всех уровнях медиации, координацию процесса, мониторинг выполнения про-

цедурных соглашений и соблюдения нормативных стандартов.

2. Активное слушание предполагает анализ содержания и эмоциональной окраски высказываний сторон конфликта, предоставление обратной связи и разграничение фактов от их толкований и оценок. Для медиатора важно убедиться в корректном понимании высказанного сторонами и наличии достаточной информации для полного понимания конфликта и точек зрения сторон относительно его причин и возможных решений.

3. Анализ конфликта – содействие осознанию ключевых аспектов конфликта сторонами для разрешения конфликтной ситуации; стимулирование выражения точек зрения сторонами; контроль за уровнем детализации информации. Данная функция медиатором осуществляется как в процессе обсуждения формулировки вопросов для переговоров и в центре внимания, также частично на этапе предложений.

4. Контроль выдвигаемых предложений на реалистичность – верификация уровня понимания сторонами заключенных соглашений и их готовности к исполнению.

5. «Адвокат дьявола» – демонстрация сторонам конфликта возможных негативных последствий их чрезмерно жесткой позиции в рамках переговорного процесса. Этот метод также способствует оценке реалистичности возможных исходов разрешения конфликта или предложений.

6. Генератор идей – стимулирование сторон конфликта к генерации идей для разрешения ситуации, а также оказание помощи в поиске альтернативных решений, которые не затрагивали стороны.

7. Расширение ресурсов – медиатор обеспечивает участников переговоров информацией или содействует в поиске соответствующих данных (например, юридических документов и прочего), ко-

торые могут быть одинаково полезны для всех сторон.

8. Обучение сторон процессу ведения переговоров – медиатор инструктирует стороны в развитии навыков аналитического мышления, принятия решений и ведения переговоров, ориентированных на сотрудничество.

9. Оказание сторонам помощи в составлении соглашения – медиатор проводит контроль за точностью структурирования и комплексностью содержания договоренности.

10. Создание и поддержание благоприятного психологического климата – это важная функция медиатора, способствующая эффективному взаимодействию между сторонами конфликта путем предотвращения взаимных оскорблений и проявлений пренебрежения [10, с. 45].

Подводя итоги вышесказанному, можно сделать вывод об успешной интеграции процесса медиативного урегулирования конфликтов в российскую судебную систему как институт с укрепленной нормативно-правовой и кадровой базой. Наличие законодательной поддержки, позволяющей сделать медиацию практически обязательной при сохранении принципа добровольного участия, придает данному методу примирения определенные преимущества. Теоретически, эффективное применение медиативных процедур должно обеспечить конфликтующим сторонам возможность достижения взаимовыгодных решений, а судебной системе – облегчить существующую нагрузку.

Результаты и их обсуждение

Основной целью данного исследования является анализ практического опыта функционирования института медиации на базе российских судов общей юрисдикции.

Гипотеза исследования: судьи, занимающиеся медиаторской деятельностью,

имеют ряд отличительных личностных характеристик.

В нашем пилотажном психологическом исследовании приняли участие 60 человек, имеющих высшее юридическое и психологическое образование и являющиеся судьями городского суда, а также медиаторами в Старооскольском городском суде, а также судах общей юрисдикции Белгородской области в возрасте от 28 до 60 лет.

В ходе данного эмпирического исследования были использованы следующие методы:

1. *Анкета исследования работы судей общей юрисдикции и медиаторов, работающих в судах.* Данная авторская анкета разработана для того, чтобы оценить актуальность и важность существования медиации в судах, выяснить процентное количество решенных проблем с помощью данной процедуры, узнать, какими личностными качествами должен обладать медиатор.

2. *Тест «Самооценка психических состояний» Г. Айзенка.* В рамках данного исследования использовался опросник, нацеленный на анализ следующих психологических характеристик: личностная тревожность, отражающая склонность индивида к переживанию тревоги и порогу возникновения реакции на тревожные стимулы; фрустрация, как психическое состояние, характеризующееся низким настроением, возникающим в результате реальных или воображаемых препятствий, мешающих достижению цели; агрессия, выражающаяся в повышенной психологической активности и стремлении к лидерству путем применения силы в отношении других людей; и ригидность, представляющая собой трудность в изменении плановой деятельности субъекта в условиях, требующих ее пересмотра.

3. *Тест «Коммуникативные и организаторские склонности», авторы В.В. Сивянский, В.А. Федорошин (КОС).* В сферах профессий, связанных с активным меж-

личностным взаимодействием, ключевыми являются коммуникативные и организаторские навыки, которые существенно влияют на успех в труде. Основная задача работников данных профессий заключается в руководстве коллективами, обучении, воспитании, культурно-просветительском и бытовом обслуживании людей и прочее. Анализ результатов испытуемого в данном тесте позволяет выявить индивидуальные особенности его коммуникативных и организаторских способностей.

4. *Опросник «Стиль поведения в конфликте» К. Томаса, Р. Килманна (в адаптации Н.В. Гришиной).* Данный тест разработан с целью анализа индивидуальной склонности к конфликтному поведению и выявления специфических стратегий разрешения конфликтных ситуаций. Данная методика может быть применена в качестве ориентира для исследования адаптационных и коммуникативных особенностей личности, а также стиля межличностного взаимодействия. При анализе ответов респондентов на вопросы нашей авторской анкеты были получены следующие результаты: возраст респондентов составляет от 28 до 60 лет. Должность опрашиваемых: судьи общей юрисдикции – 38 человек; медиаторы, работающие в судах – 22 человека; стаж работы у опрошенных респондентов составляет от 3 до 30 лет. На вопрос, об опыте в медиаторской деятельности положительно ответило 26,5% человек. 70% респондентов рекомендуют сторонам спора обращаться за помощью к медиатору. 80% опрошенных считают, что чаще всего стороны обращаются к медиатору с такими проблемами, как: консультация семейных пар, находящихся в одном шаге от принятия решения о разводе; консультация родителей при спорном вопросе об определении места жительства ребенка, помощь договориться об участии в воспитании ребенка; порядок общения с ребенком после развода родителей; семейные конфликты; трудовые споры. 95% опрошенных считают, что сле-

дует обратиться к медиатору, а не в суд с такими вопросами, как: конфликты, где важна конфиденциальность; вопросы, в решении которых заинтересованы обе стороны; вопросы, где важен короткий срок принятия решения; некоторые семейные конфликты; трудовые споры по поводу изменений условий труда; конфликты неправового характера. По результатам опроса об успешности решаемых спорных вопросов при помощи медиатора – 68% респондентов считают, что при обращении граждан к медиатору, их вопросы не доходят до суда или прекращаются на этапе судебного разбирательства, т.к. являются успешно решенными и закреплёнными договорным соглашением на этапе проведения медиации. По мнению 60% опрошенных, для успешной работы медиатора необходимо обладать следующими качествами: способность завоевывать доверие и уважение со всех сторон; проявление глубокой человеческой порядочности; честность; коммуникабельность; организованность. В то же время, 28% респондентов считают, что более важными являются следующие качества: энергичность; ответственность; умение эффективно взаимодействовать; способность анализировать и делать обобщения; уважение к индивидуальной свободе каждого. 12% опрашиваемых считают, что медиатор должен обладать: креативность, конкретность, независимость.

В результате тестирования испытуемых по методике Г. Айзенка «Самооценка психических состояний», были выявлены следующие результаты, которые наглядно представлены на рис. 1.

Как показано на рис. 1, средний уровень тревожности отмечается у 38% опрошенных, что указывает на то, что это сотрудники, обладающие более или менее спокойным характером и сохраняющие эмоциональное равновесие. Они достаточно активны и общительны, однако иногда возникают случаи беспокойства, необоснованного текущими обстоятельствами.

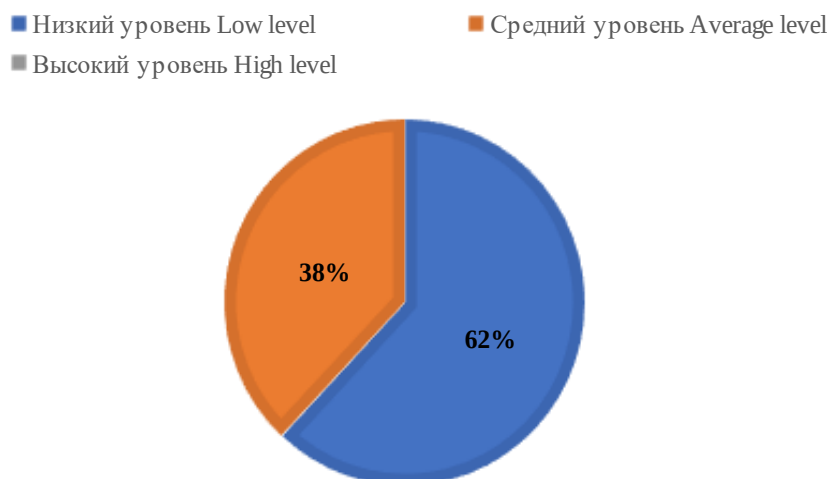

Рис. 1. Распределение респондентов, имеющих опыт модераторской деятельности, в зависимости от уровня тревожности (по методике Г. Айзенка)

Fig. 1. Distribution of respondents with experience in moderating activities depending on the level of anxiety (according to G. Eysenck method)

Низкий уровень тревожности наблюдается у большинства медиаторов – 62%, они общительны и инициативны, они могут часто восприниматься окружающими как чрезмерно спокойные, им

свойственна сдержанность чувств, они способны максимально расслабиться и достичь точки мобилизации в нужный момент.

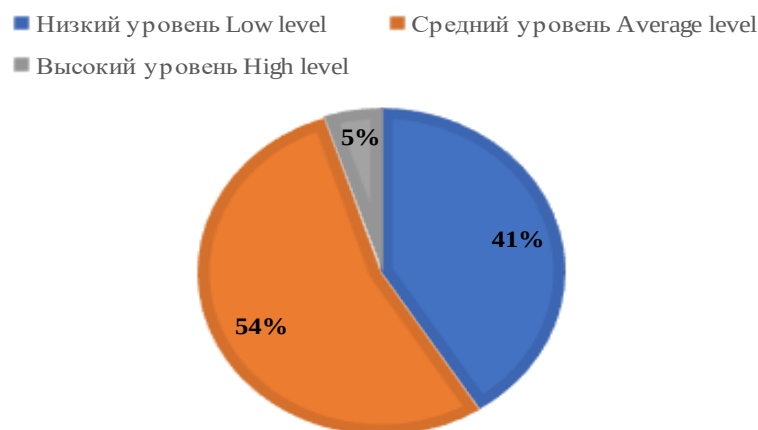

Рис. 2. Распределение респондентов, являющихся судьями общей юрисдикции, в зависимости от уровня тревожности (по методике Г. Айзенка)

Fig. 2. Distribution of respondents who are judges of general jurisdiction depending on the level of anxiety (according to G. Eysenck method)

Как видно из рис. 2, средний уровень тревожности наблюдается у большинства судей – 54%, они наиболее работоспособны преимущественно в ситуациях, к которым уже успели адаптироваться, в которых они знают, как себя вести, знают меру своей ответственности. При возникновении осложнений в ситуации или уве-

личении степени трудностей может возникнуть проблема тревожности и беспокойства.

Низкий уровень тревожности выявлен у 41% судей, это говорит о том, что эти судьи наиболее долгое время занимают данную должность, от чего их опыт больше, они умеют быстро переключать-

ся при принятии решений, а также справляться со стрессом. Высокий уровень тревожности выявлен у 5% респондентов, скорее всего, это судьи, у которых опыт работы на должности судьи составляет менее 5 лет, человеку еще трудно при-

выкнуть к множественным профессиональным этическим ограничениям, огромному множеству дел, поступающих на рассмотрение, и отдаление от окружающих.

■ Низкий уровень Low level ■ Средний уровень Average level ■ Высокий уровень High level

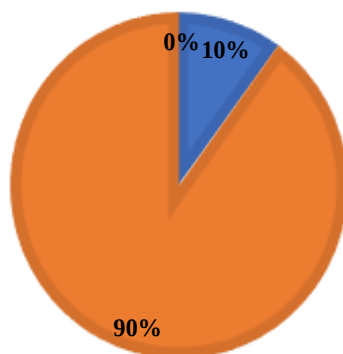

Рис. 3. Распределение респондентов, имеющих опыт медиаторов, в зависимости от уровня фрустрации (по методике Г. Айзенка)

Fig. 3. Distribution of respondents with experience as mediators depending on the level of frustration (according to G. Eysenck method)

Как видно из рис. 3, средний уровень фрустрации наблюдается у 90% респондентов, что говорит о ситуативной устойчивости к неудачам, адекватной оценке различных жизненных ситуаций; не боязнь трудностей. Низкий уровень фрустрации у 9% медиаторов, что свидетельствует о том, что такой человек не всегда

сразу способен найти скорейшее решение проблемы, он может «расклеиться» и не всегда реализовать свои желания. Такие личности эмоционально уравновешенны, но могут быть с завышенной самооценкой. Отсутствует выраженный уровень фрустрации у респондентов.

■ Низкий уровень Low level ■ Средний уровень Average level ■ Высокий уровень High level

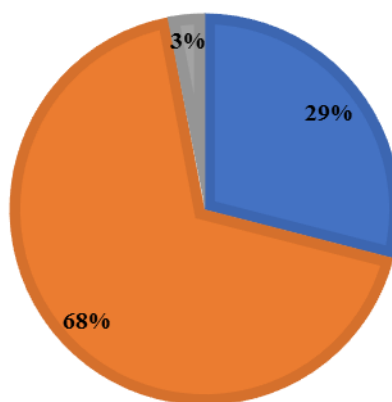

Рис. 4. Распределение судей в зависимости от уровня фрустрации (по методике Г. Айзенка)

Fig. 4. Distribution of judges depending on the level of frustration (according to G. Eysenck method)

Из рис. 4 видно, что у 68% судей наблюдается средний уровень фрустрации, что говорит о нормальной самооценке, эмоциональной адекватности, сознательности и контроле своих эмоций. У 29% респондентов низкий уровень фрустрации, что говорит о сдержанности и сознательности при контроле своего

поведения и эмоций, таким людям свойственно предварительно обдумывать все свои действия. Высокий уровень фрустрации был выявлен у 3% опрошенных, это характеризует их как склонных к агрессии, тревожности и раздражительности.

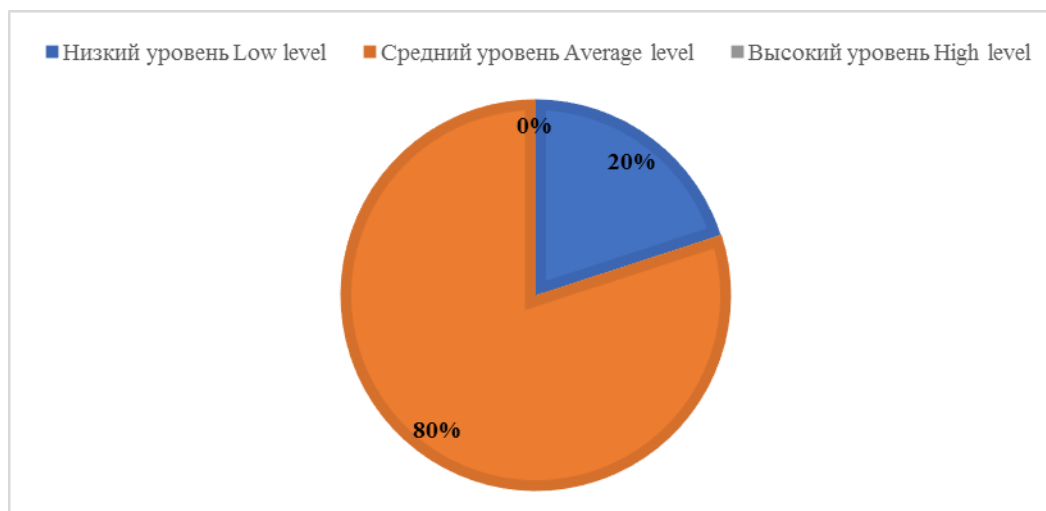

Рис. 5. Распределение респондентов, имеющих опыт медиаторов, в зависимости от уровня агрессивности (по методике Г. Айзенка)

Fig. 5. Distribution of respondents with experience as mediators depending on the level of aggressiveness (according to G. Eysenck method)

Как видно из рис. 5, средний уровень агрессивности наблюдается у большинства медиаторов – 80%, это говорит об уверенности в собственных силах, решительности, самостоятельности, хорошей приспособленности к жизни. У 20% респондентов наблюдается низкий уровень

агрессивности, что означает иногда недостаток решительности в каких-либо делах, возможна недостаточная уверенность в собственных силах. Присутствует стрессоустойчивость. Отмечается отсутствие высокого уровня агрессивности у исследуемых.

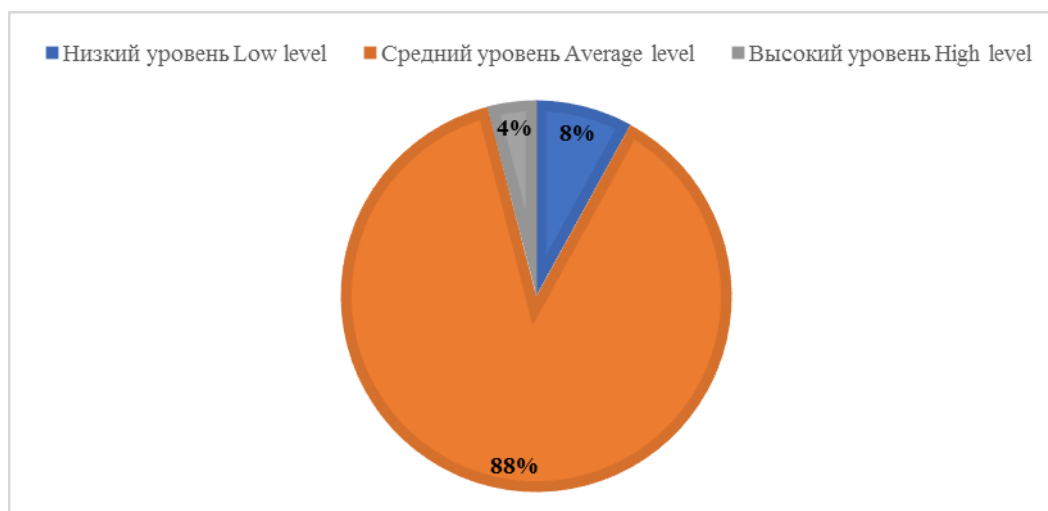

Рис. 6. Распределение судей в зависимости от уровня агрессивности (по методике Г. Айзенка)

Fig. 6. Distribution of judges depending on the level of aggressiveness (according to G. Eysenck method)

Как видно из рис. 6, средним уровнем агрессивности обладает 88% опрошенных, что говорит о среднем уровне стрессоустойчивости, в будущем возможно возникновение чувства фрустрации. В зависимости от ситуации, респонденты могут проявлять черты, как для низкого, так и для высокого уровня агрессивности. У 8% судей низкий уровень агрессивности, а у 4% респондентов выявлен высокий уровень агрессивности, что может быть связано с большой рабочей нагрузкой и вызывать раздражительность и даже гнев.

В группе «медиаторов» выделяются следующие уровни коммуникативных и организационных склонностей:

1) уровень коммуникативных умений: низкий – 0 чел. (0%); ниже среднего – 0 чел. (0%); средний – 7 чел. (38,8%); высокий – 11 чел. (61,1%);

2) уровень организаторских умений: низкий – 1 чел. (5,5%); ниже среднего – 3 чел. (16,6%); средний – 9 чел. (50%); высокий – 5 чел. (27,7%).

Таким образом, преобладающим уровнем коммуникативных умений является высокий уровень, то есть медиаторы стремятся к общению и коммуникации с людьми, не ограничивают круг своих знакомств, умеют организовывать и планировать свою работу, такие люди отличаются глубокой искренностью и открытостью, вызывают чувство доверия и обладают высоким уровнем взаимопонимания, активны, легко приспосабливаются к любым обстоятельствам.

В исследовании организаторских умений медиаторов преобладает средний уровень умений, это означает, что такие люди умеют отстаивать свое мнение, планировать работу, но не всегда это делают. 1 человек (5,5% респондентов) имеет низкий уровень организаторских умений, что означает наличие трудностей с организацией своей деятельности, не стремление к общению с людьми. Высокий уровень организаторских умений характеризуется инициативностью, способ-

ностью брать на себя большую ответственность.

В анализе группы исследователей «судей» были обнаружены разнообразные уровни коммуникативных и организационных навыков:

1. Оценка коммуникативных способностей выглядит следующим образом: уровень низкий выявлен у 5 участников (11,9%); уровень ниже среднего – у 8 человек (19%); уровень средний – у 18 человек (42,8%); уровень высокий – у 11 человек (26,1%).

2. Оценка организаторских навыков участников исследования распределена следующим образом: уровень низкий не выявлен ни у одного участника (0%); уровень ниже среднего – у 4 человек (9,5%); уровень средний – у 15 человек (35,7%); уровень высокий – у 23 человек (54,7%). Доминирующим уровнем коммуникативных умений в группе является – средний уровень, т.е. стремление к общению находится в среднем диапазоне, потенциал их склонностей не отличается высокой устойчивостью.

11 человек (26,1% из опрошенных) обладают высоким уровнем коммуникативных умений, они способны достаточно быстро принимать трудные и сложные решения. Респондентам, обладающим низким уровнем коммуникативных умений, а также уровнем ниже среднего необходимо развивать коммуникативные склонности, ведь они не стремятся к общению, чувствуют себя скованно в новой компании, достаточно закрыты, могут тяжело и долго отходить от обиды.

Что касается результатов исследования организаторских способностей судей, то в большинстве случаев преобладает высокий уровень данных способностей. Такие люди могут сплотить коллектив, вызывают к себе уважение и авторитет, умеют правильно организовывать свою работу, активно принимают участие в общественной деятельности и участвуют в трудных спорах как ведущее звено согласно внутренним устремлениям.

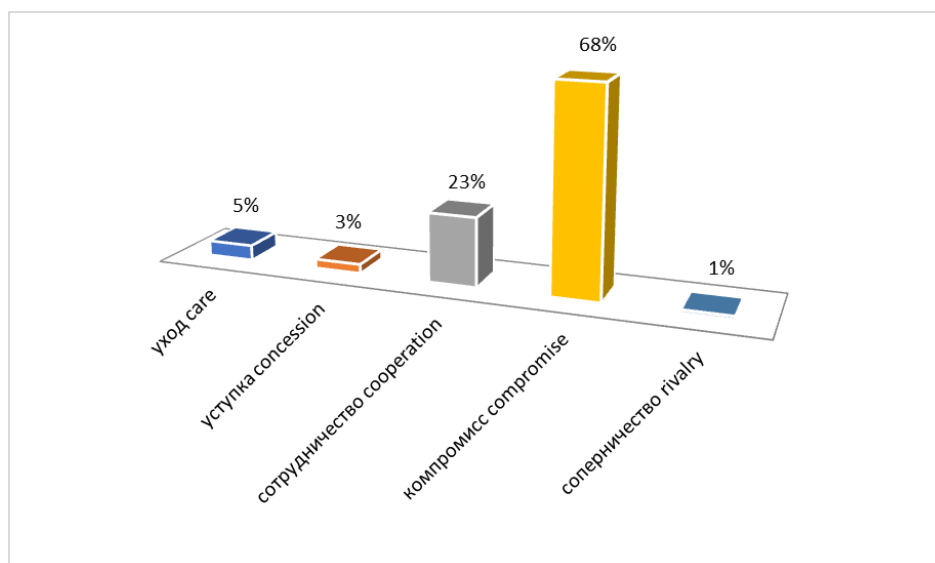

Рис. 7. Модель стратегий поведения в конфликте у медиаторов (опросник К. Томаса, Р. Килманна)

Fig. 7. Model of behavior strategies in conflict among mediators (questionnaire by K. Thomas, R. Kilmann)

Проанализировав результаты исследования, можно отметить, что у работников суда, которые занимаются медиаторской деятельностью, 86% респондентов, преобладает стиль поведения – компро-

мисс, который подразумевает открытое обсуждение мнений и позиций, направленное на поиск решения, наиболее удобного и приемлемого для обеих сторон.

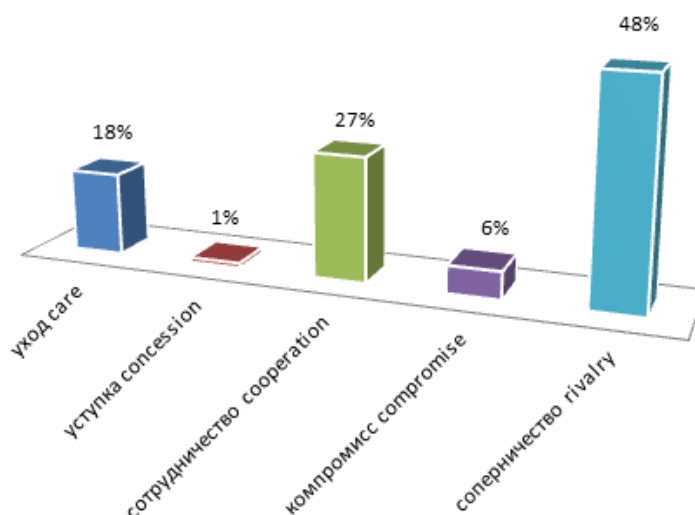

Рис. 8. Модель стратегий поведения в конфликте у судей общей юрисдикции (опросник К. Томаса, Р. Килманна)

Fig. 8. Model of behavior strategies in conflict among judges of general jurisdiction (questionnaire by K. Thomas, R. Kilmann)

Таким образом, можно отметить, что у судей преобладает такой стиль поведения в конфликте, как соперничество, стремление добиться своих интересов в ущерб другому. Данная модель дает шанс реализовать свои сильные стороны. Среди всех стратегий разрешения конфликтов соперничество является самым жестким. Выбирать данную стратегию нужно только тогда, когда есть уверенность в собственных силах и ресурсах и точно знать, что ваше мнение является верным.

Для сравнения результатов ответов респондентов в группе медиаторов и в группе судей общей практики был использован критерий Т-Стьюдента для зависимых выборок. В результате анализа данных были выявлены статистически значимые различия между двумя выборками по показателям тревожности, фрустрации и коммуникативных способно-

стей. А, также такими тактиками поведения в конфликте, как компромисс и соперничество. Информация представлена в табл. 1.

Таким образом, в целом было установлено, что у сотрудников суда, работающих в области медиации, более развиты эмпатичные склонности. Судьи общей юрисдикции обладают незначительно выраженной концентричностью. Мы предполагаем, что такой работник сосредоточен на себе, своей деятельности. Существует вероятная взаимосвязь между концентричностью и высоким уровнем общей интернальности судей, которая может быть обоснована способностью принимать ответственность за происходящее. Этот процесс требует способности концентрироваться на собственных мыслях и проводить анализ текущих событий.

Таблица 1. Эмпирические значения критерия Т-Стьюдента для зависимых выборок

Table 1. Empirical values of the T-Student test for dependent samples

Названия шкал/ Scale names	Среднее значение в группе «Медиаторы»/ Average value in the «Mediators» group	Среднее значение в группе «Судьи общей практики»/ Average value in the group «General practice judges»	Эмпирическое значение критерия/ Empirical value of the criterion	Уровень значимости/ Significance level
Тревожность/ Anxiety	2.6±1.602	4±3.749	-0.11	0.611
Фрустрация/ Frustration	3.8±2.802	5±2.789	-0.25	0.907
Коммуникативные способности/ Communication skills	3.4±1.602	5±3.600	-0.15	0.700
Компромисс/ Compromise	4.8±2.202	8±2.770	-0.29	0.955
Сотрудничество/ Cooperation	3.8±2.602	5±2.589	-0.26	0.902

* - $p < 0,05$

Судьям больше свойственна автономность, чем гетерономность. Автономность предполагает независимость, активность, инициативность, самостоятель-

ность, склонность к доминированию, стремление к достижению успеха и самоутверждению.

Выводы

Примирение представляет собой сложный и многосторонний процесс, требующий внимания и участия как со стороны государства, включая закрепление соответствующих институтов в законодательстве, так и со стороны участников гражданских правоотношений. Данный процесс включает в себя глубокое понимание процедуры примирения, анализ возможных сценариев ее применения, а также оценку потенциальных результатов и последствий, вытекающих из данной процедуры [10, с. 25-29].

Вопросы медиации в Российской Федерации регулирует Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)».

Медиация, как одна из четырех форм примирительных процедур, представляет собой эффективный метод разрешения конфликтов. Несмотря на относительную новизну в российском законодательстве, медиация уже успешно интегрирована в юридическую систему России. Этот процесс характеризуется добровольным и конфиденциальным участием сторон с целью достижения взаимоприемлемого решения и разрешения спора [11, с. 146-147].

Роль медиатора в судебном процессе является существенной, поскольку он способен содействовать сторонам конфликта в достижении мирного соглашения и предотвращении длительных судебных разбирательств. Важно отметить, что процесс медиации отличается тем, что сами участники спора, принимая активное участие в процедуре, самостоятельно разрабатывают возможные варианты разрешения проблемы. Медиатор не является активным участником в процессе принятия решений, не предлагает свои собственные варианты решений и не навязывает сторонам готовые решения. Его роль заключается в управлении и направлении процесса взаимодействия

между сторонами, создавая благоприятные условия для глубокого понимания самих себя и друг друга. Именно это и является одним из необходимых условий для выработки взаимоприемлемого, взаимовыгодного, отражающего реальность, жизнеспособного решения [12, с. 55–57]:

Таким образом, при проведении исследования с целью сравнения личностных характеристик медиаторов, работающих в суде, и судей общей юрисдикции мы пришли к выводам о том, что у большинства медиаторов уровень тревожности, фрустрации и агрессивности ниже, чем у судей. Это говорит о том, что судьи могут находиться в наибольшем напряжении в связи с самим характером работы. Элемент дистанции и отчуждения от окружающих представляет собой важный аспект профессиональной деятельности судьи. Многие новые судьи отмечают, что со временем после назначения их круг общения значительно сокращается. Часто возникают чувства неопределенности, сомнений в собственной профессиональной компетентности и психологического напряжения. Общество формирует определенные ролевые ожидания от образа судьи, представляя его как бесстрастную и лишённую эмоций фигуру, символизирующую нейтральность. Это может стать источником психологического напряжения для многих судей, поскольку они стремятся соответствовать этим ролевым ожиданиям. Ролевые требования в профессии судьи могут подавить личность, особенно ее эмоциональную сторону.

Также по итогам нашего исследования мы выяснили, что у медиаторов преобладает стиль поведения – компромисс. У судей общей юрисдикции наблюдается конкуренция, что свидетельствует о том, что профессиональные этические ограничения, налагаемые на судью с момента вступления в должность, могут стать значительным психологическим бременем. Важно, чтобы судьи были осторожны во взаимодействии с окружающими и со-

блюдали необходимую дистанцию. Даже небольшие неформальные разговоры и шутки могут негативно сказаться на репутации судьи и вызвать сомнения в его нейтралитете. Эти ограничения могут привести к формированию формального стиля общения с окружающими, что требует коррекции поведения и перехода к более кооперативному подходу. Для этого предлагается использовать специальные упражнения, направленные на предотвращение деструктивного поведения и изменение стиля взаимодействия в сторону сотрудничества.

Таким образом, в целом было установлено, что у сотрудников суда, работающих в области медиации, более развиты эмпатичные склонности, то есть способность почувствовать и понять эмоции других людей. Судьи общей юрисдикции обладают значительно выраженной ответственностью и способностью четко концентрироваться на важном. Мы предполагаем, что такой работник сосредоточен на себе, своей деятельности, высоко развита способность принимать ответственность за все происходящее, так как чтобы нести эту ответственность за себя и свои решения, необходимо уметь концентрироваться на своих мыслях, анализировать происходящие события.

Судьи обладают выраженной автономностью, характеризующейся независимостью, активностью, инициативностью, самостоятельностью, склонностью к доминированию, стремлением к достижению успеха и самоутверждению. Судья должен быть честен. Честность – важнейшее требование нравственности. Добросовестность судьи в исполнении его обязанностей включает в себя ряд важных моральных и профессиональных аспектов. В частности, это включает в себя правдивость, принципиальность, убежденность в правильности своих действий и искренность в общении как с другими участниками процесса, так и с самим собой относительно мотивов своего поведения. Ключевым моральным качеством

судьи является высокое чувство долга, которое проявляется в его нравственных обязательствах. Социальный моральный долг судьи заключается в обеспечении справедливого правосудия для всех сторон и участников дела, защиты их прав, свобод и законных интересов, а также обеспечения сохранения их чести и достоинства. Достижение справедливого правосудия возможно только при условии беспристрастного и объективного подхода судьи. Исследование фактов дела и вынесение решений без пристрастия к какой-либо стороне, с уважением ко всем участникам процесса и без вмешательства личных мотивов, является не только требованием закона, но и важным личностным качеством судьи.

Медиатор должен обладать психологической устойчивостью, уметь завоевывать доверие и уважение сторон. Важнейшие качества, которые могут ему в этом помочь, – глубокая человеческая порядочность, уважение к свободе каждого, умение понимать внутренний мир участников и их психологические особенности, умение менять в зависимости от обстоятельств стиль общения, организаторские способности, энергичность, креативность, наблюдательность, умение слушать и слышать, умения взаимодействовать, делать обобщения и анализировать ситуацию.

Но все же, так как судьи находятся в «постоянном» стрессе в связи с рабочей и психологической нагрузкой, мы считаем, что в настоящее время назрела необходимость в создании специализированной службы психологической поддержки в судебной системе всем работникам суда, в том числе и медиаторам, поскольку их пребывание в постоянной стрессовой ситуации, вызываемой большой рабочей нагрузкой, ответственностью за принятие решений и другими обстоятельствами, требует психологической реабилитации. А также существует острая необходимость по увеличению вакантных мест и кадровой базы для осуществления дея-

тельности по медиации в судах. Это улучшит психическое, и даже физическое здоровье людей, которые вершат право-

судие и разрешают самые разные конфликты.

Список литературы

1. Аболонин В.О. Судебная медиация: теория, практика, перспективы. М.: Инфоропик Медиа, 2020. 408 с.
2. Карпенко А.Д. Основы переговорного процесса в курсе обучения медиаторов. СПб., 2020. 377 с.
3. Голубцова Н.В. Особенности развития правового регулирования и практики реализации примирительных процедур // Юридический факт. 2022. № 195. С. 20-23.
4. Гурушкин П.Ю., Сандрачук Я.Ф. Институт медиации в России: проблемы и перспективы // Век информации (сетевое издание). 2020. № 2 (11). С. 41-50.
5. Носова С.Ф. Правовое регулирование медиации // Вестник ХГАЭП. 2011. №2(53). С. 72-77.
6. Калашникова С.И. Медиация в области гражданской юрисдикции. М.: Инфоропик Медиа, 2011. 280 с.
7. Карпенко А.Д., Меренкова Е.А. Современное состояние развития медиации в России // Конфликтология XXI века. Пути и средства укрепления мира: материалы Второго Санкт-Петербургского международного конгресса конфликтологов. Санкт-Петербург, 3-4 октября 2014 г. СПб., 2020. С. 282-286.
8. Загайнова С.К. Совершенствование института примирения в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 7. С. 41-47.
9. Воронов А.Ф. О совершенствовании примирительных процедур // Право в Вооруженных Силах. 2019. № 10. С. 33-39.
10. Павликов С.Г., Флейшер Н.Б. О примирении как функции судебной деятельности // Общество и право. 2019. № 1(51). С. 25-29.
11. Иванова Е.Н. Современная медиация: тенденции и проблемы // Конфликтология. 2022. №1. С.146-167.
12. Скорбунов Л.А. Перспективы развития медиации в Российской Федерации // Universum: экономика и юриспруденция. 2021. № 8(29). С. 50-57.

References

1. Abolonin V.O. Judicial mediation: theory, practice, prospects. Moscow: Inforopik Media; 2020. 408 p. (In Russ.)
2. Karpenko A.D. The basics of the negotiation process in the mediator training course. St. Petersburg, 2020. 377 p. (In Russ.)
3. Golubcova N.V. Features of the development of legal regulation and practice of implementation of conciliation procedures. *Yuridicheskij fakt = Legal fact*. 2022;(195):20-23. (In Russ.)
4. Gurushkin P.Yu., Sandrachuk Ya.F. Institute of Mediation in Russia: problems and prospects. *Vek informacii (setevoe izdanie) = The Age of Information (online edition)*. 2020;(2):41-50. (In Russ.)
5. Nosova S.F. Legal regulation of mediation. *Vestnik HGAEP = Bulletin of the KHGAEP*. 2011;(2):72-77. (In Russ.)
6. Kalashnikova S.I. Mediation in the field of civil jurisdiction. Moscow: Inforopik Media; 2011. 280 p. (In Russ.)

7. Karpenko A.D., Merenkova E.A. The current state of mediation development in Russia. In: *Conflictology of the XXI century. Ways and means of strengthening peace: materials of the Second St. Petersburg International Congress of Conflict Scientists* *Konfliktologiya XXI veka = Puti i sredstva ukrepleniya mira: materialy Vtorogo Sankt-Peterburgskogo mezhdunarodnogo kongressa konfliktologov. Sankt-Peterburg, 3-4 oktyabrya 2014 g. Sankt-Peterburg; 2020. P. 282–286. (In Russ.)*
8. Zagajnova S.K. Improving the institution of reconciliation in the civil process. *Arbitrazhnyj i grazhdanskij process = Arbitration and civil procedure. 2019;(7):41-47. (In Russ.)*
9. Voronov A.F. On improving conciliation procedures. *Pravo v Vooruzhennyh Silah = Law in the Armed Forces. 2019;(10):33-39. (In Russ.)*
10. Pavlikov S.G., Flejsher N.B. On reconciliation as a function of judicial activity. *Obshchestvo i pravo = Society and Law. 2019;(1):25–29. (In Russ.)*
11. Ivanova E.N. Modern mediation: trends and problems. *Konfliktologiya = Conflictology. 2022;(1):146-167. (In Russ.)*
12. Skorbunov L.A. Prospects for the development of mediation in the Russian Federation. *Universum: ekonomika i yurisprudenciya = Universum: economics and Jurisprudence. 2021;(8):50-57. (In Russ.)*

Информация об авторе / Information about the Author

Тарасова Надежда Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры коммуникологии и психологии, Юго-Западный государственный университет, Курск, Российская Федерация, e-mail: nadia-79@bk.ru

Nadezhda V. Tarasova, Candidate of Sciences (Pedagogical), Professor of the Department of Communology and Psychology, Southwestern State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: nadia-79@bk.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 378.183:159.944

<https://doi.org/10.21869/2223-151X-2024-14-2-144-157>

Особенности социальной идентичности волонтеров, занимающихся профессионально-ориентированной добровольческой деятельностью и подверженных эмоциональному выгоранию

Л.Н. Молчанова¹✉, С.И. Королева¹

¹Курский государственный медицинский университет
ул. К. Маркса, д. 3, г. Курск 305000, Российская Федерация

✉ e-mail: molchanowa.liuda@yandex.ru

Резюме

Повышенный интерес к добровольческой деятельности в последнее пятилетие обуславливает значимость данного направления, в том числе и в науке. Изменение социальной ситуации способствует быстрому появлению новых направлений добровольческой деятельности. При этом актуальной является проблема идентификации волонтера с группой как фактор преодоления их эмоционального выгорания. Цель исследования – изучение особенностей социальной идентичности «выгорающих» волонтеров, занимающихся профессионально-ориентированной добровольческой деятельностью. В нем приняли участие 84 волонтера Курского государственного медицинского университета и Ресурсного центра добровольчества Курской области в возрасте от 18 до 23 лет. В экспериментальную группу (ЭГ) вошли студенты лечебного факультета и факультета клинической психологии Курского государственного медицинского университета в возрасте от 19 лет до 23 лет (36 девушек и 6 юношей), занимающихся профессионально-ориентированной волонтерской деятельностью (волонтеры-медики) от 6 месяцев и более. Контрольную группу (КГ) составили 42 волонтера из АНО Ресурсного центра добровольчества Курской области в возрасте от 18 до 23 лет (34 девушки и 8 юношей). Для сбора данных использовали наблюдение и беседу, а также стандартизированные методики диагностики социальной идентичности и эмоционального выгорания. Обработка результатов осуществлялась с помощью компьютерной программы «Statistica 11.0». Эмпирически доказано, что выгорают волонтеры, занимающиеся как профессионально ориентированной, так и непрофессионально ориентированной добровольческой деятельностью. В структуре идентичности «выгорающих» волонтеров доминирующие позиции занимают «Рефлексивное Я» и «Социальное Я». Вместе с тем профессионально-ориентированные волонтеры в первую очередь отождествляют себя с учебно-профессиональными ролями, а непрофессионально-ориентированные – с семейными. Для профессионально-ориентированных волонтеров преобладающим типом социальной идентичности выступает псевдоидентичность как возможный фактор в преодолении деперсонализации, а для непрофессионально-ориентированных – достигнутая и высокая достигнутая идентичность в преодолении эмоционального истощения и выгорания, что необходимо учитывать при разработке программы его профилактики и коррекции.

Ключевые слова: социальная идентичность; волонтерство; псевдоидентичность; социальное Я; профессионально-ориентированная деятельность; эмоциональное выгорание.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Молчанова Л.Н., Королева С.И. Особенности социальной идентичности волонтеров, занимающихся профессионально-ориентированной добровольческой деятельностью и подверженных эмоциональному выгоранию // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2024. Т. 14, № 2. С. 144-157. <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2024-14-2-144-157>.

Статья поступила в редакцию 03.02.2024 Статья подписана в печать 14.03.2024

Статья опубликована 28.06.2024

© Молчанова Л.Н., Королева С.И., 2024

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика / Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics. 2024; 14(2): 144-157

Features of social identity of volunteers engaged in professionally oriented volunteer activities and subject to emotional burnout

Lyudmila N. Molchanova¹✉, Svetlana I. Koroleva¹

¹Kursk State Medical University

3, K. Marx Str., Kursk 305000, Russian Federation

✉ e-mail: molchanowa.liuda@yandex.ru

Abstract

The increased interest in volunteerism over the last five years determines the importance of this area, including in science. Changing social situations contribute to the rapid emergence of new areas of volunteer activity. At the same time, the problem of volunteer identification with the group as a factor in overcoming their emotional burnout is relevant. The purpose of the study is to study the characteristics of the social identity of "burning out" volunteers engaged in professionally oriented volunteer activities. 84 volunteers of the Kursk State Medical University and the Volunteer Resource Center of the Kursk Region aged 18 to 23 years took part in it. The experimental group (EG) included students of the Faculty of Medicine and the Faculty of Clinical Psychology of Kursk State Medical University aged 19 to 23 years (36 girls and 6 boys), engaged in professionally oriented volunteer activities (medical volunteers) for 6 months or more. The control group (CG) consisted of 42 volunteers from the Autonomous Non-Profit Organization Volunteering Resource Center of the Kursk Region aged 18 to 23 years (34 girls and 8 boys). Observation and conversation, as well as standardized methods for diagnosing social identity and emotional burnout, were used to collect data. The results were processed using the computer program "Statistica 11.0". It has been empirically proven that volunteers engaged in professionally oriented and non-professionally oriented volunteer activities burn out. In the identity structure of "burning out" volunteers, the dominant positions are occupied by the "Reflective Self" and the "Social Self." At the same time, professionally oriented volunteers primarily identify themselves with educational and professional roles, while non-professionally oriented volunteers identify themselves with family roles. The predominant type of social identity for professionally oriented volunteers is pseudo-identity as a possible factor in overcoming depersonalization, and for non-professionally oriented volunteers it is an achieved and high achieved identity in overcoming emotional exhaustion and burnout. This must be taken into account when developing a program for its prevention and correction.

Keywords: social identity; volunteering; pseudo-identity; social self; professionally oriented activity; emotional burnout.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Molchanova L.N., Koroleva S.I. Features of social identity of volunteers engaged in professionally oriented volunteer activities and subject to emotional burnout. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2024; 14(2): 144–157 (In Russ.). <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2024-14-2-144-157>.

Received 03.02.2024

Accepted 14.03.2024

Published 28.06.2024

Введение

Рост внимания к добровольческой деятельности за последние 5 лет обуславливает не только значимость данного направления для государственной молодежной политики, но и способствует росту исследовательского интереса феномена добровольчества. Стремительные изме-

нения социальной ситуации способствуют быстрому росту новых направлений добровольческой деятельности и трансформации фокуса помощи в уже имеющихся направлениях. На данный момент, добровольчество как социальная группа – одна из многочисленных на территории России. Насчитывается более 4 миллио-

нов человек, идентифицирующих себя с данной социальной группой.

Ряд зарубежных исследований показывают, что социальная идентификация с группой дает индивиду ресурс, положительно влияющий на индивида: взаимосвязь добровольчества и психологического благополучия (Wilson, 2000), качества жизни (Cattan, Hogg, & Hardill, 2011), физического и психического здоровья (Cole & MacDonald, 2011; Howlett, 2004; Piliavin & Siegl, 2015), а также снижения чувства одиночества (Joloza, 2013; Musick & Wilson, 2003).

Более того, Мари Боу с коллегами утверждает, что вовлечение в общественную жизнь через волонтерскую деятельность способствует формированию идентичности с местным сообществом. В результате анализа интервью добровольцев исследователи пришли к выводу, что добровольческая деятельность оказывает влияние на чувство принадлежности к данному сообществу, поскольку добровольческая деятельность по своей сути является одним из видов социальной деятельности, представляющей людям возможность взаимодействовать и устанавливать отношения с теми, кто разделяет их социальные интересы [1].

Механизм взаимовлияния социальной идентичности и добровольческой деятельности описывается в статье Дебры Грей: социальная идентичность служит призмой восприятия, через которую члены группы воспринимают мир, что в свою очередь трансформирует их отношения с другими членами группы и вне ее. Отмечается, что общая социальная идентичность позволяет членам группы координировать свои действия и эффективнее достигать целей. Более того, исследования коллективных действий показали, что участие в успешном коллективном поведении приводит к повышению чувства расширения прав и возможностей группы, а также к коллективной эффективности. Это, в свою очередь, приводит к повышению приверженности будущим

действиям, а также к повышению психологической устойчивости к будущим угрозам и коллективному благополучию. Это исследование дало уникальный взгляд на внутригрупповые и межгрупповые процессы, связанные с волонтерством, посредством качественного анализа процессов общей идентичности, которые лежат в основе мотивации и опыта волонтеров, а также связанных с ними преимуществ социальной связанности и общей социальной идентичности, важных для волонтеров [2].

Современные исследования, связанные с ролевой идентичностью волонтеров, углубили понимание того, как добровольческая деятельность может быть связана с индивидуальностью личности, ее ценностями [3]. Подходы к изучению идентичности волонтеров утверждают, что индивиды обладают множественной социальной ролевой идентичностью, которая является результатом социального взаимодействия и ожиданий людей. Несколько количественных исследований подтвердили связь между ролевой идентичностью волонтера и приверженностью волонтерской деятельности и/или волонтерской организации. Ряд других исследований проводят грань между социальной идентичностью волонтера и моральной идентичностью. Моральную идентичность можно определить как врожденную потребность личности поступать нравственно. Монро с коллегами выявила связь между моральной идентичностью и просоциальным поведением, в т.ч. и волонтерством. Однако, исследователи отмечают, что добровольчество не всегда является моральным действием, в случае если мораль определяется мотивами индивида [4].

В отечественной психологической науке изучение социальной идентичности практически не обходится без применения методики «Двадцать утверждений» в различных ее модификациях. Анализ публикационной активности в электронном информационном пространстве ELIBRARY.RU

показал, что общий объем публикаций, направленных на изучение идентичности с применением методики «Двадцать утверждений» М. Куна и Т. Макпартленда в период с 2017 по 2023 год составил 10 статей. Основными направлениями изучения идентичности с помощью данной методики выступают: идентичность, ее устойчивость и изменчивость в младшем дошкольном, подростковом и юношеском возрасте [5, 6], особенности самоотношения и самокатегоризации студентов [7, 8, 9] и женщин в кризисные периоды [10]. При этом изучению идентичности волонтеров уделяется крайне низкое внимание. И многие авторы рассматривают кризис идентичности в качестве фактора возникновения эмоционального выгорания [11], а удовлетворенность добровольческой деятельностью – фактора его преодоления [12].

Структура социальной идентичности как продукта идентификации и включения в социальные группы [13] рассматривается как единый иерархический комплекс, в котором представления личности о групповом членстве связаны с ее мотивацией¹, как система социальных ролей, элементы я-концепции и т. д. [14; 15; 16]. На основе этих ролей образуется схема социального «я», позволяющая осуществлять жизненный выбор [17].

Изучая структуру социальной идентичности, Т.В. Румянцева в своей работе выделяет шкалу анализа идентификационных характеристик, состоящую из 26 показателей, 24 из которых объединяются в 7 компонентов структуры социальной идентичности: «социальное Я», «коммуникативное Я», «материальное Я», «физическое Я», «деятельное Я», «перспективное Я», «рефлексивное Я», а также два отдельных показателя: проблемную идентичность и ситуативное состояние. Таким образом, подобное описание идентичности дает возможность комплексно

описать ее структуру и изучить разницу внутри этой структуры в зависимости от направления деятельности волонтера.

Таким образом, незначительное количество исследований особенностей социальной идентичности профессионально-ориентированных волонтеров и ее взаимосвязей с их эмоциональным выгоранием свидетельствует о недостаточной разработанности данной проблематики.

В этой связи объектом исследования выступает социальная идентичность волонтеров, а предметом – особенности социальной идентичности «выгорающих» волонтеров, занимающихся профессионально-ориентированной добровольческой деятельностью.

Материалы и методы

Общий объем выборки исследования составил 84 волонтера. Экспериментальная группа (ЭГ) включала 42 студента ФГБОУ ВО Курского государственного медицинского университета, специальностей 37.05.01 Клиническая психология (20 человек) и 31.05.01 Лечебное дело (22 человека), занимающихся профессионально-ориентированной волонтерской деятельностью (волонтеры-медики) от 6 месяцев и более, в возрасте от 18 лет до 23 лет (36 девушек и 6 юношей). В контрольную группу (КГ) вошли 42 волонтера из АНО Ресурсного центра добровольчества Курской области в возрасте от 18 до 23 лет (34 девушки и 8 юношей). Психодиагностика осуществлялась с использованием методики «Двадцать утверждений» М. Куна и Т. Макпартленда (в адаптации Т.В. Румянцевой [18]), методики исследования социальной идентичности (МИСИ) (Л.Б. Шнейдер и В.В. Хрустальной) [19] и опросника профессионального «выгорания» (К. Маслач, С. Джексон, в адаптации Н.Е. Водопьяновой) [20].

Результаты и обсуждение

Исследование эмоционального выгорания волонтеров, занимающихся профессионально-ориентированной и непро-

¹ Иванова Н.Л. Психологическая структура социальной идентичности : дис. ... д-ра психол. наук. Ярославль, 2003. 408 с.

фессионально-ориентированной добровольческой деятельностью, осуществлялось с помощью опросника профессионального «выгорания» (К. Маслач, С. Джексон, в

адаптации Н.Е. Водопьяновой) [20], в ходе которого был диагностирован средний уровень выраженности всех трех его шкал (табл. 1).

Таблица 1. Результаты описательной и сравнительной статистики показателей эмоционального выгорания волонтеров (U-критерий Манна Уитни)

Table 1. Results of descriptive and comparative statistics of indicators of emotional burnout of volunteers (Mann Whitney U test)

№п/п	Наименование показателя	ЭГ		КГ		ЭГ-КГ	
		$X_{\text{mean}} \pm \sigma$	Качеств	$X_{\text{mean}} \pm \sigma$	Качеств	U	p
1	Эмоциональное истощение	18,67±10,80	средний	16,60±10,18	средний	790,00	0,410
2	Деперсонализация	7,38±4,65	средний	5,57±3,98	средний	701,50	0,105
3	Редукция личных достижений	34,57±7,82	средний	35,64±6,84	средний	816,00	0,554

Примечание: ЭГ – экспериментальная группа из волонтеров, занимающихся профессионально-ориентированной добровольческой деятельностью; КГ – контрольная группа из волонтеров, занимающихся непрофессионально-ориентированной добровольческой деятельностью.

Таким образом, волонтеры, занимающиеся профессионально-ориентированной и непрофессионально-ориентированной добровольческой деятельностью испытывают эмоциональную усталость, раздражительность и негативизм по отношению к другим и негативное самовосприятие, недовольство собой и обесценивание своей деятельности. Вместе с тем, статистически значимых различий в уровнях выраженности показателей эмоционального выгорания волонтеров из экспериментальной и контрольной групп выявлено не было.

Исследования структуры идентичности волонтеров осуществлялось с помо-

щью методики «Двадцать утверждений» М. Куна и Т. Макпартленда (в адаптации Т.В. Румянцевой) [18] и позволило получить 1168 ответов, каждый из которых в соответствии со шкалой анализа идентификационных характеристик («Социальное Я», «Коммуникативное Я», «Деятельное Я», «Материальное Я», «Физическое Я», «Перспективное Я», «Рефлексивное Я») был отнесен к отдельному показателю. Вслед за Т.В. Румянцевой осуществлен анализ частотного распределения показателей идентичности в общей структуре идентичности «выгорающих» волонтеров (табл.2).

Таблица 2. Доля общих показателей идентичности в общей структуре идентичности «выгорающих» волонтеров

Table 2. The share of each indicator of identity in the overall structure of the identities of “burning out” volunteers

Наименование показателя	ЭГ		КГ		Общее	
	п, кол-во	%	п, кол-во	%	п, кол-во	%
Социальное Я	245	37%	150	29,53%	395	33,82%
Коммуникативное Я	43	6,5%	44	8,66%	87	7,45%
Деятельное Я	37	5,6%	38	7,48%	75	6,42%
Материальное Я	0	0%	0	0%	0	0%
Физическое Я	6	0,9%	4	0,79%	10	1,37%
Перспективное Я	27	4%	2	0,39%	29	2,48%
Рефлексивное Я	302	45,76%	270	53,15%	571	48,87%

По шкале «Социальное Я» наблюдались такие ответы испытуемых, как обозначение пола, учебно-профессиональной роли, семейной принадлежности, групповой принадлежности. Показатель шкалы «Коммуникативное Я» составил характеристики дружеских связей и общения, а «Деятельное Я» – самоописания, обозначающие спектр занятий или различную деятельность. По шкале «Материальное Я» ответов испытуемых представлено не было. В показатель шкалы «Физическое Я» вошли ответы-описание своих внешних, в т.ч. физических данных, а в показатель «Перспективное Я» – ответы о профессиональной перспективе, семье

или групповой принадлежности. Показатели шкалы «Рефлексивное Я» включали ответы о персональной идентичности, а также глобальные экзистенциальные ответы. Таким образом, как в общей группе волонтеров, так и в ЭГ и КГ, наибольшее количество ответов зафиксировано по шкалам «Рефлексивное Я» и «Социальное Я». В ЭГ волонтеров данные показатели составили 45,76% и 37%, а в группе КГ – 53,15% и 29,53% соответственно.

Проведенный детальный анализ идентификационных характеристик волонтеров засвидетельствовал долю каждого показателя идентичности в общей структуре всей выборки (рис. 1).

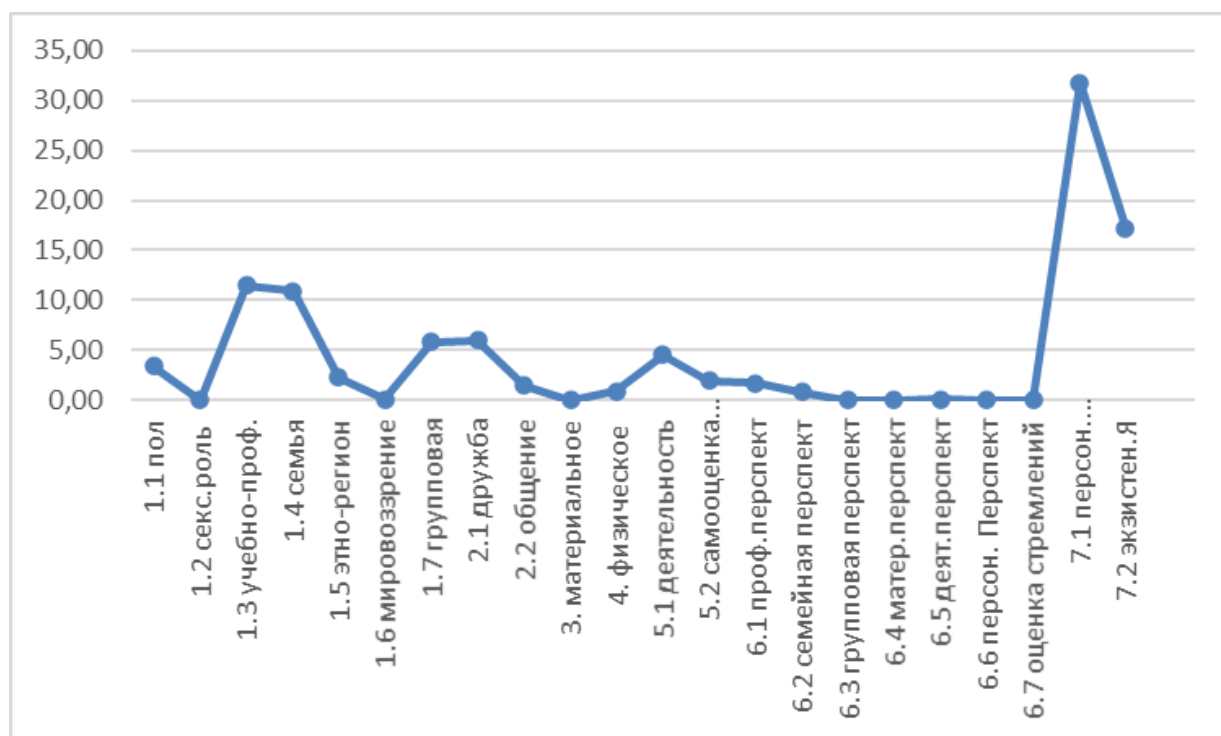

Рис. 1. Доля каждого показателя идентичности в общей структуре идентичности «выгорающих» волонтеров

Fig. 1. The share of each identity indicator in the overall identity structure of “burning out” volunteers

Таким образом, наиболее распространенной является персональная идентичность (31,76% от общего показателя идентичности).

Сравнение частотного распределения показателей идентичности в ее общей структуре у волонтеров экспериментальной и контрольной групп отражено на рис. 2.

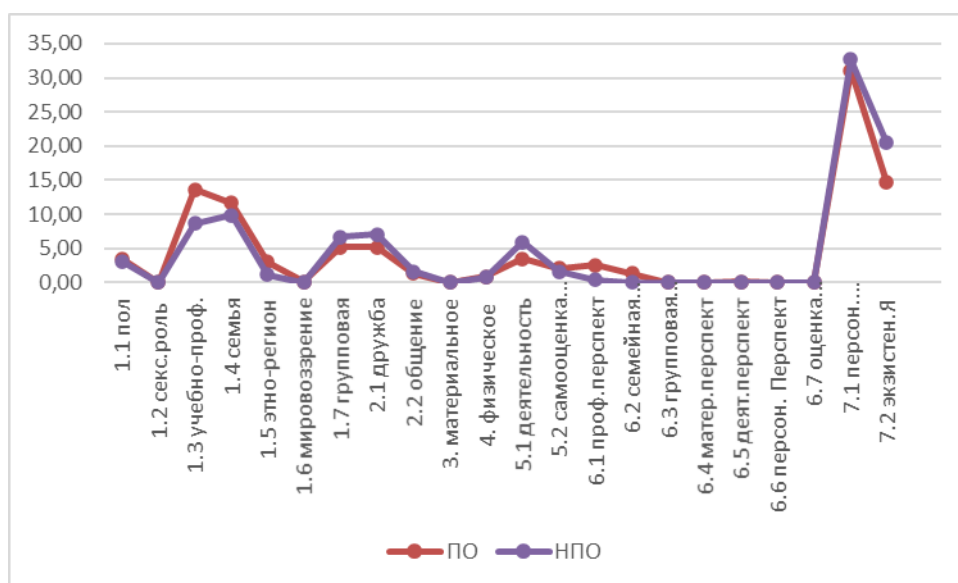

Рис. 2. Доля каждого показателя идентичности в общей структуре идентичности «выгорающих» волонтеров экспериментальной и контрольной групп

Fig. 2. The share of each identity indicator in the overall identity structure of “burning out” volunteers of the experimental and control groups

Частотное распределение показателей идентичности волонтеров общей группы, а

также контрольной и экспериментальной групп представлено на рис. 3 и 4.

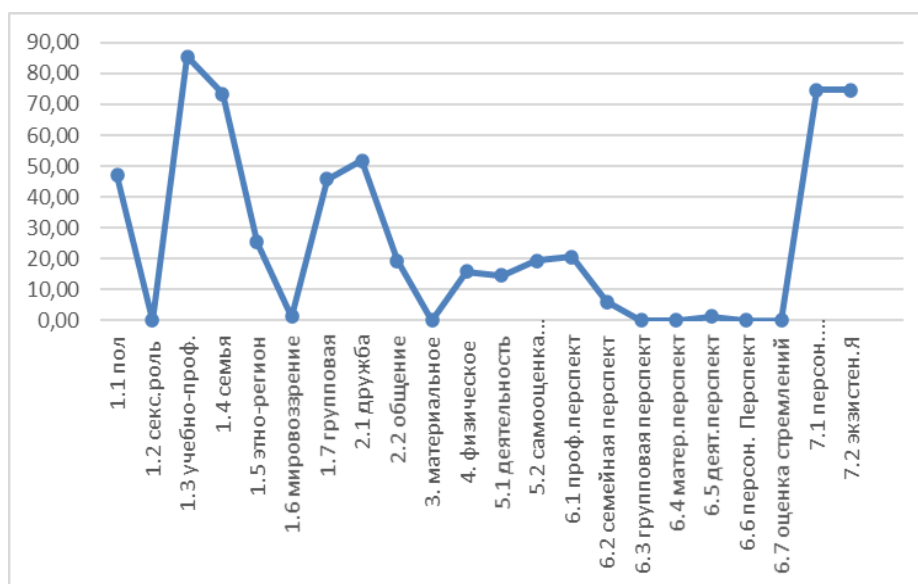

Рис. 3. Частотное распределение показателей идентичности «выгорающих» волонтеров, занимающихся профессионально-ориентированной и непрофессионально-ориентированной добровольческой деятельностью (в %)

Fig. 3. Frequency distribution of identity indicators of “burning out” volunteers engaged in professionally oriented and non-professionally oriented volunteer activities (in %)

Сравнительный анализ частотного распределения показателей идентичности волонтеров указал на наибольшую частоту описаний себя в категориях учебно-профессиональной ролевой по-

зиции (85,54%), персональной и глобальной идентичности (74,70%), и наименьшую – в категориях семейной идентичности (73,49%).

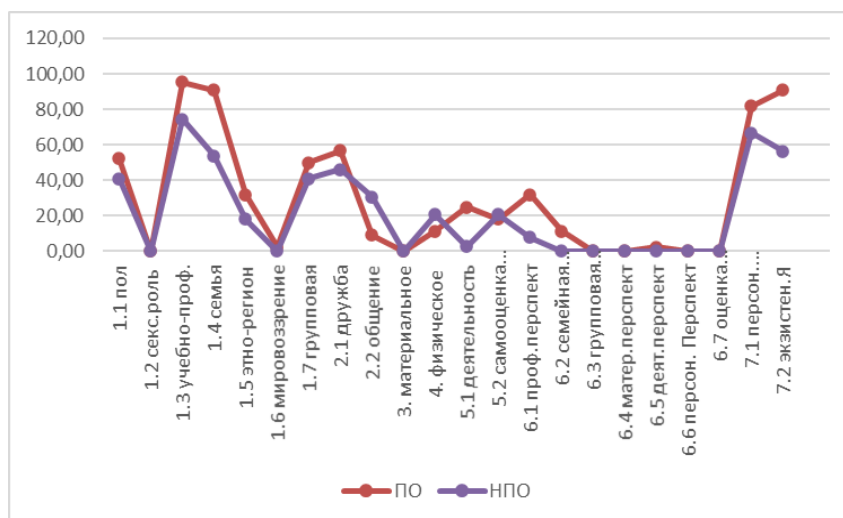

Рис. 4. Частотное распределение показателей идентичности «выгорающих» волонтеров контрольной и экспериментальной групп (в %)

Fig. 4. Frequency distribution of indicators of “burnout” identities of volunteers of control and experimental groups (in%)

Таким образом, профессионально-ориентированные волонтеры чаще прибегают к описанию себя через учебно-профессиональную ролевую позицию (95,45%), глобальную идентичность и семейную идентичность (90,91%), нежели волонтеры, не занимающиеся профессионально-ориентированной добровольческой деятельностью.

Частотное распределение показателей структуры идентичности «выгорающих» волонтеров, занимающихся профессионально-ориентированной и непрофессионально-ориентированной добровольческой деятельностью, а также их ранги представлены в табл. 2.

Таблица 2. Частотное распределение показателей структуры идентичности «выгорающих» волонтеров и их ранги

Table 2. Frequency distribution of indicators of the identity structure of “burning out” volunteers and their ranks

Наименование показателя	Доля показателя в ЭГ (%)	Ранг	Доля показателя в КГ (%)	Ранг	Доля показателя общ. (%)	Ранг
Прямое обозначение пола	3,48	7	3,15	8	3,34	8
Сексуально-ролевая идентичность	0,00	17	0,00	14	0,00	17
Учебно-профессиональная ролевая позиция	13,64	3	8,66	4	11,47	3
Семейная идентичность	11,67	4	9,84	3	10,87	4
Этническо– региональная идентичность	3,03	9	1,18	11	2,23	9

Окончание Табл. 2

Table 2 (ending)

Наименование показателя	Доля показателя в ЭГ (%)	Ранг	Доля показателя в КГ (%)	Ранг	Доля показателя общ. (%)	Ранг
Мировоззренческая идентичность	0,15	15	0,00	15	0,09	15
Групповая идентичность	5,15	5	6,69	6	5,82	6
Круг друзей	5,15	6	7,09	5	5,99	5
Субъект общения	1,36	12	1,57	9	1,46	12
Материальная идентичность	0,00	18	0,00	16	0,00	18
Физическая идентичность	0,91	14	0,79	12	0,86	13
Занятия, интересы	3,48	8	5,91	7	4,54	7
Самооценка деятельности	2,12	11	1,57	10	1,88	10
Перспектива профессиональная	2,58	10	0,39	13	1,63	11
Перспектива семейная	1,36	13	0,00	17	0,77	14
Перспектива групповая	0,00	19	0,00	18	0,00	19
Перспектива общения	0,00	20	0,00	19	0,00	20
Перспектива материальная	0,00	21	0,00	20	0,00	21
Перспектива физическая	0,00	22	0,00	21	0,00	22
Перспектива деятельности	0,15	16	0,00	22	0,09	16
Перспектива личностная	0,00	23	0,00	23	0,00	23
Оценка перспектив	0,00	24	0,00	24	0,00	24
Персональная идентичность	31,06	1	32,68	1	31,76	1
Глобальная идентичность	14,70	2	20,47	2	17,21	2

Как видно из табл. 2 в триаду значимых показателей идентичности волонтеров ЭГ и КГ вошли показатели персональной идентичности и глобальной идентичности. Вместе с тем, волонтеры ЭГ означивают учебно-профессиональные ролевые позиции, а волонтеры КГ – семейную идентичность.

Психологическая диагностика социальной идентичности волонтеров проводилась с помощью методики исследования социальной идентичности (МИСИ) (Л.Б. Шнейдер и В.В. Хрустальной) [19] и выявила значимо низкие показатели по

шкале «Социальность» у волонтеров из ЭГ ($X_{\text{mean}} \pm \sigma = 0,79 \pm 0,13$) в сравнении КГ ($X_{\text{mean}} \pm \sigma = 0,87 \pm 0,12$) (U Манна-Уитни = 640,5 при $p = 0,021$). Уровень выраженности социальности волонтеров определил частотное распределение типов социальной идентичности (псевдоидентичности, достигнутой и высокой достигнутой идентичности) волонтеров, занимающихся профессионально-ориентированной и непрофессионально-ориентированной добровольческой деятельностью (рис. 5).

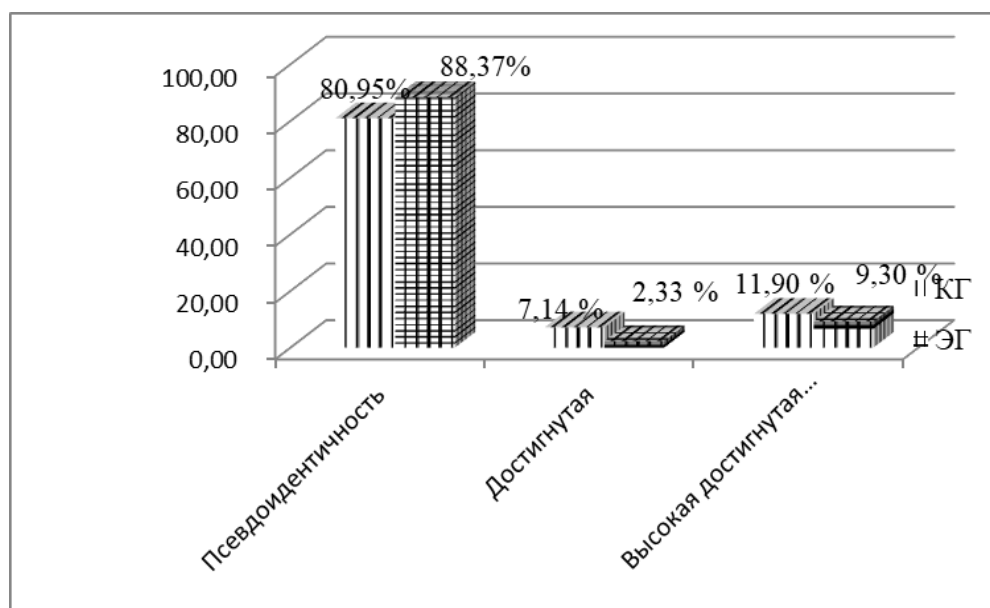

Рис. 5. Частотное распределение типов социальной идентичности «выгорающих» волонтеров контрольной и экспериментальной групп (в %)

Fig. 5. Frequency distribution of social identity types of “burning out” volunteers in the control and experimental groups (in%)

Как видно из рис. 5, преобладающим типом социальной идентичности у волонтеров, занимающихся профессионально ориентированной добровольческой деятельностью, является псевдоидентичность, которой соответствует высокий уровень социальности, то есть совокупность приобретенных качеств, обеспечивающих его способность существовать

в обществе и выполнять разнообразные социальные роли.

С помощью процедуры корреляционного анализа г-Спирмена выявлены значимые и высоко значимые взаимосвязи показателей социальной идентичности волонтеров и эмоционального выгорания (табл. 3).

Таблица 3. Взаимосвязи показателей социальной идентичности и эмоционального выгорания волонтеров (г-Спирмен)

Table 3. Relationship between social identity indicators and emotional burnout of volunteers (Spearman's r)

Наименование показателя	ЭГ			КГ		
	1	2	3	1	2	3
Эмоциональное истощение	0,30	-0,09	-0,28	0,40**	-0,04	-0,40**
Деперсонализация	0,37*	0,003	-0,37*	0,23	-0,001	-0,26
Редукция личных достижений	0,19	0,22	-0,20	-0,02	0,23	0,01
Интегральный индекс выгорания	0,14	-0,10	-0,09	0,34*	-0,19	-0,35*

Примечание: ЭГ – экспериментальная группа из волонтеров, занимающихся профессионально-ориентированной добровольческой деятельностью; КГ – контрольная группа из волонтеров, занимающихся непрофессионально-ориентированной добровольческой деятельностью; 1 – ассоциальная направленность; 2 – социальная направленность; 3 – социальность; * – статистическая значимость при $p < 0,05$; ** – статистическая значимость при $p < 0,01$.

Чем выше ассоциальная направленность волонтеров, занимающихся профессионально ориентированной добровольческой деятельностью, то есть стремление отделиться от всех, быть независимым, самостоятельным, подвергаться риску и опасности, тем сильнее личностное отдаление, раздражительность негативизм в отношении других людей ($r=0,37^*$). А повышение уровня их социальности способствует преодолению деперсонализации ($r=-0,37^*$).

Повышение ассоциальной направленности волонтеров, занимающихся непрофессионально ориентированной добровольческой деятельностью, вызывает эмоциональное истощение ($r=0,40/**$) и выгорание ($0,34^*$), а социальности, наоборот, ингибирует их появление («эмоциональное истощение»: $r=-0,40/**$; «Интегральный индекс выгорания»: $r=-0,35^*$).

Выводы

Исследование особенностей социальной идентичности «выгорающих» волонтеров, занимающихся профессионально-ориентированной добровольческой деятельностью, позволило сформулировать вывод о том, что :

– выявлена выраженность отдельных компонентов структуры идентичности волонтеров, общая и специфическая как для занимающихся профессионально ориентированной, так и непрофессионально-ориентированной добровольческой деятель-

ностью. Ее ядро составляют «Рефлексивное Я» и «Социальное Я», то есть система представлений личности о себе, характеризующая его внутренний мир, и связанная с ее жизненным опытом и взаимодействием с другими людьми, а также оценивание ее другими; компоненты личности, значимые для ее социального взаимодействия с другими людьми.

– определена специфика структуры идентичности волонтеров: занимающиеся профессионально-ориентированной добровольческой деятельностью сфокусированы на реализации учебно-профессиональных ролей, что позволяет более точно понять оценить свои компетенции в сравнении с «образом профессии» как будущего специалиста. Волонтеры, занимающиеся непрофессионально-ориентированной добровольческой деятельностью, сконцентрированы на реализации семейных ролей с присущими им терпимостью, эмпатией и заботой.

– установлен преобладающий тип социальной идентичности волонтеров, характеризующийся достаточно выраженным уровнем социальности (для профессионально ориентированных волонтеров – это псевдоидентичность, а для непрофессионально-ориентированных – достигнутая и высокая достигнутая идентичность), отрицательно связанным с эмоциональным выгоранием, что служит основанием в разработке системы мероприятий по его профилактике [21].

Список литературы

1. Thoits P. Motivations for Peer-Support Volunteering: Social Identities and Role-Identities as Sources of Motivation // *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 2021. Vol. 50, no. 4. <https://doi.org/10.1177/0899764020983897>
2. Gray D., Stevenson C. How can 'we' help? Exploring the role of shared social identity in the experiences and benefits of volunteering // *Journal of Community & Applied Social Psychology* Published. 2019. P. 1–13. <https://doi.org/10.1002/casp.2448>
3. Groñlund, H. Identity and Volunteering Intertwined: Reflections on the Values of Young Adults // *International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. 2011. Vol. 22, no. 4. P. 852-874. <https://www.researchgate.net/publication/237077639>.

4. Halbesleben J. R. B., Demerouti E. The construct validity of an alternative measure of burnout: investigation of the English translation of the Oldenburg Burnout Inventory // *Work Stress*. 2005. Vol. 19, no. 3. P. 208-220.
5. Кузьмин М. Ю. Сравнение идентичности и ее динамики у младших школьников, подростков и лиц юношеского возраста // *Российский психологический журнал*. 2017. Т. 14, № 2. С. 67-89.
6. Кузьмин М.Ю., Конопак И.А. Устойчивость и изменчивость идентичности в подростковом и юношеском возрасте // *Российский психологический журнал*. 2018. Т. 15, № 4. С. 113-141.
7. Бабиянц К.А., Коломийченко Е.В., Хажуев И.С. Особенности самоотношения студентов вуза, занимающихся и не занимающихся спортом, в связи с самовосприятием физической и эстетической модальностей Я-образа // *Российский психологический журнал*. 2017. Т. 14. № 1. С. 25–38.
8. Становление профессиональной идентичности студентов в процессе "Горизонтального обучения" / А.О. Браун, И.Ю. Рассохина, Е.В. Аршинова [и др.] // *Профессиональное образование в России и за рубежом*. 2019. № 4(36). С. 24-32.
9. Кузьмин М.Ю., Миронова Е.И., Осипенок О.А. Становление профессиональной идентичности у студентов-бакалавров гуманитарных направлений // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология*. 2018. Т. 23. С. 68-76.
10. Кузьмин М.Ю., Миронова Е.И., Осипенок О.А. Особенности идентичности женщин в кризисные и межкризисные возрастные периоды // *Российский психологический журнал*. 2019. Т. 16, № 3. С. 72-86.
11. Ильина Т.И., Гуриева С.Д. Кризис идентичности как фактор проявления синдрома эмоционального выгорания у женщин-матерей // *Человек и образование*. 2019. № 3 (60). С. 85-93.
12. Morse Jessica L., Dik Bryan J., Shimizu Adelyn B. Reed Kaitlyn A. Volunteerism and Burnout: Does Satisfaction of Motives for Volunteering Protect Against Symptoms? // *International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. 2022. Vol. 33, no. 2. P. 229. <https://doi.org/10.1007/s11266-020-00257-y>
13. Торабаева М.Х. Социальная и экзистенциальная идентичность в структуре идентичности человека // *Вестник МАСИ*. 2022. № 2. С. 87-93.
14. Руденко С.В. Структура социальной идентичности студентов // *Вестник ДонНУ. Сер. Д: Филология и психология*. 2022. №1. С. 106-113.
15. Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования идентичности личности // *Психология самосознания*. Самара, 2000. С. 589–602.
16. Tajfel H. Individuals and groups in social psychology // *British J. of Social and Clinical Psychology*. 1979. P. 183–190.
17. Stryker S. Identity theory: Development and extensions / *Self and Identity*. New York, 1986. P. 89–104.
18. Кузьмин М.Ю., Конопак И.А., Синёва О.В. Проблема анализа методики «Двадцать утверждений» М. Куна и Т. Макпартленда при помощи процедуры многомерного шкалирования // *Известия Иркутского государственного университета. Серия «Психология»*. 2015. Т. 11. С. 15–26.
19. Шнейдер Л.Б., Хрусталева В.В. Ассоциативный тест как основа конструирования методики изучения социальной идентичности // *Вестник РМАТ*. 2014. №3. С. 83-96.
20. Водопьянова Н.Е. Старченкова Е.С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб.: Питер, 2008. 358 с.
21. Молчанова Л.Н., Блинова К.В. Социально-психологический тренинг как инструмент профилактики психического выгорания волонтеров-медиков в профессионально-

ориентированной волонтерской деятельности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12. № 4. С. 178-195. <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2022-12-4-178-195>.

References

1. Thoits P. Motivations for Peer-Support Volunteering: Social Identities and Role-Identities as Sources of Motivation. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 2021;50(4). <https://doi.org/10.1177/0899764020983897>
2. Gray D., Stevenson C. How can 'we' help? Exploring the role of shared social identity in the experiences and benefits of volunteering. *Journal of Community & Applied Social Psychology* Published. 2019;1–13. <https://doi.org/10.1002/casp.2448>
3. Gro'nlund H. Identity and Volunteering Intertwined: Reflections on the Values of Young Adults. *International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. 2011;22(4):852-874. <https://www.researchgate.net/publication/237077639>.
4. Halbesleben J. R. B., Demerouti E. The construct validity of an alternative measure of burnout: investigation of the English translation of the Oldenburg Burnout Inventory. *Work Stress*. 2005;19(3):208-220.
5. Kuz'min M. Yu. Comparison of identity and its dynamics among primary schoolchildren, adolescents and youth. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal = Russian psychological journal*. 2017;14(2):67-89. (In Russ.).
6. Kuz'min M.Yu., Konopak I.A. Stability and variability of identity in adolescence and youth. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal = Russian psychological journal*. 2018;15(4):113-141. (In Russ.).
7. Babiyants K.A., Kolomiichenko E.V., Khazhuev I.S. Peculiarities of self-attitude of university students involved and not involved in sports in connection with self-perception of the physical and aesthetic modalities of self-image. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal = Russian psychological journal*. 2017;14(1):25–38. (In Russ.).
8. Braun A.O., Rassokhina I.Yu., Arshinova E.V., et al. Formation of professional identity of students in the process of "Horizontal training". *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom = Professional education in Russia and abroad*. 2019;4(36):24-32. (In Russ.).
9. Kuz'min M.Yu., Mironova E.I., Osipenok O.A. Formation of professional identity among undergraduate students in the humanities. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya. = News of Irkutsk State University. Series: Psychology*. 2018;23:68-76. (In Russ.).
10. Kuz'min M.Yu., Mironova E.I., Osipenok O.A. Features of women's identity in crisis and inter-crisis age periods. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal = Russian psychological journal*. 2019;16(3):72-86. (In Russ.).
11. Il'ina T.I., Gurieva S.D. Identity crisis as a factor in the manifestation of emotional burnout syndrome in women-mothers. *Chelovek i obrazovanie = Person and education*. 2019;3(60):85-93. (In Russ.).
12. Morse Jessica L., Dik Bryan J., Shimizu, Adelyn B., Reed Kaitlyn A. Volunteerism and Burnout: Does Satisfaction of Motives for Volunteering Protect Against Symptoms? *International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. 2022;33(2):229. <https://doi.org/10.1007/s11266-020-00257-y>
13. Torabaeva M.Kh. Social and existential identity in the structure of human identity. *Vestnik MASI = Bulletin of MASI*. 2022;(2):87-93. (In Russ.).

14. Rudenko S.V. The structure of students' social identity. *Vestnik DonNU. Ser. D: Filologiya i psikhologiya = Bulletin of DonNU. Ser. D: Philology and psychology*. 2022;(1):106-113. (In Russ.).
15. Yadov V.A. Social and socio-psychological mechanisms of personal identity formation. *Psychology of self-awareness: a reader*. Samara, 2000. P. 589–602. (In Russ.).
16. Tajfel H. Individuals and groups in social psychology. *British J. of Social and Clinical Psychology*. 1979:183–190.
17. Stryker S. Identity theory: Development and extensions. *Self and Identity*. New York, 1986. P. 89–104.
18. Kuz'min M.Yu., Konopak I.A., Sineva O.V. The problem of analyzing the “Twenty Statements” methodology by M. Kuhn and T. McPartland using the multidimensional scaling procedure. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta, Seriya «Psikhologiya» = News of Irkutsk State University. Series “Psychology”*. 2015;11:15–26. (In Russ.).
19. Shneider L.B., Khrustaleva V.V. Association test as the basis for constructing a methodology for studying social identity. *Vestnik RMAF = RMAF Bulletin*. 2014;(3):83-96 (In Russ.).
20. Vodop'yanova N.E., Starchenkova E.S. Burnout syndrome: diagnosis and prevention. St. Petersburg: Peter; 2008. 358 p. (In Russ.).
21. Molchanova L.N., Blinova K.V. Socio-psychological training as a tool for preventing mental burnout of medical volunteers in professionally oriented volunteer activities. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogy*. 2022;12(4):178-195 (In Russ.). <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2022-12-4-178-195>.

Информация об авторах / Information about the Authors

Молчанова Людмила Николаевна, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии здоровья и нейропсихологии, Курский государственный медицинский университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: molchanowa.liuda@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-6309-1825, Researcher ID: AAF-9625-2019

Lyudmila N. Molchanova, Doctor of Sciences (Psychological), Professor, Department of Psychology of Health and Neuropsychology, Kursk State Medical University, Kursk, Russian Federation, e-mail: molchanowa.liuda@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-6309-1825, Researcher ID: AAF-9625-2019

Королева Светлана Игоревна, аспирант кафедры психологии здоровья и нейропсихологии, Курский государственный медицинский университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: sveta51151378@yandex.ru

Svetlana I. Koroleva, Post-Graduate Student, Department of Health Psychology and Neuropsychology, Kursk State Medical University, Kursk, Russian Federation, e-mail: sveta51151378@yandex.ru

УДК 821.111(075.4)

<https://doi.org/10.21869/2223-151X-2024-14-2-158-163>

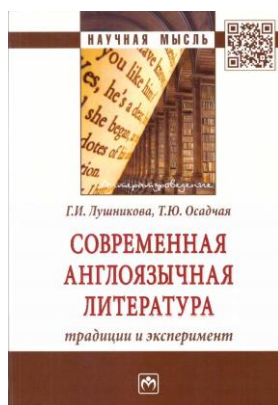

Жанровая специфика англоязычной литературы. Рецензия на книгу: Г. И. Лушникова, Т. Ю. Осадчая. Современная англоязычная литература: традиции и эксперимент: монография. М.: ИНФРА-М, 2023. 170 с. ISBN 978-5-16-017904-9

Т. Н. Федуленкова¹ ✉

¹Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых
ул. Горького, д. 87, г. Владимир 600000, Российская Федерация

✉ e-mail: fedulenkova@list.ru

Жанру, как таковому, его истории, проблемам посвящено немало работ как отечественных, так и зарубежных специалистов. Эволюция жанра отражает все изменения, характерные для литературы ка-

ждого конкретного периода времени, и жанр в этом смысле есть своеобразное «зеркало» литературного процесса. Как известно, наиболее интересные процессы имеют место тогда, когда начинается взаимодействие разных жанров. Замечено, что эволюция жанра связана с его смещением, и потому дать статическое определение жанра невозможно. Сам жанр по своей природе – явление не статичное, а динамическое, и изменение канона, равно как и представлений о жанре, отражает эту динамическую природу жанра.

С одной стороны, на жанровом развитии не могут не сказываться процессы, которые происходят в языке: имеется тесная связь жанра с языком, прежде всего, с историей языка, лексикологией и стилистикой. С другой стороны, особенности развития и трансформации жанра во многом зависят от характера и особенностей развития литературы той или иной страны, искусства, культуры в целом.

Одновременное присутствие в тексте признаков разных жанров – свидетельство эволюции жанра и исчерпанности традиционных форм. Любой новый жанр является трансформацией одного или нескольких древних. Жанр представляет собой интенцию произведения, которая может выражаться как на содержательном, так и на формальном уровнях.

Автор данной монографии подчеркивает, что современный этап развития литературы характеризуется ярко выраженной тенденцией к смешению жанров, которая наблюдается уже в начале 19 в.

Происходит это потому, что нарушается один из постулатов классицизма – недопустимость жанрового смешения: в постромантическом пространстве, в пору укрепления реализма произошло крушение жанрового мышления.

Автор утверждает, что, с одной стороны, жанровое смешение выступает как инструмент создания нового жанра, а с другой – как инструмент эволюции самого жанра, обогащения его содержания и появления в нем различных подвидов. Внутрижанровое многообразие достигается за счет вкрапления в произведения отдельных элементов, присущих другим художественным родам и жанрам.

Для современного англоязычного романа, подчеркивает автор, характерен ряд специфических черт, которые одновременно являются комплексом взаимосвязанных тенденций его развития:

а) деканонизация романа: разрушение традиционных ценностей, размытость жанровой системы, присутствие элементов абсурда;

б) размывание дифференциации национальных литератур, их унификация, вестернизация наряду с ее последствиями;

в) интенсификация заимствования сюжетов и жанров;

г) рост нелинейности и фрагментарности пространственно-временных характеристик: смешение древнего и современного миров, переплетение реального и сюрреального пространств;

д) дереализация событийности;

е) расширение объема «памяти жанра» романа за счет включения в текст инородного материала, внежанровых конструкций, метапрозы/повествования с элементами критического эссе;

д) введение в пространство романа гипертекстов: создание писателем «иерархии» разностатусных тестов, возможность неожиданного смещения позиции читателя, дающего ему возможность выбирать различные алгоритмы знакомства с текстом романа (с. 25).

Признавая тот факт, что жанровое своеобразие современной англоязычной литературы определяется доминированием постмодернистских приемов поэтики, автор наряду с данным направлением подчеркивает очевидность тенденции совмещения традиционных подходов с постмодернистскими, своеобразного переосмысления и творческого развития характерных особенностей постмодернизма. В связи с этим, как пишет автор, появилась идея разграничивать собственно постмодернистскую литературу, которую можно назвать экспериментальной, и литературу эпохи постмодерна, которая охватывает все формы литературы как новаторские, так и традиционные.

Исследуя пути развития традиционных жанров в современной литературе, таких как экзистенциалистский роман, семейно-бытовой роман, исторический роман, приключенческий роман, детектив и другие, автор отмечает, что на современном этапе эти жанры могут приобретать специфические черты и развивать новые формы. Характерной тенденцией становится появление подвидов, жанровых вариаций. Например, появляются разнообразные подвиды детектива: жесткий, политический, интеллектуальный, женский, психологический, шпионский, гангстерский, иронический и др., подвиды фэнтези: готическое, приключенческое, мифологическое и др. Женская проза переживает активное развитие в варианте чиклит (chicklit) – молодёжная женская проза, литература для молодых женщин, создаваемая молодыми женщинами. Кроме того, дифференцируются такие новые виды романного жанра, как спонтанная проза, региональная проза и др. Традиционные жанры предшествующих эпох приобретают новые формы воплощения по причине научно-технического прогресса. Так, новый эпистолярный роман пишется в виде электронных писем, переписки в контактах, смс-сообщений. Расследования в современных детективах неизбежно включают описания

новейших технических средств криминалистики.

В данной монографии автор предлагает характеристику ряда ведущих жанров англоязычной литературы эпохи постмодерна, которая может быть кратко представлена в следующем виде.

(а) Экзистенциалистский роман. Объединяет произведения, продолжающие традиции модернистской философской прозы. Подчеркивается отсутствие экзистенциалистских романов в чистом виде, это скорее стремление авторов к глобальному осмыслению мира. Философия экзистенциализма легла в основу творчества «битников» в Америке (которые изобрели спонтанный метод повествования, то есть способ записывать мысли в том порядке, в каком они приходят в голову (напр., Дж. Керуак/ J. Kerouac).

(б) Исторический роман. Авторы в данном жанре пытаются переосмыслить историю страны, отдельных исторических периодов и эпох, событий, явлений, процессов, и некоторые из них вступают в диалог с произведениями викторианской эпохи, создавая так называемый «неовикторианский роман». К одной из особенностей произведений данного жанра Г.И. Лушникова относит метаповествование, определяя метароман как текст, который комментирует свой вымышленный статус, подчеркивает «сделанность» произведения, обнажает «текстуальность текста» (напр., Дж. Барнс/ J. Barnes). Одним из течений в рамках жанра исторического романа является неофабулизм. В своих произведениях авторы обращаются к широко известным текстам и образам, пытаясь пересказать их заново в утрированном постмодернистском ключе, в духе метапрозы. Первым опытом создания произведения в подобном жанре называются произведения Дж. Барта (J. Bart), который пересказал сюжеты арабских сказок, древнегреческой мифологии, Библии.

(в) Жанр биографии, автобиографии, дневниковой прозы. Данный жанр разде-

ляется на следующие поджанры: (1) документальная проза (non-fiction): биография, автобиография, дневники (П. Акройд/ P. Ackroyd, В. Набоков/ V. Nabokov, П. Ховард/ P. Howard и др.); (2) художественно-документальная проза (biofiction, docufantasy): литературная или беллетризованная биография, роман-дневник, мемуарная проза (Р. Бах/ R. Bach, Дж. Чайльд/ J. Child, Э. Гилберт/ E. Gilbert и др.).

(г) Семейно-бытовой роман, называемый также – семейный роман, семейная хроника или семейная сага. На современном этапе этот жанр, с одной стороны, сохраняет традиционные черты и обращается к вечным темам, с другой стороны, попадает под влияние актуальных проблем современного мира и пытается их решать. В данной монографии жанр семейно-бытового романа условно разделяется на два поджанра: (1) семейная сага (напр., Дж. Ирвинг/ J. Irving, Э. Тайлер/ A. Tyler, К. Фоллетт/ K. Follett и др.) и (2) семейный/ любовный роман (напр., С. Уинман/ S. Winman, Дж. Кой/ J. Coe, К. Мортон/ K. Morton и др.).

(д) Современный детектив. Специфика современного детектива видится автором в композиционном построении, тесной взаимосвязи с другими жанрами, своеобразии тематики, способе подачи модальности и некоторых других особенностях. Автор отмечает, что в настоящее время происходит дифференциация видов детектива: по разным классификациям выделяются следующие поджанры или типы детектива: классический, исторический, социальный, полицейский, сюрреалистический, реалистический, натуралистический, литературный, психологический, интеллектуальный, «голливудский», «гангстерский», жесткий, политический, исторический, конспирологический, дамский.

Ведущими тенденциями, характеризующими современный детектив, называются психологизм, натурализм и жесткость, интертекстуальность, детальное

описание современных технических средств, используемых в расследованиях преступлений, а также описание интернет-преступлений (напр., Дж. Рубенфельд/ J. Rubenfeld), М. Х. Кларк/ М. Н. Clark, Р. Ренделл/ R. Rendell и др.). Интертекстуальность, присущая практически всем современным произведениям, наиболее ярко прослеживается в детективных романах. Продолжает привлекать внимание современных писателей детектив-триллер.

(е) Современное фэнтези. Как и другие жанры, современное фэнтези продолжает традиции классического фэнтези и развивает новые черты. Так же, как и в некоторых других жанрах, появляются разнообразные поджанры: готическое, мифологическое, научное, хоррор, историческое фэнтези и др. Как и в классическом, в современном фэнтези создается своя мифология, свой мир, своя история создания этого мира. Здесь имеет место описание иных миров, иных планет, на которых происходит борьба за власть. Согласно законам фэнтези эта борьба между злыми и добрыми волшебниками, злыми и добрыми силами. В отличие от классического в современное фэнтези добавляются элементы хоррор, экшен, триллеров. Отличительная черта современного фэнтези – ироническое и пародийное начала (Т. Пратчетт/ T. Pratchett, Э. Норт/ A. North), Р. Маклиш/ R. MacLeish и др.).

(ж) Современные антиутопия/ фантастика. Широко известные антиутопии 20 века – произведения Р. Брэдбери (R. Bradbury), Дж. Оруэлла (G. Orwell), О. Хаксли (A. Huxley), К. Чапека (K. Sapkha) – заложили основу жанра антиутопии в литературе. Особенностью современных произведений является соединение жанров антиутопии и фантастики, антиутопии и фэнтези, антиутопии и приключенческого романа. В настоящее время традиции жанра развиваются, изменяются, дополняются новыми идеями, сюжетами, темами: тема противостояния

законов и норм общества и человеческих ценностей (С. Ахерн / C. Ahern); тема выживания в новом миропорядке (К. Ишигуро/ K. Ishiguro, Х. Хауи/ H. Howey, Т. Мафи/ T. Mafi; тема жестоких игр ради выживания (С. Коллинз/ S. Collins, Л. Оливер/ L. Oliver, С. Кинг/ S. King).

Интересным представляется возникновение такого существующего на стыке антиутопии/фантастики и исторического романа поджанра, как альтернативная история, к которому автор монографии относит целый ряд произведений (Ф. Дик/ Ph. Dick, С. Таунсенд/ S. Townsend, К. Аткинсон/ K. Atkinson).

(з) Современный приключенческий роман. Данный жанр получил в настоящее время свое развитие и воплощение в таких видах, как триллер, технотриллер, экшен, т.н. *suspense novel* (М. Кричтон/ M. Crichton, М. Х. Кларк/ M. Clark). Продолжают развиваться традиции любовно-приключенческого романа, наиболее яркий из которых роман Д. Дюморье (D. du Maurier) *Frenchman's Creek* / Бухта пирата.

(и) Современный эпистолярный роман. Классический эпистолярный роман приобретает в настоящее время иную форму воплощения. Письма, написанные от руки, в настоящее время вытеснены электронными письмами, сообщениями в соцсетях и блогах, смс-посланиями по мобильным телефонам, что имеет свое отражение на страницах литературных произведений (напр., С. Ахерн/ C. Ahern).

Встречаются также романы, в которых письма героев, написанные при помощи традиционных или современных средств, преподносятся автором в качестве вложений (Н. Спаркс/ N. Sparks, Дж. Пауэлл/ J. Powell). Интересным представляется тот факт, что форма послания влечёт за собой и изменение содержания, общей тональности произведения, оказывает влияние на его интерпретацию.

(к) Университетский роман. Достаточное количество произведений, посвя-

щенных академической среде, позволяет исследователям говорить о возникновении такого романа, как университетский, или академический. Зарождение этого жанра произошло в США в середине 20 века, с выходом в свет романа М. Маккарти (M. McCarthy) *The Groves of Academe* / Академические кущи и полемика отклика на него – романа Р. Джаррела (R. Jarrel) *Pictures from an Institution* / Картины университетской жизни, а также романа В. Набокова (V. Nabokov) о русском эмигранте, преподавателе американского университета Рнин/ Пнин. Одной из характерных особенностей романов данного подвида направления постмодернистского реализма является конфликт между главным героем-интеллектуалом и университетской средой, в которой он вынужден работать.

Современные авторы, пишущие об академической среде, ищут возможность сломать стереотипы, переосмыслить культурные коды, присущие университетской среде как сегменту культурно-образовательного пространства общества (напр., К. Эмис/ K. Amis, Э. Сигал/ E. Segal, Ф. Проуз/ F. Prose и др.).

(л) Современный женский роман. В англоязычной литературе существует давняя традиция женского романа, идущая от Дж. Остен/ J. Austen, сестёр Бронте/ Bronte sisters, Дж. Элиот/ G. Eliot, позже – С. Платт/ S. Plath. Творчески развивают данный жанр следующие современные авторы: британские писательницы М. Дрэббл/ M. Drabble, А. Брукнер/ A. Brookner, Ф. Уэлдон/ F. Weldon и др., американские писательницы Э. Страут/ E. Strout, К. Стокетт/ K. Stockett, Т. Моррисон/ T. Morrison и др., канадские писательницы Э. Монро/ A. Monro, М. Этвуд/ M. Atwood) и другие.

На рубеже 20-21 веков возникает новое направление постфеминистской прозы Британии, известное в англоязычном литературоведении как chicklit / чиклит. Начало феномена положено романами

Х. Филдинг/ H. Fielding, Ф. Уокер/ F. Walker, Л. Хендерсон/ L. Henderson.

(м) Современный социально-психологический роман. В современном социально-психологическом романе отчетливо прослеживаются традиции реализма 19-20 веков, как то: (а) описание британского общества на протяжении нескольких десятилетий (Ч. П. Сноу/ Ch. P. Snow), (б) создание галереи образов и полотна нравов и быта британского общества второй половины 20 века (Э. Пауэлл/ A. Powell), (в) выражение движения сердитых молодых людей (angry young men) (И. Во/ E. Waugh, Г. Грин/ Gr. Green), (г) творчество представителей критического реализма в Британии (К. Эмис/ K. Amis, Дж. Уэйн/ J. Wain, Дж. Брейн/ J. Braine, (д) моральные искания, поиск правды, внутренней самоидентификации творчества писателей послевоенного периода в Америке (Дж. Ап-дайк/ J. Updike, Н. Мейлер/ N. Mailer, С. Беллоу/ S. Bellow, Дж. Д. Сэлинджер/ J. D. Salinger, У. Стайрон/ W. Styron, Ф. Рот/ Ph. Roth. Все эти и другие произведения послужили основой для возникновения произведений современного социально-психологического романа.

Автор данной монографии наблюдает в настоящее время в литературе тенденцию к использованию реалистического метода, что дает исследователю основание говорить о возникновении такого литературного направления, как новый реализм (напр. Д. Лодж/ D. Lodge), следующие отличительные черты которого экспонируются в монографии:

1) авторы используют весь арсенал постмодернистских приемов для глубокого проникновения во внутренний мир главного героя;

2) на первый план они выдвигают не глобальные социально-политические процессы или значимые для общества события, а обстоятельства жизни отдельных людей, образы которых характерны для

определенного общества в определенный период времени/ в наше время;

3) автор не ставит себя выше своих героев и своих читателей; он сам – типичный представитель своей эпохи, который сталкивается с вызовами современности и решает экзистенциальные проблемы; в связи с этим в произведениях присутствует доверительность, сочувствие автора героям;

4) этической установкой данного направления является ценность жизни в ее многообразии, преклонение перед жизнью как таковой.

Авторы романов о современном состоянии Англии размышляют о специфике английской культуры и по-новому пытаются осмыслить идею английской национальной идентичности. Основные составляющие «национального мифа» появились в англоязычной художественной литературе в 19 веке, в 20 веке сложилось понятие «английскость». Основными компонентами национального мифа исследователи называют национальный образ жизни, национальную концептосферу, систему репрезентирую-

щих образов (Дж. Фаулз/ J. Fowles, Г. Свифт/ Gr. Swift, Дж. Барнса/ J. Barnes и др. современные писатели).

Широкая представленность образов современной английской прозы (всего 212 романов и ряд рассказов), ее детальный аналитический обзор и аргументированная рубрикация ее жанровой вариативности делают данную монографию – интенсифицируя ее прагматический эффект – надежным путеводителем для тех, кто совершает первые шаги в изучении современной англоязычной литературы.

В целом рассматриваемая монография представляет собой увлекательную штудию путей и динамики развития жанров современной англоязычной литературы, широкого экспонирования специфических черт и новых форм, дифференциацию разновидности жанров на поджанры и типы, что, несомненно, представляет живой интерес не только для исследователей в данной области филологии, но и для культурологов, аспирантов, магистрантов и студентов филологических факультетов.

Информация об авторе / Information about the Author

Федуленкова Татьяна Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации; член Российского профессорского собрания (Сертификат № 64), член-корреспондент РАЕ, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Российская Федерация, e-mail: fedulenkova@list.ru

Tatyana N. Fedulenkova, Doctor of Sciences (Philological), Professor of the Department of Foreign Languages of Professional Communication; member of the Russian Professorial Assembly (Certificate No. 64), corresponding member of the RAE; Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletov, Vladimir, Russian Federation, e-mail: fedulenkova@list.ru

К сведению авторов

1. К публикации в журнале «Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика» принимаются актуальные материалы, содержащие новые результаты научных и практических исследований, соответствующие профилю журнала, не опубликованные ранее и не переданные в редакции других журналов.

2. Авторы статей должны представить в редакцию журнала:

– статью, оформленную в соответствии с правилами оформления статей, представляемых для публикации в журнале;

– лицензионный договор;

– сведения об авторах (фамилия, имя отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, телефон, e-mail).

3. Бумажный вариант статьи подписывается всеми авторами, что означает их согласие на передачу Университету прав на распространение материалов статьи с помощью печатных и электронных носителей информации.

4. Редакция не принимает к рассмотрению рукописи, оформленные не по правилам.

5. Публикация статей в журнале для авторов бесплатна.

6. Основной текст рукописи статьи (кроме аннотации и ключевых слов) набирают в текстовом редакторе MS WORD шрифтом «Times New Roman» размером 14 пт с одинарным интервалом, выравнивание по ширине. Поля с левой стороны листа, сверху и снизу – 2,5 см, с правой стороны – 2 см. Абзацный отступ – 1,5 см.

7. Схема построения публикации: УДК (индекс по универсальной десятичной классификации), фамилия и инициалы автора(ов) с указанием ученой степени, звания, места работы (полностью, включая адрес организации), электронного адреса (телефона), название (полужирный), аннотация (200–250 слов) и ключевые слова (5–10 слов), текст с рисунками и таблицами, литература. Авторы, название, аннотация и ключевые слова приводятся на русском и английском языках. Текст статьи должен быть структурирован по разделам:

- введение (постановка проблемы)
- результаты и обсуждение
- выводы

Например:

УДК 81-114.2

Н. А. Боженкова, д-р филол. наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (Россия, 117485, Москва, ул. Академика Волгина, 6) (e-mail: natalyach@mail.ru)

Социолингвистический обзор статуса русского языка на постсоветском коммуникативном пространстве

Дезинтеграционные процессы последнего десятилетия XX века, вызванные многоплановыми геополитическими факторами, привели к трансформации информационного поля на русском языке: в каждом из четырнадцати новых постсоветских государств...

Ключевые слова: социолингвистика; коммуникативная лингвистика; постсоветское пространство; статус русского языка; языковая ситуация.

8. При формировании текста не допускается применение стилей, а также внесение изменения в шаблон или создание собственного шаблона. Слова внутри абзаца следует разделять одним пробелом; набирать текст без принудительных переносов; не допускаются разрядки слов.

9. Для набора формул и переменных следует использовать редактор формул MathType версии 5.2 и выше с размерами: обычный – 12 пт; крупный индекс 7 пт, мелкий индекс – 5 пт; крупный символ – 18 пт; мелкий символ – 12 пт.

10. Рисунки и таблицы располагаются по тексту. Таблицы должны иметь тематические заголовки. Иллюстрации, встраиваемые в текст, должны быть выполнены в одном из стандартных форматов (TIFF, JPEG, PNG) с разрешением не ниже 300 dpi и публикуются в черно-белом (градации серого) варианте. Качество рисунков должно обеспечивать возможность их полиграфического воспроизведения без дополнительной обработки. **Рисунки, выполненные в MS Word, недопустимы.**

Рисунки встраиваются в текст через опцию «Вставка-Рисунок-Из файла» с обтеканием «В тексте» с выравниванием по центру страницы без абзацного отступа. Иные технологии вставки и обтекания **не допускаются.**

11. **Список литературы к статье обязателен** и должен содержать все цитируемые и упоминаемые в тексте работы (не менее 10). Список представляется в двух вариантах: традиционный (ГОСТ Р 7.05–2008) и дополнительный с переводом русскоязычных источников на латиницу и английский язык. Применяется транслитерация по системе BSI. Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются. При ссылке на литературный источник в тексте приводится порядковый номер работы в квадратных скобках.

12. В материале для публикации следует использовать только общепринятые сокращения.

Все материалы направлять по адресу: 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94. ЮЗГУ, редакционно-издательский отдел.

Тел.(4712) 22-25-26, тел/факс (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Изменения и дополнения к правилам оформления статей и информацию об опубликованных номерах можно посмотреть на официальном сайте журнала: <http://www.swsu.ru/izvestiya/serieslingva>.

Изменения и дополнения к правилам оформления статей и информацию об опубликованных номерах можно посмотреть на официальном сайте журнала: <https://science.swsu.ru>.